

СЕЛЬДЖУКИ

Кочевники — завоеватели Малой Азии

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Загадки древних цивилизаций»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Райс Тамара Т.
P18 Сельджуки. Кочевники — завоеватели Малой
Азии / Пер. с англ. О.И. Миловой. — М.: ЗАО
Центрполиграф, 2004. — 238 с. — (Загадки древних
цивилизаций).

ISBN 5-9524-0949-0

Книга посвящена сельджукам — кочевникам, сохранившим контроль над большинством районов в центре и на востоке Малой Азии вплоть до XIII века, когда они были разбиты монголами. В книге ярко и увлекательно рассказано о светской культуре, литературе, архитектуре, своеобразной скульптуре и замечательном прикладном искусстве этого народа. Издание снабжено уникальными фотографиями, дающими представление о культурном наследии сельджуков.

ББК 63.3(0)4

ISBN 5-9524-0949-0

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2004
© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2004

ОТ АВТОРА

Для передачи всех географических названий на территории государства сельджуков — Румского султаната, а также находящихся в Хорасане и Средней Азии, в книге использовалось принятое в настоящее время в турецком языке написание. Имена Сельджукидов, других знаменитых тюрок и названия находящихся в данном регионе памятников тоже приведены в современной транскрипции. Персидские и арабские имена собственные переданы с помощью транслитерации. Поэтому имя правителя сельджуков пишется как Кейхусров, а персидского героя — Кей-Хосров. Исключения сделаны лишь для таких слов, как «шах», «паша», и имени Сельджук, которые так давно употребляются в английском языке, что было решено придерживаться их традиционного написания¹.

В случаях, когда две даты разделены косой чертой (например, 1077/78), это означает, что любая из них, обозначающая год от Рождества Христова, может соответствовать году хиджры².

¹ В нашем издании в тексте применены имена и названия, принятые в русском востоковедении.

² Х и д ж р а — летосчисление мусульман, строится по лунному, а не по солнечному календарю и ведется от сентября 622 г. (Здесь и далее примеч. ред.)

СПИСОК ВАЖНЫХ ДАТ

- 689 г. н. э. огузы вторглись в Трансоксанию¹.
712 огузы взяли под свой контроль Среднюю Азию и вошли в Самарканд.
- 920—960 сельджуки приняли ислам.
1035 сельджуки получили контроль над Хорасаном и объявили себя защитниками халифов Аббасидов.
- 1040 битва при Данданакане, в которой сельджуки одержали победу над Газневидами.
- 1043 Тогрул-бек сделал Мерв своей столицей и был признан сторонником и защитником халифа, с молитвы в его здравие стали начинать хутбу.
- 1046 первый поход сельджуков в Армению.
1055 правившие в Багдаде халифы династии Аббасидов присвоили Тогрул-беку титул «царь (малик) Востока и Запада».
- 1071 Манцикертское сражение, в котором сельджуки разбили византийцев.
- 1077/78 Сулейман стал правителем Рума.
1078 Сулейман взял себе титул султана и сделал Никею своей столицей.
- 1086 Сулейман заявил о своей независимости от Великих Сельджуков.
- 1143 Йконий (Конья) стал столицей Румского султана.
- 1243 битва при Косе-Даге, в которой монголы разбили сельджуков.

¹ Трансоксания — принятое на Западе греческое название междуречья Амударья и Сырдарья. В отечественной литературе — Мавераннахр (араб.).

ДИНАСТИИ СЕЛЬДЖУКИДОВ

Предки сельджуков:

Тукак (Токак, Тугак) = Тимур-яйлык = байгу = ябгу (йаб-гу)¹

Сельджук — его сын; умер в возрасте 107 лет.

Исраил = байгу Арслан — его старший сын, Микаил — его средний сын и Муса — его младший сын.

Чагры-бек, Тогрул-бек — сыновья Микаила. Чагры-бек умер в 1060 году. Ибрахим ибн Инал — сын дяди Тогрула по отцу и брат Тогрула по матери.

Великие Сельджуки Персии, 1038—1157 гг.

- 1038—1063 Рукн ад-дин Абу Талиб Тогрул.
 1063—1072 Аду ад-дин Абу Сача Алп Арслан.
 1072—1092 Джалал ад-дин Абу-л-Фатх Малик-шах.
 1092—1094 Насир ад-дин Махмут Баркиарук.
 1094—1104 Рукн ад-дин Абу-л-Музаффар.
 1104—1117 Малик-шах II и Гияс ад-дин Абу Шуджа Мухаммед.
 1118—1153 Муизз ад-дин Абу-л-Харис Санджар.

Сельджуки Сирии

- 1078—1095 Тутуш, брат Малик-шаха из Персии.
 1095—1113 Ридван — его сын, правил в Халебе (Алеппо).
 1095—1104 Дукак, сын Тутуша, правил в Дамаске.

Алп Арслан и Султан-шах, сыновья Ридвана, были васалами Лулу-шаха и правили непродолжительное время. Их наследники не имеют отношения к предмету данной книги.

Сельджуки Ирака

- 1131—1134 Санджар провозгласил Махмута правителем.
 1134—1152 Малик-шах и Мухаммед, сыновья Махмута.
 1152—1159 Сулейман, их брат.
 1159—1175 Арслан, их дядя.
 1175—1194 — Тогрул, сын Арслана, последний султан Ирака.
 Убит союзником хорезмшаха.

¹ Б а й г у , я б г у — верховные титулы огузских племен.

Сельджуки Рума, с 1077-го по примерно 1308 г.

- ? — 1064 Куталмыш, сын Исраила Арслана-ябгу. Убит в бою у города Рей. (В настоящее время иногда используют другое написание его имени — Кутлымыш.)
- 1077—1086 Сулейман, его сын. Убит или совершил самоубийство после того, как его разбил Тутуш из Сирии.

Междуцарствие

- 1092/93—1106/07 Дауд или Махмуд Кылыч Арслан I, сын Сулеймана. Утонул. По мнению Ф. Сарре, он женился на Изабелле, сестре Реймонда Сент-Эгидира; он также был женат на дочери эмира Смирны Цакаса.
- 1106/07—1116/17 Малик-шах, брат Кылыч Арслана I.
- 1116/17—1156/57 Рукн ад-дин Масуд I.
- 1156/57—1188/89 Изз ад-дин Кылыч Арслан II, сын Масуда I. В 1188/89 году он разделил свое государство между 11 сыновьями, возможно, что-то также досталось и его дочери. Он умер в 1192 году в доме младшего сына — самого любимого из всех сыновей, который в итоге и стал его преемником. При его жизни Анкарой некоторое время правил его брат Шахан-шах.

Как Кылыч Арслан II поделил Рум между своими 11 сыновьями

1. Кутб ад-дин Малик-шах — Сивас и Аксарай.
2. Рукн ад-дин Сулейман-шах, отец Изз ад-дин Кылыч Арслана III — Токат и земли, простирающиеся до Черного моря.
3. Мухи ад-дин Масуд-шах — Анкара, Чагры и Эскишехир. Отчеканенные им в Анкаре монеты датируются 1200-м и 1202 годами.
4. Нур ад-дин Махмут Султан-шах — Кайсери, хотя, как создается впечатление, на какой-то период султан отдал этот город своей дочери.
5. Мюгис ад-дин Тогрул-шах, отец Рукн ад-дина Чихан-шаха и Исмета Хатуна — Эльбистан.

6. Муизз ад-дин Кайсар-шах — Малатья.
7. Наср ад-дин Баркиярук — Никсар и Койлухисар.
8. Низам ад-дин Аргун-шах — Амасья.
9. Санджар-шах — Эрегли.
10. Арслан-шах — Нигдэ.
11. Гияс ад-дин Кейхусров I, отец Кейкавуса I, Кейкубада I и Селал ад-дина — Кейфаридун, Улубурлу, Конья и Кютахья.
- 1192—1195/96 Гияс ад-дин Кейхусров I, младший сын Кылыч Арслана II.
- 1196—1203/04 Рукн ад-дин Сулейман-шах, его брат. Скоропостижно скончался спустя пять дней после убийства его брата Мухи ад-дина Масуд-шаха из Анкары.
- 1204—1205 Изз ад-дин Кылыч Арслан III, сын Рукн ад-дин Сулейман-шаха.
- 1205—1210 второе правление Гияс ад-дина Кейхусрова I.
- 1210/11—1219 Изз ад-дин Кейкавус I, сын Кейхусрова I. Умер от туберкулеза легких.
- 1219—1236 Ала ад-дин Кейкубад I, брат Кейкавуса I. Отравлен — вероятно, по приказу его сына Кейхусрова II.
- 1236—1246 Гияс ад-дин Кейхусров II. Впервые женился в 1232 году на дочери князя Алеппо; позднее женился на Русудан, дочери царицы Грузии Тамары. Его детьми были Кейкавус II, Фалек ад-дин, Кылыч Арслан IV и Кейкубад II.

Триумвират, в который входили три сына Кейхусрова II

- 1246—1283? Изз ад-дин Кейкавус II правил землями к западу от Галиса (Кызыл-Ырмак) сначала вместе с братьями, а затем единолично. Его сыновьями были Малик Константин, принявший христианство, Кылыч Арслан и Масуд, участвовавший в походе отца в Крым.
- 1246—1264 Рукн ад-дин Кылыч Арслан IV, отец Кейхусрова III и Хуанд Хатун. Правил сначала вместе с братьями, затем единолично землями к востоку от Галиса (Казыл-Ырмак). Был убит в Акшехире.
- 1246—1257 Ала ад-дин Кейкубад II. Умер во время поездки в Монгольскую империю.

1264/65—1283 Гияс ад-дин Кейхусров III, сын Кылыч Арслана IV. Возведен на трон в возрасте трех лет перваном Сулейман Муин ад-дином. Убит в Эрзинккане по приказу монгольского ильхана Ахмета.

Вторжение мамелюков в Конью в 1277 году

1283—1298 Гияс ад-дин Масуд II, сын Изз ад-дина Кейкувуса II. Правил землями к востоку от Галиса после своего племянника Кейхусрова III.

1283—1304 Ала ад-дин Кейкубад III, сын Фарибурза и двоюродный брат Масуда II. Правил землями к западу от Галиса (Кызыл-Ырмак), однако его право на получение полного суверенитета было оспорено Масудом III, сыном Масуда II. Борьба за власть продолжалась вплоть до смерти Кейкубада.

1302—1308 Гияс ад-дин, сын Кейкубада III, и Масуд III оспаривали право на полный суверенитет до того момента, как Масуд был убит монголами.

Гияс ад-дин исчезает со страниц истории бесследно, на нем династия заканчивает свое существование. Однако не исключено, что Гази Селеби, якобы являвшийся его сыном, некоторое время еще продолжал править в Кастамону и Синопе.

Бейлики, появившиеся в Малой Азии после распада Румского султаната Сельджукидов

Около 1300—1403 Айдын. Правил в Бирге, Аясулуке, Тире и Измире.

Около 1292—1406 Чандар. Правил в Кастамону, Синопе и Сафранболу.

? — около 1373 Дюльгадир. Правил в Мараше, Антепе и Анталье.

Около 1335—1381 Эртена. Правил в Кайсери, Токате, Сивасе и Зиле.

Около 1299—? Эгреф. Правил в Бейшехире.

Около 1303—1429 Гермиян. Правил в Кютахье, Лядике, Манисе и Балыкесире.

Около 1300—1426 Хамид. Правил в Эгридире, Испарте и Анталье.

Около 1385—1459 Исфендияр. Правил в Синопе (?) и Канкири.

- Около 1256—1483 Караман. Правил в Нигдэ, Лядике (?), Ларенде (Карамане), Эрменаке, Аксарая, Сиврихисаре и Конье.
- Около 1380—1425 (?) Ментеше. Правил в Айдыне и Султанхисаре.
- ? — ? Рамазан. Правил в Адане и Тарсусе.
- Около 1300—1410 Сарухан. Правил в Манисе, Фоче, Сарухане, Гёрдесе и Демирдже.

Конец XII века и позднее — династия Османов. Правили в Эскишехире, Изнике, Бурсе и позже на территории всей бывшей Византийской империи и стран, вошедших в состав Османской империи.

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН

Несмотря на то что предмет нашего разговора — сельджуки Рума, иначе говоря, Восточного Рима (если использовать название, под которым они были известны своим современникам), в то время, когда они обосновались в Малой Азии после одержанной в 1071 году в Манцикертском сражении победы над византийцами, рассказ о них необходимо начать издавелока. Сначала давайте обратим взгляд в далекое прошлое и поговорим о более отдаленных землях, лежащих к востоку от Малой Азии. Как писал персидский географ X века Махмуд Кашгари, в VII веке сельджуки Рума были одним из 24 племен огузов — тюрок-кочевников, живших вдоль границ Афганистана. Некоторые ученые считают, что огузы — это в действительности хуинь-ну, разбойничавшие в западных провинциях Китая еще в 1200 году до нашей эры, или их преемники хунну, которые в 215 году нашей эры были обращены в бегство китайцами и двинулись на запад, в итоге опустошив всю Европу, где и стали известны как гунны. Оставшиеся в Азии огузы увеличились численно и процветали. Во время вторжения арабов, то есть в начале VIII века, их стали называть тюрками. Кроме богини Умай, которую, подобно шаманам более поздних времен, тюрки почитали как защитницу детей, они поклонялись также силам природы. Их чувство национальной принадлежности даже тогда было настолько острым, что в Орхонских надписях, самом раннем тюркоязычном памятнике-

ке письменности, часто упоминаются «тюркское Небо», «тюркские Земля и Вода» и т. д.¹

Сельджуки вошли в Трансоксанию вместе с несколькими другими племенами огузов в 689 году нашей эры, а к 712 году уже взяли под контроль запад Средней Азии и добрались до Самарканда. Несмотря на то что затем некоторые из них стали вести полукочевой образ жизни, все они продолжали жить в шатрах. Сельджуки взяли себе за правило летом собираться в Самарканде и его окрестностях, а на зиму перебираться в Бухару. К X веку сельджуки стали самым жизнеспособным из всех обитавших в низовьях Яксарта² племен огузов.

СЕЛЬДЖУК

Сельджуки заявляли о своем царском происхождении, считая предком Сельджука, который, согласно «Тарихи Гузида» или «Истории Мустоуфи»³, принадлежал к племени кынык царского дома Афрасиаба. С именем Сельджука связано много легенд. Одна из них рассказывает о его битве один на один с ханом могущественных хазар, однако историк XI века Ибн ал-Асир утверждает, что в этом бою принимал участие Тукак, также известный под именем Тимур-яйлык, или Железный Лук, которого он называет отцом Сельджука. Современные ученые скептически относятся к мнению ал-Асира, который считал, что в действительности основателем династии был Тукак, объясняя свою точку зрения в том числе и тем, что Тукак также носил имя Байгу (Д. Данлоп полагает, что «Байгу» — это искаженное «Ябгу»,

¹ В этом кратком очерке много от романтических и научно беспочвенных сравнений и отождествлений древних и средневековых народов (гуннов с огузами, а огузов с тюрками). Слова о мировоззрении тюрков случайны, содержат произвольно избранные данные и в целом служат лишь созданию экзотической картины. Название «огуз» распространилось в Средней Азии лишь в IX—X вв.

² Я к с а р т — греческое название Сырдарьи.

³ Имеется в виду сочинение историка Хамдаллаха Мустоуфи Казвини (XIV в.).

означающее титул человека)¹. По мнению еще одного раннего исламского историка Ибн Хабреуса², карьера Тукака началась со службы в армии хана иудаистов-хазар — к тому моменту эти два народа уже довольно продолжительное время имели тесные торговые связи. Он дослужился до поста командира и умер молодым, когда его сын Сельджук был совсем маленьким. Хазарский хан пожалел осиротевшего мальчика, взял его под личную опеку, поселил у себя в доме и дал ему образование при дворе. Не похоже, чтобы юный отпрыск благородной фамилии был преисполнен благодарности за это: дело в том, что жена хана однажды услышала, как он неуважительно отзывался о своем покровителе. Возмущенная словами Сельджука ханша пожаловалась на него мужу, а тот удовлетворился лишь тем, что изгнал неблагодарного из страны. Возвратившись к своему народу, Сельджук узнал, что между их иранскими сюзеренами Саманидами и тюркской династией Караханидов идет война. Воспользовавшись ситуацией, он повел свой народ в Дженд, который по-прежнему был в руках Саманидов. Сельджук отказывался вывести свое племя оттуда до тех пор, пока оно не получило освобождения от выплаты Саманидам дани, которой, по его мнению, племя было обложено несправедливо. Сельджук умер в Дженде в возрасте 107 лет.

РЕЛИГИЯ

Четыре сына и преемника Сельджука — Микаил, Юнус, Муса и Исраил укрепили свою власть в Бухаре и Самарканде. Факт выбора еврейских имен для двоих сыновей, похоже, подтверждает предположение Д. Данлопа о том, что Сельджук вместе с несколькими при-

¹ Высокий титул «байгу» (буквально означавший «сокол» или «ястреб-тетеревятник») бытовал наряду с титулом «ябгу» («йабгу» или «джабгу»), которым у огузов величали верховного правителя.

² Вероятно, имеется в виду Инб Джабир ал-Балазури, умерший в 892 г.

дворными вполне мог последовать примеру дружески относившихся к его отцу хазар и принять иудаизм. Однако некоторые российские ученые считают этот факт свидетельством того, что религией сельджуков стало христианство¹. Точный ответ на этот вопрос дать сложно отчасти потому, что с очень ранних времен все племена огузов стали жертвой миссионеров различных мастей. Сначала это были буддисты, пришедшие в III веке нашей эры в Среднюю Азию из Индии, — тогда для записи текстов огузы начали использовать индийский алфавит, но вскоре отказались от него ради согдийского, или древнеперсидского письма². За буддистами к огузам пришли манихеи, а вскоре после них христиане. Вполне возможно, что представителям каждой из этих религий удалось обратить в свою веру какую-то часть кочевников. Как бы то ни было, христиане никогда не пользовались среди них особым влиянием, даже буддисты не смогли закрепиться там надолго и сдали позиции под напором религии Сасанидов, а ее, в свою очередь, в VII и VIII веках сменила религия торговцев-арабов, которые во все более возрастающих количествах устремлялись через Среднюю Азию в Китай. Хотя присутствие арабов в Средней Азии положило конец персидскому господству там, сначала они не могли оказывать влияние на религиозные воззрения огузов, большинство которых, вероятно, были шаманистами. Однако неуклонный рост численности арабов постепенно начал давать знать о себе, и к середине IX века расположенные по берегам Окса³ крупные города были вынуждены строить мечети для проживавшего в них арабского населения. Так огузы

¹ О христианстве огузов и их храмах пишут средневековые авторы ал-Казвини и ал-Бакуви.

² Эти сведения автора относятся не к огузам, а к народу тюрков, создавших I Тюркский каганат. Применение в нем буддийского алфавита брахми отмечено с VI в., согдийское письмо стало в нем официальным и использовалось в государственных актах (в том числе на монетах) восточных преемников тюрков — тюркешей — еще в VIII в. и затем вплоть до XI в.

³ О к с — греческое название Амударьи.

познакомились с исламом, и к концу X века — где-то между 920-м и 960 годами — сельджуки стали ревностными сторонниками Мухаммада.

ИСРАИЛ

Исраил оказался выдающимся военачальником и человеком, способным вести за собой людей. В 1003 году он пришел на помощь Саманидам, которые в очередной раз воевали с Караханидами; в результате он получил право использовать определенные угодья в Хорасане — на территории Саманидов. Махмуд Газневи предал данную договоренность забвению, хотя к 1025 году он стал настолько опасаться сельджуков, что решил вторгнуться на земли Исраила в надежде, что такая демонстрация силы может осадить сельджуков, имперские замашки которых стали проявляться слишком явно. Дурные предчувствия Газневи усилились, когда ему сообщили, что, по словам Исраила, тот может собрать 100 тысяч вооруженных воинов, если всего лишь пошлет в свои земли стрелу из своего колчана, и что он может собрать вдвое больше, если пошлет туда свой лук. Махмуд поверил его словам, однако отказался последовать совету приближенных, считавших необходимым отрубить большие пальцы рук всем сельджукам мужского пола — чтобы потом ни один из них не смог выстрелить из лука. Вместо этого он удовлетворился тем, что предостерег сельджуков против каких-либо враждебных действий и забрал одного из братьев Исраила назад в Газну, где заточил его в крепость Каланджар¹. Может быть, именно из-за этого Исраил принял решение перейти Окс и вторгнуться на территорию Газневидов.

Силы сторон были примерно равны, и, хотя Газневидам в конце концов удалось остановить наступление сельджуков и захватить Исраила с одним из его сыно-

¹ Большинство источников и вслед за ними историки связывают эти события с самим Исраилом, умершим в заточении в 1032 г.

вей¹, наступивший мир оказался всего лишь передышкой. Враждебность сельджуков заметно усилилась, когда шах Саманид решил забрать у них территории, предоставленные им в пользование его предшественником. Это еще более укрепило сельджуков в намерении получить суверенитет.

МИКАИЛ

Руководство племенем перешло к брату Исраила Микаилу, который обосновался в Бухаре. В 1029 году он с тремя сыновьями — Тогрул-беком (что в переводе означает «сокол»), Дауд-беком (позднее он взял себе имя Чагры-бек²) и Ибрахим ибн Иналом³ — нашел предлог для нападения на Газневидов. Предлогом было убийство внука Сельджука Юсуфа, командовавшего подразделением тюрок в армии Газневидов. До того как они бросили вызов Газневидам, Тогрул рискнул отправить халифу письмо с изложением своей точки зрения на происходящие события. В письме он также заверял халифа в своей преданности и просил благословения на борьбу с Газневидами. Потом было сражение, в котором, возможно, Микаил погиб⁴ — дело в том, что в 1030 году армией командовали только его сыновья. Им удалось нанести противнику значительный ущерб, и, по условиям заключенного в 1035 году мира, Сельджукиды получили контроль над всем Хорасаном. Тогрул и Дауд провозгласили себя сторонниками халифов Аббасидов и на следующий год оба были назначены управлять Дихистаном, Нисой и Фаравой; при этом оба получили особые шапочки с двумя острыми верхушками, богатые

¹ Старший сын Исраила был пленен еще в 1029 г.

² Титулы огузов и сельджуков «байгу», «тогрул» и «чагры» все восходят к названиям птиц соколиной породы.

³ Ибрахим ибн Инал — не сын Микаила, хотя брат Тогрул-беку и Чагры-беку по матери.

⁴ По сообщению Ибн ал-Асира, Микаил погиб в бою с «неверными» тюрками.

халаты и большие знамена: у персов эти предметы традиционно символизировали власть. Кроме того, согласно тюркским традициям, в дар им были преподнесены оседланные кони, золотые пояса и тридцать отрезков тканей.

ТОГРУЛ

Примерно тогда же этот сын Исраила вновь появился в Бухаре, где не был семь лет, которые провел в неволе в Газне. Его возвращение и известие о смерти Исраила стали поводом для очередного нападения Сельджукидов на Газну. Как и прежде, войсками сельджуков командовали Тогрул и его братья; войско Газневидов возглавил Масуд, наследник Махмуда. В 1040 году их противоречия наконец-то разрешились: в битве у расположенного поблизости от Мерва Данданакана опять победили сельджуки. На этот раз победа была окончательной, Газневиды были вынуждены оставить свои западные земли и скрыться за стенами Газны. Пока сельджуки наслаждались свободой в Хорасане, в Газне сломленный поражением Масуд сложил оружие и предался музыке и винопитию. Падением Газневидов воспользовались отряды воинственных тюрок; началось их постепенное, но настойчивое проникновение в восточные провинции Византии, где они беспрепятственно рыскали, наводя ужас на местное население.

Победа при Данданакане была первой из длинного ряда одержанных сельджуками побед, благодаря которым они в итоге совершили триумфальное шествие через Персию и Ирак в Сирию и Малую Азию. Тогрул понимал, что благодаря этой победе он получил контроль над всей Персией. К 1043 году он укрепил свои позиции в Табаристане и перенес столицу в Мерв. Затем Тогрул отправился в поход в Индию, там в Нишапуре устроил свою ставку и провозгласил себя защитником халифа Аббасида. В ответ высшее духовное лицо

ислама признало Тогрула суверенным правителем, назвав его имя во время хутбы — официальной молитвы, возносимой в главной мечети Багдада по пятницам и в дни государственных праздников; причем сначала он упомянул Тогрула и лишь после него суверена этого города ал-Малика из династии Буидов.

Тогрул решил, что наступила пора ему и его братьям разделиться, и, когда Чагры пошел покорять земли мусульман, лежащие к востоку от Тигра, Тогрул отправил Ибрахима в поход на Хамадан. Кампании обоих братьев оказались удачными, но Ибрахим все же добился большего успеха, чем Чагры, поскольку ему удалось настолько прочно обосноваться на северо-западе Персии, что в 1045 году он смог, воспользовавшись помощью огузов, продвинуться дальше на территорию Армении. Его продвижение стало целой чередой сменяющих друг друга отлично организованных рейдов против Манцикерта, Эрзурума и Трапезунда. Эти успехи были настолько впечатляющими, что не могли не разбудить зависть, которая никогда долго и не дремала в душе кочевника. Естественно, Тогрул усомнился в лояльности брата, и Ибрахиму стало известно о подозрениях Тогрула. Опасаясь за свою жизнь, он счел за лучшее уступить Хамадан своему старшему брату и суверену, однако его душу сжигал гнев. С этого момента Ибрахим задал ненависть.

Тогрул, под властью которого находился весь северо-восток Персии и значительная часть территории Азербайджана, принял решение еще раз перенести свою столицу, на этот раз в чудесный город Рей. Там с ним жил любимый племянник Алп Арслан (вторая часть имени означает «лев»), сын обожаемого Тогрулом брата Чагры. В соответствии с древним обычаем огузов, нескольких своих родственников-мужчин Тогрул сделал местными правителями, наделив их полномочиями частично независимых вассалов. Поскольку он сам всегда хорошо помнил о взятом обязательстве защищать халифа, им он тоже никогда не позволял забыть об этом долге перед их общим духовным лидером. Поэтому, когда слабый и

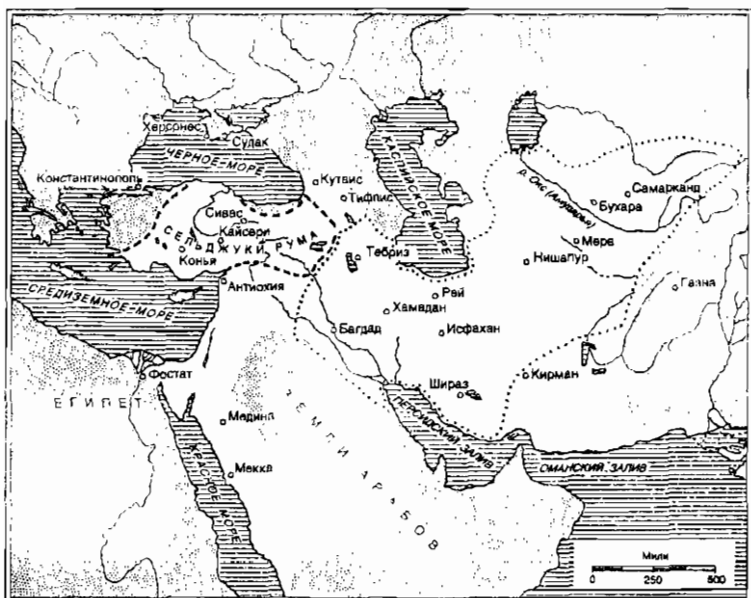

Рис. 1. Карта территорий, где правили Сельджукиды; подробнее показаны территории, где правили Великие Сельджуки Персии

неумелый политик халиф ал-Каим позволил себе стать заложником тюрка Басасири, посланца ал-Малика — последнего правителя Фарса из династии Буидов, Тогрул счел необходимым вмешаться. Поставив цель отстоять независимость халифа, он направил войско в Багдад и сам возглавил поход. Судьба вновь оказалась к нему благосклонна: Багдад быстро капитулировал. И хотя Тогрул воспользовался успехом, чтобы прибрать к рукам светскую власть, которая прежде принадлежала Аббасидам и которую у них отобрали Буиды, он честно постарался восстановить былое могущество халифа, возвратив тому духовную власть — власть высшего религиозного лидера ислама и к тому же позволив ему в этом качестве по-прежнему пользоваться услугами визиря. Взамен в 1058 году халиф осыпал своего доблестного защитника царскими почестями — возложил на плечи

Тогрула роскошную мантию, посадил его на пышный трон и провозгласил правителем Востока и Запада (рис. 1). Вскоре после этого теплые отношения между ними стали еще более близкими: халиф женился на Арслан-хатун Хадиче, племяннице Тогрула и сестре Алп Арслана. Свадьбу отпраздновали в Багдаде с большим размахом. В 1063 году в городе Рей накануне своей собственной женитьбы на дочери халифа Тогрул умер от кровотечения. Было ему около 70 лет.

АЛП АРСЛАН (1063—1072)

Алп Арслан верно служил Тогрулу и, возможно, столь же верно стал бы служить его брату Сулейману, правомочному наследнику Тогрула, если бы сын Исраила Куталмыш не вознамерился отобрать у Сулеймана власть. Алп Арслан поднял оружие против претендента. Их войска сошлись в бою у Дамгана. В ходе боя Куталмыш упал с коня, разбил голову и мгновенно умер. Не теряя времени, Алп Арслан принял титул верховного правителя. Однако ему еще предстояло доказать, что он его достоин. И по своему внешнему облику, и по характеру он очень подходил для этой роли: от природы Алп Арслан и так имел большой рост, а очень высокие головные уборы, которым он отдавал предпочтение, только усиливали это впечатление. К тому же он отрастил такие длинные усы, что, когда охотился, ему приходилось связывать их кончики на затылке — иначе усы мешали ему целиться. Он был очень сильным и смелым человеком. Действительно, он был столь же благороден и храбр, сколь впечатляющей была его внешность. Алп Арслан вел аскетический образ жизни, ему были присущи простой вкус и искренность поведения, он отличался огромным великодушием. Со своими врагами он, как правило, вел себя учтиво, по отношению к подданным был щедр: часто раздавал большие суммы денег бедным и всегда был готов помочь нуждающимся, де-

лая им денежные подарки или назначая пенсии. С другой стороны, не каждый раз ему удавалось сдерживать свой горячий нрав, и, когда его что-то сильно задевало, он мог действовать так же жестко, как его дядя Тогрул.

Алп Арслан великолепно разбирался в людях и очень осмотрительно подходил к выбору советников. Он обладал врожденным чувством уважения к знаниям всякого рода, а его замечательный визирь Низам ал-Мульк развил в нем это качество. Именно под его руководством Алп Арслан познал прелесть общения с учеными и художниками, однако наибольшее удовольствие он получал, слушая рассказы о благородных и отважных персидских героях минувших лет. Они служили ему примером для подражания и вдохновляли на подвиги, которые, в свою очередь, были увековечены собранными при его дворе поэтами. С их помощью и в не меньшей степени благодаря его собственным личным качествам достижения Алп Арслана как правителя, военачальника и покровителя искусств стали образцом, на который равнялись все последующие правители Сельджукиды. Не всем им удалось достичь таких же успехов во всех трех ипостасях, а наибольшего прогресса в этом плане смог добиться Ала ад-дин Кейкубад I из Рума. Алп Арслан приобрел репутацию умелого военачальника после того, как взял Герат, что произошло спустя год после его прихода к власти. В последующие двенадцать месяцев он покорил Дженд, где находилась могила его прадеда Сельджука, восстановил порядок в беспокойных районах Фарса и Кирмана, отвоевал у Фатимидов священные города Мекку и Медину и взял Халеб (Алеппо). Женитьба его сына Малика на принцессе из династии Фатимидов помогла восстановить мир и спокойствие на восточных и южных границах государства. Таким образом, к этому времени государство Алп Арслана занимало пространство от границ Афганистана до границ Египта, где правили Фатимиды, незащищенными оставались только его западные границы. На юго-востоке они тогда упирались в особую военную зону, ко-

тору с целью предотвращения проникновения арабов через границы империи византийцы были вынуждены устроить вдоль линии, проходившей от Антиохии до Малатии.

Вторжения мусульман в этом районе стали приобретать опасные масштабы, поэтому пришлось прибегнуть к методам, в свое время используемым Тогрулом для сдерживания набегов туркмен¹-кочевников. Принятые меры оказались эффективными, и в результате из империи Сельджукидов начался массовый отток доставлявших ей беспокойство кочевников, которые в поисках новых «охотничьих угодий» бежали на восток Византийской империи. Для того чтобы в дальнейшем оградить свою страну от их набегов, а равно и для того, чтобы обезопасить себя от сельджуков, император Василий II (976—1025) хотел получить контроль над Арменией и превратить ее в такую же буферную зону, какая существовала на юго-востоке империи.

И все же, несмотря на меры, предпринятые на юго-восточной границе, проживавшие на территории Византийской империи сторонники ислама продолжали получать подкрепление от постоянно проникавших в укрепленную буферную зону воинственных мусульман и занимавшихся грабежами тюрок. Их действия осложняли жизнь греков, которым стало трудно поддерживать сообщение между населенными пунктами, а также обеспечивать безопасность городского и сельского населения этого региона. В нескольких районах мусульмане даже стали почти независимыми от центральной власти князьками, и это в совокупности со всем остальным заставило императора предпринять попытку (что имело место около 1000 года нашей эры) убедить грузинского и армянского правителей передать часть своих территорий ему. Царь Грузии Давид Курополат согласился отдать ему Иверию, и в 1020 году император рискнул обратиться с таким же предложением к правителю Арме-

¹ Туркменами называли часть огузов, смешавшихся с европеоидным ираноязычным населением.

нии. Переговоры с ним тянулись два года, но в итоге византийцу удалось убедить его в том, что сельджуки представляют собой серьезную опасность, и тот согласился уступить территорию своего царства в обмен на новое владение, расположенное в Тавре, со столицей в Севастии (Сивасе).

Возможно, император поступил бы мудрее, если бы позволил Армении и в дальнейшем самой заботиться о собственной безопасности. Дело в том, что в результате предпринятых его предшественником мер жесткой экономики военная машина Греции находилась в таком состоянии, что император просто не мог обеспечить защиту уже существовавших границ Византийской империи, уж не говоря о безопасности каких-то новых территорий. Тогрул обнаружил уязвимое место Византии в 1045 году, когда во время одного из походов сельджукам удалось дойти до берегов озера Ван и до Карса. В 1047 году византийцы с трудом отбили второе нападение Сельджукидов, целью которых на этот раз был Эрзурум. На следующий год сельджуки возобновили наступление, прорвали оборону города и перебили жителей. В 1049 году они разграбили Ани, в 1053-м вновь атаковали Карс, в 1056-м взяли Мелитену (Малатью), а в 1059-м даже совершили набег на Севастию.

Хотя все эти походы скорее следует считать рейдами, а не спланированными военными кампаниями, тем не менее они были очень хорошо организованы и в них принимали участие регулярные войска. Участники рейда собирались на заранее условленном месте, где их делили на четыре равные по силе группы. Затем группы выстраивали по сторонам квадрата, соответствующим сторонам света. После этого каждая группа выдвигалась в заранее обусловленную точку, где группу вновь делили, на этот раз уже на три равные по численности подгруппы. Со своих позиций все войско выступало одновременно, направление его движения было подобно направлению лучей раскрытого веера. Продвигаясь вперед, разбившееся на группы войско грабило и уничтожало все попадавшееся на его пути селения до тех

пор, пока намеченная цель не была достигнута. Затем сельджуки быстро отступали с награбленным, вновь собираясь в единое войско в полном соответствии с тем же принципом, согласно которому они выстраивались перед рейдом.

Хотя основной целью Алп Арслана было покорение Герата, он, в свою очередь, в 1064 году перешел реку Аракс с тем, чтобы атаковать Ани — столицу последнего независимого эмира Карса. Он надеялся, что таким образом ему удастся помешать византийцам упрочить союз с его заклятыми врагами Фатимидами. Разрушив город, сельджуки повернули на юг, где разграбили Антиохию и Эдессу (Урфу), но на следующий год Алп Арслан возобновил набеги на Малую Азию. В 1067 году, одержав победу над армией византийцев у Левитане и Севастии, он штурмовал Кесарию (Кайсери). Вдохновленный успехом, в 1068 году он решил начать вторжение непосредственно на территорию Византийской империи. Поэтому на следующий год он напал на Иконий (Конью) и взял его, а через год атаковал Хонас на Эгейском море.

В это время в Византии правил император Константин Дука (1059—1067). Интеллектуальные пристрастия и демократические взгляды этого правителя-либерала разделял и во многом определял его бывший наставник Михаил Пселл, который в то время уже занимал пост первого министра. Вместе они совершили немало ошибок, и самой большой из них было значительное сокращение финансирования вооруженных сил. Результатом этого стало уменьшение офицерского жалованья и сокращение числа стоявших на довольствии резервистов, что в итоге привело к потере армией боеспособности. Сокращение финансирования негативно сказалось не только на воинстве, но и на тех, кто работал в его вспомогательных службах: в арсеналах и складах. Даже численность воинов пограничных гарнизонов сократилась до опасных пределов. Вскоре многие районы восточных провинций империи обезлюдели, и оказалось, что численность кочевников-туркмен и вождей небольших

тюркских племен там превысила численность греческого населения.

Когда Константин умер, Византийская империя уже с трудом могла защитить себя, а его сын и наследник Михаил VII был слишком юн для того, чтобы управлять страной. В этот критический для империи момент мать мальчика, императрица Евдокия, решила стать регентшей, однако этому воспротивилась могущественная группа византийцев, считавшая, что в сложившейся ситуации требовалась более сильная рука. Для того чтобы преодолеть сопротивление, Евдокия решила вновь выйти замуж. В мужья она выбрала Романа IV Диогена (1067—1071), выдающегося военачальника.

Новый император прекрасно осознавал, с какими трудностями ему придется столкнуться. Он понимал, что, хотя к тому моменту сельджуки по-прежнему едва ли имели своей целью нечто большее, чем периодические разбойные набеги на территорию Византии, но, если бы им было позволено продолжать делать это, ситуация могла бы только осложниться. Как и Василий II, он считал необходимым получить контроль над Арменией с тем, чтобы превратить ее в оплот Византии. Поэтому он вознамерился изгнать сельджуков из этой страны. Поставив себе такую цель, он стал собирать армию, но для того, чтобы сформировать ее, был вынужден брать в нее наемников различных национальностей. Так у него в армии оказались скандинавы, франки, славяне, а также представители различных тюркских племен, такие, как огузы, куманы и даже турки из южнорусских степей, например печенеги. Многие из них сбежали из армии Романа IV Диогена при первой же возможности. В качестве командиров ему пришлось набрать сицилийцев. В его армии встречались даже крестоносцы. Роман принял решение лично возглавить это разношерстное войско, ведь ему было хорошо известно, что многие подразделения не обладали необходимой боеспособностью. Рассчитывая нагрянуть в Армению неожиданно, он выбрал время, когда Алп Арслан отправился в поход в Египет, и повел свое 200-тысячное войско на восток.

И действительно, начальный, главным образом оборонительный этап этой кампании, пришедшийся на лето 1069 года, оказался для византийцев удачным. Вдохновленный успехом, император запланировал основную часть кампании на 1070/71 год.

Когда войско Романа подошло к границе Армении, он разделил его на две большие группы. Одну отправил брать Ахлат, а вторую повел к Манцикерту (известному также под названием Малазгирт). Когда известие о его продвижении достигло ушей Алп Арслана, султан вверил дела в Египте своему вассалу Атзысу ибн Аваку и среди всего прочего поставил ему задачу взять в 1071 году Иерусалим. Забрав с собой часть хорошо подготовленного войска, Алп Арслан спешно выступил из Египта в северном направлении, намереваясь дать бой Роману. Удача ему благоволила, — императору сообщили о походе Алп Арслана только тогда, когда последний был уже совсем близко. У Романа совсем не оставалось времени на то, чтобы воссоединить оставшуюся у него часть войска с частью, отправленной брать Ахлат. И все же Роман был до такой степени одержим идеей этого воссоединения, что вел войско вперед, даже не высылая разведчиков по пути его следования. За плохую работу разведки и легкомыслие своего императора грекам пришлось заплатить кровью.

МАНЦИКЕРТСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Утром рокового для греков дня 19 августа 1071 года Алп Арслан, инсценировав отступление, решил заманить в долину поблизости от Манцикерта основную часть огромного войска византийцев. В течение ночи наемники — печенеги, огузы и куманы (это все тюркские народы, а некоторые из них к тому же состоявшие в родстве с сельджуками) — бежали из войска Романа. Несмотря на большую потерю личного состава, утром он не смог избежать боя. Численность его армии по-прежнему превышала численность войска Алп Арслана,

составлявшую не более 150 тысяч, и даже сейчас дело могло бы принять благоприятный для греков оборот, если бы не подразделения франков, входившие в состав армии Романа, которые отказались принимать участие в сражении в самый неподходящий для византийцев момент. Когда бой был в разгаре, они наблюдали за ним издали. Византийцы оказались слабее сельджуков и под яростным натиском последних в панике бежали. В неразберихе рассыпавшаяся на мелкие группы армия забыла об обязанности охранять своего императора. Покинутый даже собственными телохранителями, Роман был пленен воинами Алп Арслана.

Греки потерпели сокрушительное поражение, последствия которого стали для них роковыми. Оба военачальника с самого начала понимали важность происходящих событий, и, несмотря на то что через некоторое время император, заплатив выкуп в полмиллиона динаров, получил свободу, с той поры византийцы, упоминая об этом сражении, никогда не называли его иначе как «тот ужасный день». На условия мира Роман согласился тогда, когда еще находился в плену; они были очень жесткими: в дополнение к огромному выкупу за то, чтобы обрести свободу, он был вынужден согласиться на 50-летнее перемирие и на освобождение всех содержавшихся у византийцев узников-мусульман. Но унижительнее всего было то, что при первой необходимости он был должен предоставлять армии Сельджукидов определенную часть своих воинов.

Пока, пребывая в Армении, Роман соглашался на такие условия, в Константинополе Михаил провозгласил себя императором. Новый монарх был совершенно не подходившим на эту роль человеком. По возвращении Романа между сторонниками обоих императоров разгорелась гражданская война. В конце концов сами монархи пошли на секретные переговоры, и, получив гарантии личной безопасности, Роман добровольно отказался от власти. Однако обещанный иммунитет, хотя и гарантированный самыми высокими сановниками государства, никто не собирался предос-

тавлять. По приказу Михаила его ослепили и заточили в монастыре на одном из Принцевых островов, где пребывавший в глубоком отчаянии император через год скончался от ран.

Роман не преувеличивал степень опасности, грозившей Византии с востока, ибо Алп Арслан тоже понял, что победа в Манцикертском сражении открыла сельджукам дорогу на запад. И действительно, он был настолько уверен в конечном результате, что принял решение придерживаться условий договора и любые военные операции на этом направлении отложить на будущее. Вместо запада он обратил свой взор на Туркестан. Предлогом для похода 1072 года в Среднюю Азию, который он возглавил, было устрашение хорезмского шаха, усиление могущества которого не могло не беспокоить сельджуков. Будущее подтвердило справедливость этих опасений, ведь после смерти сына Алп Арслана Малик-шаха хорезмские правители значительно потеснили Великих Сельджуков, а позднее, после того как с последовавшей в 1157 году смертью султана Санджара династия прекратила существование, они создали империю, куда помимо их собственных среднеазиатских владений вошло большинство северных районов Персии.

Оказалось, что в жизни Алп Арслана это была последняя военная кампания. Смерть его была весьма необычной: она настигла его, когда он судил группу пленных, среди которых был и хорезмский военачальник по имени Юсуф. Последнего подвели к султану связанным, и, когда Алп Арслан вынес ему смертный приговор, несчастный стал осыпать победителя оскорблениями. Задетый ядовитыми насмешками за живое, Алп Арслан велел страже ослабить путы Юсуфа и отойти в сторону. Затем султан поднял лук и выпустил в пленника стрелу. Однако в этот момент судьба сыграла с самым метким стрелком того времени злую шутку: его стрела не попала в цель, а в последовавшее за этим мгновение всеобщего оцепенения Юсуф бросился к Алп Арслану и ударом кинжала убил его.

Со смертью Алп Арслана история Великих Сельджуков Персии — они были известны под этим названием, отличавшим данную династию от династий сельджуков, правивших в других государствах, — перестала иметь непосредственное отношение к сельджукам Рума. И это несмотря на то, что двое наследников Алп Арслана — Малик-шах и Баркиярук — на правах старших в роду один или два раза напомнили о влиятельности своей семьи. Тем не менее никакой сколько-нибудь важной роли в истории они не сыграли. Наступало время, когда на ход событий в Малой Азии все более заметное влияние начали оказывать сельджуки Рума, а Великие Сельджуки Персии постепенно стали сходить со сцены и вскоре окончательно ее покинули.

Глава 2

ИСТОРИЯ СЕЛЬДЖУКОВ РУМА

У Великих Сельджуков существовал унаследованный от предков-кочевников обычай назначать своих ближайших родственников-мужчин на посты наместников султана в отдаленных районах. Каждому из таких наместников достаточно большая свобода предоставлялась до тех пор, пока он признавал султана в качестве верховного правителя и принимал его решения по всем аспектам внешней политики. В соответствии с этой традицией Великие Сельджуки также давали право некоторым побежденным монархам сохранять свои троны при условии, что они становятся вассалами султана. Постепенно круг наместников расширился: в него вошли и военачальники, отличившиеся на поле боя. Позднее не кто иной, как Низам ал-Мульк, выступал за возрождение системы выплаты денежных вознаграждений за проявленную в бою отвагу. Ему не удалось добиться того, чтобы это предложение было принято, но и в дальнейшем он постоянно стремился подчеркнуть, что факт дарования человеку земельного надела не дает награжденному права относиться к местному населению как к своим крепостным и не позволяет требовать с них никаких других выплат, кроме довольно скромной суммы. Система управления в целом была организована таким образом, чтобы максимально загрузить потенциальных претендентов на престол решением административных вопросов и, следовательно, отвлечь их от мыслей о заговорах против верховной власти. Тем не менее и эта система имела определенные недостатки. Вожди небольших кочевых племен

особенно склонны к интригам, подозрительности и зависти; приближенные наместника часто способствовали росту таких настроений, а чувство ответственности, которое иногда является следствием родственных отношений, больше не сдерживало амбиции. Поэтому со стороны тех самых наместников, которые должны были бы быть полностью удовлетворены поручением суверена управлять землями, часто случались измены верховному правителю. Соответственно, чтобы поддерживать в своей обширной империи порядок, султаны были вынуждены постоянно находиться начеку и в полной готовности отправиться из одного ее отдаленного уголка в другой. Вследствие всего сказанного выше, по мере роста империи власть правителей из династии Великих Сельджуков стала ослабевать, а их не занимавшие высокого положения при дворе родственники и местные эмиры (многие из них турки по происхождению — в противоположность государственным служащим, которые были главным образом персами или арабами) стали без промедления использовать малейшую возможность для того, чтобы служить своему монарху лишь на словах, поэтому постепенно отдаленные провинции империи сельджуков отделились от нее.

СУЛЕЙМАН (1077—1086)

Одержанная Алп Арсланом в Манцикертском сражении победа открыла сельджукам дорогу в Малую Азию, однако, когда этот султан вместо того, чтобы воспользоваться данным преимуществом, принял решение выступить в поход против хорезмского шаха, выбор военачальника, которому предстояло доверить управлять западными провинциями страны, приобрел особую важность. Сейчас невозможно сказать, к каким средствам прибегал Сулейман, юный отпрыск царской крови, чтобы получить эту должность. Дело в том, что, хотя он и

доводился двоюродным племянником Алп Арслану, был сыном Куталмыша — того самого человека, который пусть и сохранил верность Тогрулу, но претендовал на трон, освободившийся в связи со смертью последнего, и погиб в сражении у Рея, борясь за этот трон. Все же с отбытием Алп Арслана именно Сулейман стал ответственным за все происходящее на северо-западе страны. Эта должность была далеко не синекурой, она требовала наличия у занимавшего ее человека соответствующих навыков, ведь сельджуки считали, что с кончиной императора Романа заключенный после Манцикертского сражения мирный договор утратил силу. Задачей Сулеймана было управлять захваченными территориями таким образом, чтобы дать понять пришедшим в эти земли мелким племенным вождям и кочевникам-тюрькам, что хозяева этих земель — сельджуки, и одновременно вести подготовку к возобновлению боевых действий против Византии.

Правивший в Константинополе любитель книг и пацифист император Михаил пришел в ужас от грозящей Византии с востока опасности. В панике он посылал горячие мольбы о помощи папе Григорию VII. Последний, хотя и несколько менее страстно, призвал всех христиан оказать помощь православным. Тем временем Михаил, сильно встревоженный тем, что западный мир не торопится отвечать на его отчаянные призывы, попытался собрать войско. В спешке он брал в него всех наемников, каких только мог. В числе офицеров, которых он таким образом завербовал, был норманн Руссель из Байлеула — вероятно, один из самых алчных и ненадежных баронов из числа стекавшихся в Константинополь в надежде получить максимум выгод от обоих миров, ведь в походах можно было приобрести кое-что из богатств Леванта и одновременно, выполняя богоугодную миссию, обеспечить спасение своей души.

Русселю удалось завоевать доверие Михаила, однако впоследствии в критический момент вероломный норманн бросил войско греков на произвол судьбы и,

самым возмутительным образом нарушив клятву верности, отправился завоевывать себе земельный надел в Анатолии. Тем не менее приведенный пример не дает полного представления о коварстве этого человека: не будучи до конца уверенным в успехе своего замысла, он не замедлил попросить о помощи Сулеймана — самого опасного врага греческого императора. Оценив выгоду, которую можно извлечь из такого альянса, Сулейман с готовностью согласился объединить усилия с христианином; вместе им было совсем несложно разбить армию императора у Армориума (примерно в 55 километрах к западу от нынешнего города Сиврихисар). Командовавший войском византийцев Иоанн Дука был схвачен, а затем в Никомедии (Измиде) Руссель короновал его императором.

После коронования Иоанна Дуки по всей Византии начались беспорядки; они продолжались около двадцати лет, временами принимая характер настоящей гражданской войны. Малик-шах, унаследовавший трон Великих Сельджуков, наблюдал за этими событиями со вниманием, отмечая, что искусность Сулеймана в дипломатии не уступает его умениям в военной сфере. Примерно в 1077/78 году Малик-шах убедился, что Сулеймана можно назначить правителем Рума. Вполне возможно, что это назначение помогло Михаилу, по-прежнему находившемуся в шоке от предательства союзника-норманна, принять решение последовать примеру создавшего опасный прецедент Русселя и в свою очередь обратиться к Сулейману за помощью в борьбе против мятежников. Прежде чем послать ответ, Сулейман посоветовался со своим сюзереном Малик-шахом. Султан не заставил себя ждать с ответом, ведь он тоже очень хорошо понимал, что можно получить от такого сотрудничества.

Таким образом, Сулейман смог вступить на территорию собственно Византийской империи как добрый союзник ее правителя. В Византию, которую страстно желал покорить, он вошел во главе весьма многочисленного войска. Сельджуку везло: вскоре он смог

захватить Руссея, однако, нарушая обещание, он отказывался доставить его императору до тех пор, пока тот не заплатил за норманна солидный выкуп. Получив Руссея, византийцы недолго продержали его в пленниках: дело в том, что одновременное появление в 1078 году еще двух претендентов на трон вынудило императора объединить вокруг себя всех способных оказать ему помощь союзников. Руссель был выпущен на свободу в обмен на обещание защищать законного императора.

Два претендента, почти одновременно заявивших о своих претензиях на трон, появились в разных частях империи. Один, Никифор Вотаниат, пришел с запада. Добравшись до Адрианополя, он объявил себя императором, после чего продолжил поход на Константинополь. Другой мятежник, Никифор Вриенний, действовал в Малой Азии, где вербовал в свою армию беженцев-греков из Манцикерта. Его кампания не пользовалась большой поддержкой, а войско было таким маленьким, что он тоже решил обратиться за помощью к Сулейману! Согласившись помочь еще одному христианину, сельджук с удовольствием внес неразбериху в и так уже запутанную ситуацию. Получилось, что объединенные войска мятежников-греков и вступивших на территорию империи сельджуков продвигались по ней вместе. Сначала они взяли Кизик, а потом Никею, где претендент на трон был провозглашен императором. Затем, продолжая идти бок о бок, обе армии вошли в Никомедию. Оттуда они двинулись в направлении Халкедона с тем, чтобы из Халкедона добраться до Хризополя (ныне Кадикой) — города, расположенного на азиатском побережье Мраморного моря. Там они разошлись; в то время как греческий военачальник морским путем отправился в Константинополь, где намеревался сместить императора и стать полновластным владыкой, сельджук расположился на азиатском побережье, откуда за сверкающей морской гладью он видел город — сердце христианского мира, воплощение имперской мощи.

Приход к власти в 1078 году Никифора Вриенния спровоцировал начало нового восстания греков Малой Азии. Его возглавил генерал Никифор Мелиссен, который по сложившемуся к тому времени у мятежников-христиан этого региона обычаю тоже обратился за помощью к Сулейману. И вновь сельджуки ее оказали, и вновь плечом к плечу войска христиан и мусульман вошли в Вифинию. Византийские гарнизоны этой области, в значительной степени состоявшие из турецких наемников, сдались сельджукам, ведь турки считали их родственниками по крови. В результате численность войска Мелиссена уменьшилась настолько сильно, что он был вынужден отказаться от мысли идти на Константинополь. Вместо этого он решил обосноваться в Вифинии и попросил своего союзника вывести войска с его территории. Однако на этот раз Сулейман не согласился выполнить просьбу грека, а генерал был не в состоянии настоять на своем, поэтому Сулейман имел возможность воспользоваться ситуацией и захватить Лидию и Ионию. Он основал там первый эмират Сельджукидов на земле Анатолии. В 1078 году он провозгласил Никею столицей, а себе взял титул султана.

НИКЕЯ—СТОЛИЦА

Теперь султан смог сделать передышку и оценить сложившееся положение. Для него оно действительно было весьма завидным: несмотря на то что у него в тылу оставались многочисленные тюркские князьки, причем некоторые из них объявляли себя автономными правителями довольно больших территорий, сельджуки, тем не менее, овладели очень широкой полосой земель, где контролировали много имеющих важное значение городов. Покоренные земли составляли настоящее царство, ведь они простирались от Армении, значительная часть которой находилась в руках сельджуков почти до Геллеспонта, включая большинство районов Малой Азии и многие юго-восточные терри-

Рис. 2. Карта империи Сельджукидов; подробнее показаны территории, где правили Сельджуки Рума

тории, прежде принадлежавшие эмиру Алеппо. На западе, неподалеку от Смирны (Измира) имелся весьма привлекательный участок земли могущественного тюркского эмира Цакаса, выполнявший функции своего рода ничейной земли, претендовать на которую избегали как греки, так и сельджуки — греки по причине слабости, а сельджуки потому, что, в отличие от самого Цакаса, они не смогли правильно оценить преимущества контроля над морским портом.

Отсутствие у Сулеймана интереса к этому западному региону и неспособность понять ценность владения данным выходом к морю отчасти были связаны с тем, что он сосредоточил внимание на Сирии и Египте, близких и понятных ему по религии и исламской культуре. Именно эти страны вызвали его интерес и подогревали амбиции. Несмотря на одержанные впечатляющие победы, он не мог всерьез предположить, что когда-нибудь бросит вызов всеильной Византийской империи и покорит ее; его выбор Никеи в качестве столицы, вероятно, объяснялся выгодным географическим положением этого города, а не желанием унижить греческого императора. Дело в том, что благодаря рас-

положению Никеи прямо на пути из Константинополя в Иерусалим она была очень удобной точкой, откуда можно было одновременно контролировать и Малую Азию, и Сирию.

Когда Сулейман объявил Никею столицей, у жителей Малой Азии началось что-то вроде паники. Беженцы — турки-кочевники смешались с напуганными христианами, искавшими убежища за пределами подвластных сельджукам земель; многие армяне бежали в еще принадлежавшие Армении земли в Тавре и Антитавре, который они называли Малой Арменией. Представление о том, насколько глубокое впечатление произвело это событие на христианский мир в целом, в определенной степени дают многочисленные упоминания имени Сулеймана в столь популярных в то время в Западной Европе сказаниях об отважных воинах.

А в Константинополе в 1081 году на трон взошел новый император Алексей. Что касается азиатской части империи, то там он столкнулся с такой ситуацией, на урегулирование которой не мог рассчитывать до тех пор, пока не восстановит порядок в своей столице и в западных регионах страны. Несмотря на то что решение этой задачи заняло пять лет, уже к 1083 году он был готов обратить свой взор на восток. Намереваясь вернуть утраченные земли в Азии, он пересек Мраморное море и пошел войной на Сулеймана. Сельджук отступил, по обычаю кочевников сжигая за собой зерно. Опасаясь голода в том случае, если он продвинется слишком далеко, Алексей размышлял, что делать дальше — атаковать Иконий (Конью) или Филомелию (Акшехир). По утверждению его дочери, он решил эту проблему следующим образом: написав на листках бумаги названия обоих городов, провел ночь в молитвах; наутро на заре «в присутствии всех» священник выбрал одну из сложенных бумажек и прочел название города — это была Филомелия. Император привел войско к Филомелии и вынудил противника выйти на бой. Борьба Сулеймана с византийцем была долгой. В ее ходе погиб сын императора Андроник Порфирогенет,

однако Сулейману все же пришлось сдать византийцам Никомедию, а на последовавших за этим переговорах султан был вынужден согласиться на одну из форм вассальной зависимости. Правда, и император должен был отдать некоторые территории сельджукам, хотя и представил дело так, будто уступил их султану на правах колонии.

Когда статус-кво был определен, мысли Сулеймана вновь обратились к востоку. В 1086 году, оставив жену и детей в Никее, он отправился в Антиохию, рассчитывая в ходе молниеносного рейда взять этот город. Однако оборона Антиохии была надежной, и ему пришлось стать лагерем у ее стен. Городом в то время правил армянин по имени Филарет. В ходе осады либо он, либо его сын оказался предателем и помог сельджукам тайно проникнуть в город и захватить его. Падение Антиохии дало султану возможность объявить о своей независимости от Великих Сельджуков. Это заявление обеспокоило сирийских князей, соседом которых стал Сулейман. Объединившись в коалицию, они послали Сулейману вызов на бой. Сельджук ответил на угрозу, начав наступление на Алеппо. Правитель города ударился в панику и бросился за помощью к Тутушу из Сирии, брату Великого Сельджука султана Малик-шаха. Завистливый и подозрительный Тутуш счел случай подходящим и с готовностью поспешил на выручку городу, которому грозила опасность. Противники встретились почти на полпути из Алеппо в Антиохию, там в 1086 году и состоялось сражение.

Битва была долгой и яростной, но ее исход оставался неясным до тех пор, пока, как писала Анна Комнин, бой не перешел в рукопашную схватку. Тогда ряды воинов Сулеймана внезапно расстроились, и они бежали. Поняв, что не может прекратить панику, султан тоже бросился искать спасения. По словам этой греческой княжны, «когда Сулейман решил, что нашел безопасное место, он положил свой щит на землю и сел на него. Но оказалось, что за ним по следу шел человек Тутуша, который и сказал, что Тутуш желает его видеть. Услы-

шав это, Сулейман быстро выхватил из ножен меч и глубоко вонзил его себе в живот. Такой жалкой была смерть этого подлого человека».

Неожиданная кончина Сулеймана и масштабы его поражения нарушили политическую стабильность в Анатолии. Сразу же начались стычки между различными тюркскими князьками, предъявившими претензии на освободившийся трон. Правитель Великих Сельджуков Малик-шах воспользовался нестабильностью ситуации и вмешался, ведь он тоже с довольно большим опасением наблюдал за стремительным подъемом Сулеймана к вершинам власти. Вновь обретя полный контроль над Малой Азией, он поручил двоим генералам управлять Румским султанатом, а в качестве заложника забрал с собой в Исфахан второго сына Сулеймана — дело в том, что старший сын последнего уже томился в неволе в Ираке. После смерти Малик-шаха в 1092 году трон унаследовал Баркиярук. По сравнению с отцом новый правитель был более слабым и добрым человеком; одним из первых его указов после прихода к власти был указ об освобождении сына Сулеймана, который после выхода из неволи в тот же год объявил себя султаном сельджуков Рума Кылыч Арсланом I.

КЫЛЫЧ АРСЛАН I (1092—1107)

Возвратившись в Никею, Кылыч Арслан увидел, что вновь взять события под контроль не так-то просто. Дело в том, что после смерти Сулеймана в столице самостоятельно обосновался мятежник-турок по имени Абу-л-Касим, который привел султанат в состояние хаоса. Не замедлил внести свой вклад в нестабильность ситуации и византийский император, который действовал в этом направлении всеми доступными ему методами, кроме открытых военных действий, и к 1096 году все указывало на то, что благодаря всего лишь прово-

димой им политике будет положен конец правлению Сельджукидов в Малой Азии. И действительно, грекам ситуация казалась настолько благоприятной, что крестоносцы смогли настоять на том, чтобы император присоединился к ним, и они вместе предприняли попытку изгнать мусульман из Малой Азии. При этом крестоносцы преследовали цель вновь открыть для паломников дорогу в Святую землю. В соответствии с этим планом часть войска Первого крестового похода, возглавляемая Вальтером по прозвищу Голяк, отправились изгонять сельджуков из Никеи. Но из-за того, что в войске отсутствовала дисциплина, а его руководство было неумелым, и даже несмотря на то, что у Кылыч Арслана не оставалось времени на то, чтобы должным образом подготовиться к сражению, султану было совсем нетрудно выиграть его. Легкость, с которой он это сделал, в дальнейшем сослужила ему плохую службу, поскольку он стал недооценивать боеспособность войск христиан.

ДИНАСТИЯ ДАНИШМЕНДИДОВ

Если бы Кылыч Арслан правильно оценил всю серьезность исходящей со стороны христиан угрозы, он едва ли выбрал бы этот момент для того, чтобы оставить столицу и пойти на восток воевать с Данишмендидом, правившим в регионе Сивас—Кайсери, который, подстрекаемый византийцами, начал наступление на Малатью (Мелитена). Как и сельджуки, Данишмендиды были тюрками. Основатель их династии Тайлу, вероятно, настолько хорошо владел персидским и арабским языками, умел читать и писать на них, что позволяло ему быть учителем, а выбор этой профессии, без сомнения, и объяснял имя, которое носила династия. За двадцать лет, минувших с тех пор, как они впервые появились в Анатолии, придя туда вслед за сельджуками, Данишмендиды стали эмирами региона, куда в конце концов вошли Токат, Никсар, Эльбистан и Ма-

латья и который на северо-западе простирался до Кастамону — колыбели византийской династии Комнинов. К концу века, при Гююш-тегине Малик Гази династия достигла наибольшего расцвета; Данишмендидам удалось распространить свою власть даже на Киликию. Великие Сельджуки отметили это достижение, пожаловав им черный штандарт — символ власти. Таким Аббасиды награждали племенных вождей, ставших их вассалами с правом автономии. Обладание знаменем ставило Данишмендидов в иерархии выше Кылыч Арслана; последний отнюдь не был намерен проигнорировать этот факт, и, кроме того, он хотел отомстить им за былое.

Кылыч Арслан шел на восток на битву с Данишмендидом, не обуреваемый дурными предчувствиями, оставив семью и накопленное добро в, как ему казалось, безопасной Никее. Но не успел он выступить в поход, как к городу двинулось войско крестоносцев под предводительством князя антиохийского Раймонда, сына Роберта Гвискара, а также герцога лотарингского Готфрида Бульонского, Боэмунда Тарентского, князя антиохийского, и Танкреда де Отвиля. 6 мая 1097 года христиане достигли Никее, но почти 6 километров прочных крепостных стен с 250 мощными башнями, представлявших собой труднопреодолимое препятствие, удержали их от незамедлительной атаки. Они разбили лагерь у стен города и стали ждать подкрепления, которое должны были подвести Стефан Блуасский и Роберт Нормандский, сын Вильгельма Завоевателя и брат короля Англии. Греческая армия во главе с византийским императором стала лагерем в Пелекануме, недалеко от побережья Никомедийского залива.

Известие об осаде достигло ушей Кылыч Арслана, когда его войско все еще было на марше. Отказавшись от мысли продолжать кампанию, он поспешил назад на защиту своей столицы.

21 мая Кылыч Арслан подошел к Никее и обнаружил, что город окружен врагом. Он сразу же бросил

войско в контратаку, однако, хотя его воины дрались отчаянно, осаду ему снять не удалось. Вероятно, стороны еще бы долго и безрезультатно мерялись силой, если бы у греческого императора не возникла мысль волоком перетащить корабли из Никомедии и спустить их в озеро у стен Никеи. С окружавших город холмов сельджуки были вынуждены наблюдать за этой операцией; они не имели возможности помешать врагу даже тогда, когда он лавиной ворвался в крепость с ее единственной незащищенной стороны. Никея капитулировала 26 июня; чтобы взять власть в городе в свои руки, из Пелеканума приехал император Алексей. Он не был лишен благородства: знатным мусульманам он позволил купить себе свободу, а супругу султана, ее детей и домочадцев с соблюдением всех соответствующих их высокому положению почестей отправил в Константинополь.

ЭМИР ЦАКАС

Супруга султана была дочерью эмира Цакаса, который помимо Смирны контролировал также основную часть земель вдоль побережья Эгейского моря и острова Лесбос, Хиос, Самос и даже некоторые районы Родоса. После освобождения Никеи Алексей был намерен изгнать Цакаса и его сына из Смирны. Несмотря на то что Малой Азией занимался он сам, об освобождении Никеи он поручил объявить и при необходимости в качестве подтверждения этого продемонстрировать народу захваченную султаншу и ее детей своему главнокомандующему Иоанну Дуке. В то же время он должен был с армией пересечь Дарданеллы — добраться из Абидоса в Астрамитрион. Со взятием и возвратом грекам Смирны у Дуки не возникло трудностей. Войдя в город и увидев, во что превратили его турки, он пришел в такую ярость, что гнался за воинами Цакаса до Лападиона (Улубада), где обрушился на них с невероятной жестокостью. Смерть соплеменников произвела

такое глубокое впечатление на тюрок, что сумевшие выжить в знак траура облачились в черные одежды и, по словам Анны Комнин, «именно этим платьем они вызывали у всех жалость и желание отомстить». Не видя смысла в дальнейшем удержании султанши в плену, Алексей возвратил ее и детей Кылыч Арслану, даже не потребовав за них выкупа.

В то время как греки наказывали Цакаса, крестоносцы продолжили свой путь к Антиохии и Святой земле. Они отправились из Никеи в направлении Дорилеума (Эскишехир) по старой военной дороге с переправой через Гёксу (Каликаднус). От Дорилеума через Малую Азию вели две дороги. Крестоносцы двигались двумя группами: меньшая под предводительством Боэмунда шла перед основной частью войска, которым командовали Готфрид Бульонский, Раймонд Сен-Гиль и Гуго Клермонский. Между тем Кылыч Арслан торопился на восток, чтобы заключить мир с Данишмендидами — уговорить их забыть о ссоре, присоединиться к нему и совместно дать отпор захватчикам-христианам. Общность происхождения вполне могла сыграть свою роль в том, что Данишмендиды поддались на уговоры Кылыч Арслана. Теперь, когда политическая ситуация изменилась, им было проще согласиться с точкой зрения сельджука, считавшего, что им следует бороться с крестоносцами, а не с византийцами, которых Данишмендиды рассматривали отчасти как своих защитников. Однако не только сельджукам удалось так быстро найти нового союзника. Крестоносцев совершенно неожиданно поддержали Фатимиды, которые, будучи давними врагами Сельджукидов, помогали династии Артукидов, правившей в регионах Мардин—Хисна и Кайфа, оказывать сопротивление Кылыч Арслану.

Артукиды тоже были тюрками, ведущими свое происхождение от огузов. Приходом к власти они были обязаны Тутушу из Дамаска, который после захвата в 1086 году Иерусалима в награду за отвагу на поле боя, проявленную двумя годами ранее, когда он помогал

одному из Великих Сельджуков при осаде Амиды, назначил Артука ибн Аксаба из династии Артукидов правителем этого города. После того как в 1094 году Артук умер, власть перешла к его сыновьям Сукману и Ильгази, но в 1104/05 году старший из двух, Сукман, стал независимым сувереном и к уже имевшимся у него землям добавил Мардин.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ДОРИЛЕУМЕ

Став союзниками, сельджуки и Данишмендиды, не теряя времени, бросились преследовать крестоносцев. Им удалось догнать войско Бозмунда июньским вечером 1097 года, когда оно стояло лагерем в предместье Дорилеума. Решив, что отдыхающие у костров люди — это все войско христиан, следующим утром на заре мусульмане атаковали его. Тюрки обычно выдвигались тремя отдельными группами — это делалось для того, чтобы, когда одна из них первой ввязывалась в бой, две другие могли, цитируя Анну Комнин, «подобно вихрям налететь на врага и смять его ряды». Они редко использовали копья, полагаясь на свою мобильность, позволявшую им окружить неприятеля и издали обрушить на него град стрел; при этом лучники выходили вперед один ряд за другим. «Когда тюрк бросается в погоню, он останавливает преследуемого ударом; когда преследуют его, он отбивается дротиками — бросает дротик, и тот попадает в воина или его коня, пронзая плоть человека или животного», — писала Комнин.

В сражении при Дорилеуме сначала удача сопутствовала сельджукам, но в полдень к христианам подошло мощное подкрепление, нанесшее мусульманам удар с тыла. Ближе к вечеру армия мусульман оказалась настолько измотанной боем, что в беспорядке бежала, бросая припасы, палатки и ценности. Это было крупное поражение, в результате которого сельджуки утратили некоторые свои завоевания, полученные после

Манцикертского сражения двадцать лет назад. Тем не менее воины мусульман проявили такую храбрость на поле боя, что позже даже Geste Francorum отдал должное их отваге.

Христиане тоже понесли серьезные потери в этом сражении и поэтому приняли решение продолжить поход в Святую землю, объединившись в одно войско. Не предполагая, какие трудности встретятся на их пути, они избрали короткую дорогу в Иконий через Филомелию. Для усталых воинов переход Султан-Дага был чрезвычайно тяжелым, ведь они шли не налегке — с ними было много раненых и огромное количество награбленного. За время похода пали почти все лошади и погибли многие пехотинцы, поэтому крестоносцы были вынуждены реквизировать у местного населения животных всех пород и превращать их во вьючных: они использовали для перевозки груза не только коз и собак, но даже свиней. В конце концов остатки победоносной армии достигли Икония; после краткого отдыха они смогли продолжить свой путь.

Для сельджуков сражение при Дорилеуме стало поворотным пунктом, ибо нанесенный им крестоносцами урон — как материальный, так и в живой силе — был настолько значительным, что положил конец любимым, возможно, имевшимся у них замыслам о захвате новых территорий. Они потеряли Иконий, Эрегли и Кесарию, а появление новых государств крестоносцев — Балдуина в Эдессе и Готфрида Бульонского в Палестине — ограничило их экспансию на восток. В свою очередь, присутствие контингента норманнов на средиземноморском побережье лишило их выхода к морю на юго-западе. Для того чтобы выжить, сельджукам было жизненно важно стать полновластными хозяевами Анатолии, и благодаря врожденной политической прозорливости они быстро это поняли. Нельзя сказать, что все было против них: к тому времени сильно выросло могущество Данишмендидов, столицей которых был Сивас (Севастия), а сами сельджуки по-прежнему имели возможность увеличивать численность своей армии за счет вер-

бовки тюрок-кочевников, во все возрастающих количествах мигрировавших в Малую Азию. Более того, на руках у них был один важный козырь — пленные Боэмунд и его кузен Ричард Салернский, которых мусульмане смогли захватить во время боевых действий в горах у Малатьи. Хотя крестоносцы торопились с началом переговоров об освобождении Боэмунда, из-за нежелания платить огромный выкуп, потребованный за него сельджуками, в 1101 году он по-прежнему находился в плену.

Пока шли переговоры о выкупе, Раймонд Сен-Гиль возвратился в Константинополь встречать прибывшую из Европы новую группу крестоносцев под командованием графа Биадрата. Раймонд, старший по возрасту и более опытный, в итоге возглавил объединенное войско крестоносцев, численность которого приближалась к 150 тысячам человек. Однако вместо того, чтобы отправиться в Святую землю, вновь прибывшие настояли на походе в Никсар для освобождения из неволи Боэмунда. В походе Раймонду и Биадрату удалось довольно легко взять принадлежавшую сельджукам Ансиру (Анкара), затем они перешли Кызыл-Ырмак и повернули на восток в направлении Никсара. Но с этого момента сельджуки уже всегда опережали крестоносцев, уничтожая посевы и амбары в тех районах, через которые пролегал путь последних. В сильную летнюю жару страдания крестоносцев очень быстро стали почти невыносимыми; опасаясь еще большего их усиления, командующие армией христиан отказались от мысли освободить Боэмунда и приняли решение повернуть на север к Кастамону, откуда они планировали вернуться в Византию. Но вскоре они были вынуждены оставить и этот замысел, так как воины невероятно устали от трудной дороги, жары, нехватки воды и пищи, а также были измотаны наводившими ужас налетами отрядов сельджуков, сопровождавшими их на всем протяжении пути. Сельджуки нападали на подразделения ломбардцев, убивали пехотинцев и вынуждали кавалерию обращаться в бегство. В надежде найти за-

шиту у Данишмендидов и полностью игнорируя мнение Раймонда, уцелевшие деморализованные крестоносцы настояли на том, чтобы повернуть на восток и вновь отправиться в направлении Амасьи.

Почти подойдя к цели, Конрад и его подразделения немцев попали в засаду и были уничтожены. Раймонду пришлось собрать всех уцелевших воинов и попытаться дать отпор мощной атаке мусульман, начавшейся 5 августа. Армии упорно бились весь день. Когда на землю опустилась ночь и битву пришлось прервать, преимущество, как складывалось впечатление, имели сельджуки. На следующее утро на заре они поспешили возобновить сражение. Отказавшись от характерной тактики, с мечами наголо они бросились в ближний бой. Сначала они атаковали подразделения Раймонда, но ему с телохранителями удалось прорвать окружение и добраться до Бафры — небольшого порта на Черном море неподалеку от Синопа, откуда он со своими людьми отплыл в Византию, оставив норманнов на растерзание мусульманам. Немногие выжившие с огромным трудом добрались до Киликии, где присоединились к Балдуину и Танкреду, которые встретили теплый прием у проживавших там армян. Тем временем христиане вновь начали переговоры об освобождении Бозмунда.

На этот раз они согласились на условия мусульман и в 1103 году с помощью богатой армянской общины выплатили Данишмендидам огромный выкуп, после чего пленный был освобожден. Однако это был еще не конец истории, так как находившийся под впечатлением такой громадной суммы Данишмендид Малик Гази отказался делиться ею со своим союзником Сельджукидом. Во время последовавшей за этим сильной ссоры Малик, не раздумывая, обратился за помощью к византийскому императору. Война между бывшими союзниками казалась неминуемой, ее предотвратила только случившаяся 1105/06 году смерть Малика. Но даже несмотря на его кончину, сельджуки не простили Данишмендидам предательства и их ненависть к ним не ути-

хала до 1175 года, когда Сельджукидам, наконец, удалось смести с лица земли менее крупную династию.

Спор о выкупе не помешал сельджукам продолжить войну с крестоносцами, в сражениях побеждала то одна, то вторая сторона. И все же постепенно сельджуки смогли упрочить свои позиции и усилить контроль над Малой Азией, а в начале осени 1104 года им удалось одержать крупную победу в Эрегли, где они наголову разбили свежие войска противника, которые привели из Франции Гийом Неверский и Гийом Пуатье. Вскоре после этого они опять атаковали и опять разбили другое очень многочисленное войско, на этот раз состоявшее из французов, немцев и представителей других народов Запада, в срочном порядке приведенное из Европы для того, чтобы исправить положение дел. Эти победы позволили Сельджукидам обеспечить безопасность своего государства и дали возможность его правителям заняться решением необходимых для существования прочной государственной власти административных вопросов.

В отличие от среднего племенного вождя, который после одержанной победы лишь наслаждается ее плодами, сельджуки начали строить экономику и сложную систему социального обеспечения страны. Они подошли к реализации этих задач настолько серьезно, что через несколько лет после побед на поле боя для населения Малой Азии наступил период настоящего процветания. Он продолжался почти до середины XIII века, когда вторжение монголов опять ввергло страну в хаос и нищету.

Кылыч Арслан был не в состоянии сделать что-либо большее, нежели начать осуществление нововведений, ибо он был вынужден лично уделять внимание завершению формирования границ нового государства. Преследуя эту цель, он в 1106 году захватил Малатью и Майяфарыкын, а в 1107 году Мосул; он также добился того, чтобы в хутбе вместо имени Великого Сельджука проносилось его имя. Все это время он также умудрялся посылать подмогу тюркам-кочевникам, которые воевали с грузинами — его самого от данного театра военных

действий отвлекали коварные Артукиды, сумевшие занять на юго-востоке Малой Азии главенствующее положение. Махнув рукой на царя Грузии, Кылыч Арслан считал более разумным предупредить возможную агрессию со стороны Артукидов и вызвал их правителя Сукмана на бой, причем предложил тому по своему усмотрению выбрать время боя. Осенью 1107 года войска Кылыч Арслана и Сукмана сошлись в бою недалеко от Мосула. В этот раз удача изменила Кылыч Арслану, и в ходе боя при форсировании реки Хабура он утонул.

Известие о смерти Кылыч Арслана прозвучало как благая весть и для императора Византии, и для султана Великих Сельджуков, поскольку ни один из них не мог чувствовать себя спокойно, пока этот великолепный военачальник бесчинствовал поблизости от их протяженных и плохо защищенных границ. Стивен Рансиман утверждает, что его смерть «устранила потенциальную опасность, грозившую Византийской империи в критический для нее момент... и дала возможность Персидскому султанату сельджуков просуществовать еще почти целый век». Для подданных Кылыч Арслана его смерть имела более серьезные последствия, так как по времени она совпала с пленением двух его старших сыновей. Один — Арап — томился в неволе в Персии, другой — Рукн ад-дин Масуд — у Данишмендидов. Вдова Кылыч Арслана Изабелла, сестра Реймонда Сен-Эдигира, тем не менее сумела сделать самого младшего их сына Тогрула правителем Малатьи и восточных провинций.

МАЛИК
(1107—1116),
МАСУД I
(1116—1156)

В сложной ситуации, сложившейся после кончины Кылыч Арслана, к власти пришел его брат Малик; он правил под именем Малик-шаха, а столицей его государства была Конья. Однако к 1116 году Масуду, жена

которого принадлежала к династии Данишмендидов, удалось убедить своего тестя и тюремщика освободить его и помочь завладеть тронem. Совместными усилиями они смогли достичь успеха, и Масуд получил власть на территории от Сангариуса до Тавра, хотя его младший брат по-прежнему правил Малатъей, а тесть Данишмендид Гази II — на землях от Галиса до Евфрата. Масуд поступил мудро: он сосредоточил внимание на укреплении своей власти и на расширении границ государства за счет граничащих с ним земель мелких тюркских князьков. Сначала он мог рассчитывать на помощь тестя, захотевшего увидеть Масуда в качестве единственного правителя Малой Азии и воспользовавшегося смертью правителя Артукида, чтобы захватить часть владений покойного. Однако через некоторое время Данишмендиду стало жаль отдавать эти земли Масуду, и он оставил их себе.

К этому моменту Масуд был поглощен спором с братом Арапом. Последнего Великие Сельджуки освободили в 1125 году, после чего он поспешил возвратиться в Анатолию и предъявить претензии на трон. Арап довольно легко одержал победу над Масудом, и последний бросился искать убежища в Константинополь. Император принял его тепло, состоялись дипломатические переговоры. В результате Масуд вновь при поддержке тестя Данишмендида отправился отвоевывать трон. Вскоре Масуд взял верх над Арапом, и теперь уже тот в свою очередь поехал в Константинополь искать спасения. И ему император оказал очень хороший прием. Арапу настолько понравилось в столице Византии, что он остался там и прожил много лет до самой смерти. Масуд обосновался в Конье, которая после кончины Данишмендида Гази II вместе с Чанкыры и Анкарой вновь перешла в руки Сельджукидов; столица из Никеи была перенесена в Конью.

Масуд всегда помнил, с какой добротой к нему отнеслись в Византии, и с ведома императора (возможно, даже с его одобрения) в 1147 году начал военные действия против Конрада II. Сражение произошло не-

далеко от Дорилеума, где предки Масуда потерпели сокрушительное поражение. На этот раз были разгромлены войска крестоносцев. На следующий год Масуд столь же сурово наказал короля Франции Людовика VII, тому со свитой пришлось бежать в Адалью (Анталью), откуда они отплыли на родину. Согласно подписанному позднее мирному договору, Масуду отошел Мараш.

Хотя основную часть времени правления Масуд провел в войнах и походах, после смерти властителя в 1156 году его государство было значительно более сильным, чем когда он пришел к власти. Теперь это была процветающая и влиятельная держава, на востоке ее территория увеличилась как за счет мелких владений, отделившихся от распадающейся империи Великих Сельджуков, так и за счет захвата после смерти Гази II некоторых земель Данишмендидов.

КЫЛЫЧ АРСЛАН II (1156—1188)

После кончины Масуда Гази II трон перешел к его сыну Кылыч Арслану II, человеку необычайных способностей. Но, несмотря на все его достоинства, право Кылыч Арслана II на власть попытался оспорить его брат Шахан-шах. Обосновавшись в Анкаре, последний заявил о своих претензиях на трон; при этом он заручился поддержкой эмира Сиваса Данишмендида Ягы Сияна. В свою очередь, Ягы Сияна поддерживал Нур ад-дин, могущественный атабек Алеппо. Тем не менее Кылыч Арслану удалось привлечь на свою сторону двух Данишмендидов, не игравших на политической сцене столь важной роли, как Ягы Сиян, — эмира Кайсери Зул-Нана и эмира Малатья Зу-л-Карнина. И хотя сначала Шахан-шах и его сильные союзники быстро добились успеха, захватив провинции на Евфрате, все же, когда два брата встретились лицом к лицу, Кылыч Арслан одолел Шахан-шаха.

Почти сразу, то есть в 1158 году, победитель Кылыч Арслан обнаружил, что ему угрожают одновременно с двух сторон: дело в том, что византийскому императору Мануилу не потребовалось слишком много времени на то, чтобы оценить решительный настрой мусульманина, и поэтому, пытаясь предупредить возможное нападение в будущем, он решил прибегнуть к такой тактике, как окружение. В результате султану пришлось противостоять на западе Нур ад-дину из Алеппо и Данишмендидам, ставшим вассалами Византии, а на северо-востоке — Якубу Арслану, еще одному эмиру из династии Данишмендидов. Осажденный с двух сторон, он потерял некоторую часть земель неподалеку от Эльбистана в Антитавре, кроме того, византийцы потеснили его в долине Меандра. Ему не оставалось ничего другого, кроме как просить о заключении мира. Условия мирного договора вынуждали его возратить грекам определенные территории в Азии; согласно договору, впредь он обещал уважать эти новые границы, а также при первой необходимости предоставлять армии Византии обученные подразделения воинов-сельджуков.

В 1161/62 году, после завершения переговоров, Кылыч Арслан нанес визит в Константинополь. Император ожидал, что он приедет как вассал, желающий засвидетельствовать почтение своему господину, однако сельджук решил появиться в Константинополе как гость императора и превратить свой визит в событие государственной важности. Несколько месяцев он провел в столице Византии, получая почести, сыпавшиеся на него как из рога изобилия, и в конце концов поставил подпись под мирным договором. Когда настала пора уезжать, он впал в неописуемый гнев, обнаружив, что его младший и самый любимый сын должен остаться в Константинополе в качестве заложника. В Конье он попытался несколько усмирить гнев, собравшись жениться на дочери эмира Эрзурума из династии Салтукидов, однако по пути к жениху невесту выкрал Данишмендид Якуб Арслан, который хотел женить на ней

своего племянника. Такую обиду простить было невозможно, и, в нарушение недавно подписанного договора, Кылыч Арслан возобновил войну против этого Данишмендида: в 1164 году он взял Эльбистан и Ларенду (Караман), в 1168-м — Каппадокию с городами Кайсери и Малатья, а Анкара пала под его ударами годом позже. После смерти Якуб Арслана с помощью атабека Алеппо Нур ад-дина Данишмендиды сумели отвоевать Мараш (Маркеси) и Сивас, однако, несмотря на это, Кылыч Арслан практически поставил их на грань гибели, хотя полностью уничтожить эту династию и ликвидировать ее власть сельджуки смогли только в 1175 году.

Оказанный Кылыч Арсланом отпор Византии возвысил его в глазах всей Малой Азии, его стали бояться и атабек Сирии Нур ад-дин, и император Византии Мануил; он вызывал явное опасение даже у великого Саладина, когда тот в 1175 году стал императором Египта. Мануил пытался контролировать растущее могущество Кылыч Арслана с помощью мер дипломатического характера; он обратился к сельджуку с предложением отдать ему часть бывших владений Данишмендидов на том основании, что он имеет на них право как покровитель ушедшей в небытие династии. Как нетрудно было предвидеть, султан ответил на требование императора отказом, и в 1176 году Мануил спешно отправил войско против Коньи, посчитав, что решительный натиск может принести скорую победу.

Когда Кылыч Арслану сообщили о размерах войска византийцев, султан счел разумным отправить к императору посла с целью начать переговоры о заключении мира, однако Мануил больше не доверял ему — человеку, который однажды уже нарушил договор. Отказавшись вести переговоры, он разделил свою армию на две части, одну из них во главе с двоюродным братом Андроником Вататзе отправил в Пафлагонию. С этой частью войска императора сельджуки завязали бой около Никсара. Оба противника были полны стремления выиграть бой и сражались со всем возможным упорством,

но ближе к вечеру сельджуки начали брать верх и к ночи одержали полную победу. В неразберихе боя Вататзе попал в руки сельджуков; ликующие мусульмане обезглавили его, чтобы в качестве трофея отправить голову султану.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МИРИОКЕФАЛОНЕ

Судьба второй части войска Мануила сложилась не лучше: она была полностью уничтожена, попав в ловушку у Мириокефалона, на перевале Султан-Дага над озером Эгридир. Сам император сравнивал это поражение с тем, что его предшественники потерпели столетием раньше в Манцикертском сражении. Захваченная сельджуками добыча была такой большой, что часть ее в качестве дара Кылыч Арслан отослал халифу, а значительную долю оставшегося пустил на благоустройство Коньи и укрепление ее оборонительных сооружений.

В 1179 году, полагая, что ему нечего опасаться со стороны Саладина, Кылыч Арслан решил взять крепость Рабан, стоявшую на Евфрате на пути из Алеппо в Самосате, однако ему пришлось отказаться от этой идеи, поскольку для того, чтобы сохранить существующие границы, Саладин быстро выслал туда своего племянника. Но на следующий год более серьезные разногласия осложнили жизнь двух правителей. Это была проблема личного характера, связанная с недавней женитьбой нежно любимой дочери Кылыч Арслана Сельджуки-хатун, также известной под именем Гевхер Несиб-хатун, и Нур ад-дина Мухаммада, сына эмира Хисны Кайфы. Всего лишь через несколько месяцев после свадьбы молодой супруг бросил дочь султана ради красавицы танцовщицы. Разъяренная Сельджука-хатун потребовала от отца отплатить за нанесенное оскорбление. Полный желаний отомстить за дочь, старый султан во главе войска выступил в поход. Узнав об этом, Нур ад-дин в панике бежал ко двору Саладина.

Кылыч Арслан не успокоился до тех пор, пока его дочери не были возвращены все подаренные им ей к свадьбе города. Саладин попытался погасить ссору, но ему это не удалось, поэтому он решил прекратить войну против крестоносцев-французов ради того, чтобы выполнить свой долг по отношению к приглашенному им гостю, встретившись с Кылыч Арсланом в бою. Сельджука обеспокоил такой поворот событий, и он прямо заявил Саладину, что тому не пристало заключать мир с христианами ради того, чтобы получить возможность воевать с мусульманином. Саладин ответил, что нехорошо забывать о собственном госте; тут в спор вмешался Нур ад-дин, пообещавший покинуть танцовщицу и вернуться к жене при том условии, что будет восстановлен мир.

ОТРЕЧЕНИЕ КЫЛЫЧ АРСЛАНА II

Примерно к 1186 году Кылыч Арслан стал чувствовать усталость, он решил, что его дни сочтены. В его сознание постепенно стала закрадываться мысль отречься от престола в пользу сыновей, однако о своем намерении он никого не поставил в известность. Поэтому Саладин и Андроник, пришедший к власти в Византии после Мануила, задумались о создании союза с целью противостояния агрессии Сельджукидов в будущем.

Двумя годами позже, когда султан заканчивал подготовку к разделу своих владений, этот секрет по-прежнему хранился настолько хорошо, что Фридрих I Барбаросса направил Кылыч Арслану письмо с просьбой разрешить ему с войском мирно пройти в Святую землю по территории Сельджукидов. На это письмо Кылыч Арслан прислал вежливый ответ, но к весне 1189 года, когда проводивший зиму в Адрианополе (Эдирне) Фридрих был готов повести своих людей через Геллеспонт и вступить на территорию султаната, старый правитель уже отрекся от престола. Не ведав-

ший об этом Фридрих пришел в бешенство, когда после пересечения границы султаната у него внезапно начались стычки с сельджуками. Его путь пролегал мимо Мириокефалона, где поле сражения все еще было усеяно костями погибших христиан. Печальное зрелище произвело глубокое впечатление на воинов Фридриха, а ежедневные молниеносные налеты небольших отрядов сельджуков на двигавшиеся в арьергарде части войска еще больше снижали их моральный дух. Обеспокоенный и разозленный предательством сельджуков (он думал, что дело именно в предательстве), Фридрих договорился с одним пленным тюрком, что тот проведет его войско через мрачный Султан-Даг в Акшехир и Конью. Маршрут был очень сложным, и вполне возможно, что проводник намеренно создавал дополнительные трудности, ибо на этом невероятно тяжелом пути крестоносцы понесли чрезвычайно большие людские потери и у них пало много животных. Страдания христиан усиливались из-за того, что местные жители-тюрки отказывались продавать им продовольствие и корм для животных, а применяемая сельджуками тактика устрашения негативно отражалась на настроении людей Фридриха. Когда в конце концов войско Фридриха добралось до Коньи, его люди были измучены и морально, и физически, но Фридрих не остановился и не предпринял попытки овладеть городом. Он быстро пополнил запасы продовольствия и реквизировал всех обнаруженных там вьючных животных, после чего отвел армию в предместье Коньи на отдых — через два дня им предстояло отправиться в Киликию.

Однако ему было не суждено дойти до Святой земли: всего лишь через несколько дней при переходе реки Гёкса недалеко от Силифке он оступился и упал в ее вздувшиеся воды; Фридрих погиб прежде, чем кто-либо из его спутников смог прийти ему на помощь.

Отречение от престола не принесло Кылыч Арслану столь желанного им спокойствия, скорее наоборот — дело в том, что последние годы его жизни были отравлены жестокими междоусобицами его сыновей. Несмот-

ря на то что он разделил султанат на равные части и по справедливости распределил его между ними, обеспечив таким образом их средствами к существованию, ни один из сыновей не был удовлетворен решением отца. Узв-ленный в самое сердце старый султан в конце концов нашел прибежище у младшего сына, которого несколькими годами раньше византийцы выпустили из плена. В 1192 году находившемуся на смертном одре султану сообщили, что право младшего сына на владение Коньей оспаривает правитель Токата его брат Рукн ад-дин Сулейман. Одержав над братом победу, Рукн ад-дин Сулейман поставил себе цель восстановить единство султаната; своего другого брата Мюгис ад-дина мудрый Рукн ад-дин назначил правителем только что покоренного Эрзурума. В итоге ему остался противостоять только брат Масуд из Анкары, но в 1204 году Рукн ад-дин наконец смог взять и этот город; в ходе сражения Масуд погиб. Сам Рукн ад-дин умер всего лишь четырьмя днями позже.

КЫЛЫЧ АРСЛАН III (? 204)

После смерти Рукн ад-дина эмиры избрали преемником покойного султана его сына Изз ад-дина Кылыч Арслана III, хотя на тот момент мальчику было всего три года. Несмотря на то что из-за беспокойного поведения его дяди сельджукам не удалось извлечь никаких выгод из захвата латинянами Константинополя, трон, на который был возведен ребенок, не был лишен привлекательности: дело в том, что незадолго до смерти Рукн ад-дин возобновил войну против Грузии и занял часть территории Абхазии. В период правления Рукн ад-дина его лишившийся трона младший брат Гияс ад-дин Кейхусров I жил в ссылке в Константинополе. В столице Византии он приобрел множество друзей, влюбился и женился на гречанке благородного происхождения — дочери Мануила Маврозомоса.

Узнав, что его юный племянник взошел на престол, Гияс ад-дин, считая, что по праву трон принадлежит ему, решил сам занять его. Тесть поддержал Гияс ад-дина в этом стремлении, и через год последний добился желаемого. Он оставался султаном до самой смерти в 1210 году.

КЕЙХУСРОВ I

(1192—1196 и 1204—1210)

Возвращение к власти Кейхусрова совпало с покорением латинянами Константинополя и образованием Никейской империи и Трапезундской империи Комнинов. Находившийся в безопасности в Конье новый султан не забыл о своих обязательствах перед предоставившими ему приют друзьями из Константинополя. При каждом удобном случае он старался отблагодарить их, делая подарки весьма практического свойства. Так, недолго раздумывая, он выделил своему тестю земельный надел на Меандре в Лаодикее. Его симпатии к грекам распространялись, по крайней мере, поначалу и на Федора Ласкариса. Несмотря на хорошее отношение к грекам, латинян и армян он по-прежнему сильно недолго любил.

Однако, вероятно, с молчаливого согласия константинопольского императора-латинянина Генриха Фландрского в 1207 году он штурмовал порт Анталья и в итоге отобрал его у династии Альдобрандини. Приобретение выхода к Средиземному морю было огромным благом для экономики сельджуков, так как начавшийся незадолго до этого стремительный рост объемов торговли султаната сделал наличие порта действительно жизненно важным.

Федора Ласкариса такой оборот событий неприятно поразил, в результате чего его отношения с Кейхусровом ухудшились. Еще более натянутыми они стали, когда Ласкарис отказался отдать принадлежавшую ему тогда Никейскую империю собственному тестю

Алексею III, прямо перед этим занимавшему трон императора Византии, а к данному моменту нищему изгнаннику. Возмущенный отказом Алексей обратился за помощью к еще недавно пользовавшемуся его гостеприимством Кейхусрову. Он хотел, чтобы Кейхусров обязал Ласкариса вернуть ему Никею. Сельджук, не забывший о доброте императора по отношению к нему самому, когда он находился в изгнании, выразил лишенному владений монарху самую искреннюю поддержку и оказал теплый прием. На его готовность прийти на помощь Алексею повлияло также и то, что в последнее время его весьма сильно беспокоило поведение Ласкариса, заключившего союз с царем Армении Левом II. Война между Кейхусровом и Ласкарисом началась в 1210 году; состоявшую из греков армию Ласкарис усилил подразделениями франков, болгар и венгров. Согласно известной легенде, для того чтобы избежать больших людских потерь, Кейхусров предложил Ласкарису урегулировать возникшие разногласия в соответствии с исходом единственной схватки между ними и вызвал Ласкариса на бой; во время дуэли султан был убит. Однако историк Ибн Биби предлагает иное и более правдоподобное изложение событий. Он говорит, что сражение произошло около Филадельфии (Алашехир) и что в ходе боя Ласкарис был сбит с коня; люди султана уже были готовы убить его, лежавшего на земле, но тут вмешался Кейхусров. Он помог Ласкарису сесть на коня и позволил ему покинуть поле боя.

Увидевшее падение Ласкариса с коня войско христиан бежало, а сельджуки решили, что победа досталась им. От перспективы получения огромной добычи у тюрков закружилась голова — они забыли и свой долг, и осторожность. Оставив султана в одиночестве, они бросились в погоню за врагом. Случилось так, что мимо Кейхусрова случайно проезжал один всадник, но султан не понял, что это франк, и не предпринял никакой попытки защититься. Со своей стороны, всадник узнал Кейхусрова и, резко повернувшись в его

направлении, внезапно метнул в султана копьё, оно пронзило сельджука. Когда франк, рассчитывая уйти с добычей, стал грабить труп, один из свидетелей произошедшего поторопился к Ласкарису с известием о гибели султана. Ласкарис приказал привести к нему этого франка и принести тело убитого. Узнав в погибшем Кейхусрова, Ласкарис заплакал и потом повелел убить франка, а тело султана передать мусульманину из Алашехира для бальзамирования в соответствии с обычаем последователей Мухаммада для последующего почетного захоронения с соблюдением всех почестей на мусульманском кладбище этого города. Тем временем сообщение о смерти султана достигло лагеря тюрок, и, пока они пребывали под впечатлением от этого ужасного известия, Ласкарис смог вырвать у сельджуков победу, честно завоеванную ими в бою. Но Алексею, из-за которого началась война, не было суждено избежать продолжения борьбы; лишенный сострадания зять императора не колебался с решением — он уготовил свергнутому императору пожизненное заключение в монастыре в Никее. Затем Ласкарис повернул на север и повел свое войско к Черному морю.

КЕЙКАВУС I (1210/11 — 1219)

Трон Кейхусрова унаследовал его сын Изз ад-дин, взявший себе имя Кейкавус I. По словам Ибн Биби, новый правитель был хорош и внешне, и по характеру, он был одновременно и храбрым и миролюбивым; несмотря на то что этот султан имел склонность к изящным искусствам, значительную часть своего времени он был вынужден проводить на полях сражений. Он был ответственным человеком и преданным сыном — после прихода к власти одним из первых его распоряжений было указание о перезахоронении тела отца в Конье. Начало его правления сопровождалось

многочисленными трудностями, ведь хотя он и был возведен на трон группой могущественных эмиров, его право на престол оспаривали и дядя Тогрул из Эрзурума, и родной младший брат, будущий Кейкубад I. Однако к 1213 году Кейкавус разобрался с обоими родственниками: дядя был задушен, а брат заключен в тюрьму.

Поскольку к тому моменту большую долю доходов государство получало от торговли, своей следующей задачей Кейкавус поставил решение насущных проблем именно этой отрасли хозяйства. Сельджуки к этому времени уже успели оценить преимущество владения портовым городом Анталей, однако незадолго до описываемых событий она была захвачена франками. На востоке политическая ситуация тоже ухудшилась: воспользовавшись смертью Кейхусрова, армянский царь Левон II отбил у сельджуков Эрегли и Караман. На севере тогда же Ласкарис завладел юго-восточными районами побережья Черного моря.

После того как сельджуки возвратили себе Анталю (1214/15 год) и наказали Левона II, Кейкавус задался целью получить выходы к Черному морю, которые могли бы стать перевалочными пунктами на торговом пути из Китая, Индии и Персии в страны Запада и откуда можно было бы начать новую войну против Ласкариса. Лично возглавивший армию Кейкавус в конце 1214 года захватил Синоп; кроме того, ему удалось взять в плен императора Трапезунда Алексея Комнина в тот момент, когда последний находился на охоте. Кейкавус поступил мудро: после того как Комнин дал согласие стать вассалом Кейкавуса, тот освободил высокородного пленника. Примерно в это же время Кейкавус выдал дочь замуж за эмира Эрзинкана.

В 1216 году он вновь отправился на восток, чтобы изгнать из Малой Азии Левона II. Заставив того ретироваться в Малую Армению, Кейкавус повернул войско на юг, рассчитывая отвоевать Алеппо у ставленника Саладина, однако в 1219 году султан умер от чихотки.

Несмотря на то что правление Кейкавуса продолжалось всего лишь одно десятилетие, он оставил страну в завидном состоянии: Конья стала широко известна как столица государства, стабильность которого обеспечивала прочная основа — сильная, высоко дисциплинированная армия, эффективно работающие и лояльные султану органы управления и процветающая торговля. К этому времени многие сельджуки в Анатолии стали вести оседлый образ жизни с присущими ему занятиями. Сельское хозяйство находилось на подъеме, а благосостояние провинциальных городов росло за счет разветвленной сети великолепных дорог, безопасность которых сельджуки смогли обеспечить. Учитывая то, что византийцы сосредоточили все усилия на сохранении того малого, что у них осталось после опустошительных набегов крестоносцев, войны императора Никеи с франками, а также отсутствие сколько-нибудь значительных тюркских эмиров, с кем нужно было бы воевать, будущее для очередного султана казалось весьма безоблачным и многообещающим.

КЕЙКУБАД I (1219—1236)

Эмиры Кейкавуса приняли решение освободить из заключения Ала ад-дина и возвести его на престол; таким образом, он стал преемником брата и правил под именем Кейкубад I. Новый султан оказался самым выдающимся правителем из своей династии. Он отличался разносторонними талантами: возможно, именно в тюрьме он великолепно овладел каллиграфией и мастерством рисовальщика, кроме того, он был хорошим плотником и умел отлично изготавливать луки. Он проявил себя как мудрый и умелый администратор, ему удалось вновь принести процветание в те районы, за которые вели жаркие бои его предшественники, он отстроил Конью, сделав ее почти неузнава-

емой, и превратил Сивас в один из самых важных торговых центров Леванта. Кейкубад был блестящим военачальником: в течение года с момента прихода к власти он отбил у армян Калонорос (Алайе) и устроил там военно-морской порт, подобного которому на Средиземном море не существовало. Не ограничившись перечисленным выше, он превратил значительную часть Анатолии в огромный огород, где выращивались овощи на продажу; кроме того, он поощрял развитие промышленности, в частности строительство заводов по производству сахара, особенно в окрестностях Алайе.

РАЗРУШЕНИЕ ХОРЕЗМА

За пятнадцать лет правления Кейкубада, отличившись во множестве сражений, его армия покрыла себя славой. Несмотря на то что гезуэцы пытались препятствовать сельджукам с максимальной эффективностью использовать полученные от захвата Синопа преимущества, именно из этого порта в первый год своего правления Кейкубад отправился в карательную экспедицию через Черное море в Судак. В 1222 году его племянник, правитель Синопа, втянул султанат в невыгодную для того войну против императора Трапезунда; пока шла война, Кейкубад планомерно очищал от армянского присутствия западные районы Тавра (вплоть до Силифке) до тех пор, пока не подчинил себе всю Малую Армению. Падение Малой Армении привело к открытому противостоянию с хорезмшахом Джалал ад-дином, который так сильно отодвинул границы своего государства, что в него вошел даже Ахлат.

В 1230 году с помощью ал-Ашрафа из рода Эйюбидов Кейкубад атаковал этого сильного противника и нанес в Эрзинкане войску хорезмшаха столь значительный урон, что его вполне можно назвать настоящим триумфом. Однако победа была чревата скрыты-

ми до поры неприятностями; кроме того, уже тогда эта победа, принесшая султану всемирную славу, возбуждала зависть и страх у союзника Кейкубада. Поэтому союзник последнего решил уговорить 16 султанов Эйюбидов из Египта и Ирака отправиться в поход в Малую Азию. Его усилия увенчались успехом, и объединенное войско выступило туда под командованием египетского султана Малика ал-Камиля. Чтобы дать отпор этой новой угрозе Кейкубаду, который в то время по-прежнему вел войну против Хорезма, пришлось отвести с театра военных действий часть войска. Но, несмотря на это, его воины вновь подтвердили свое превосходство, отбив у врага, пусть и ненадолго, Харпут, Харран и Ракку, — таким образом, они дали возможность суверену продвигаться по территории Хорезма до тех пор, пока он полностью не покорил эту страну.

В течение столетий Хорезм был своего рода буферной зоной между культурными династиями, пришедшими на смену ранним цивилизациям Древнего Востока, и кочевывшими по Евразии воинственными племенами. Хотя падение Хорезма и принесло Кейкубаду славу, в конечном итоге оно повлекло за собой катастрофические последствия не только для Румского султаната, но и для Персии с Ираком. Тогда еще никто не понимал, что эта победа никому не была выгодна и что Кейкубаду, возможно, не так уж и не повезло, что он умер именно тогда — его отравили, причем, как говорили, по приказу родного сына. В результате этого злодеяния в 1235/36 году сын покойного султана унаследовал империю, куда входила вся Малая Азия, за исключением Трапезундской империи Комнинов и владений Вататзе в Малой Армении; при этом и Комнины, и Вататзе признавали сельджуков суверенами, причем Трапезундская империя вновь приняла вассальную зависимость после падения Хорезма — в наказание за то, что предоставляла убежище хорезмским воинам.

КЕЙХУСРОВ II
(1236—1246)

Став султаном, новый правитель Гияс ад-дин принял имя Кейхусров II. Он отличался беззаботным нравом и, подобно многим своим современникам-персам, находил удовольствие в том, чтобы коротать время за чашей вина, слушая песни и лаконичные четверостишия поэтов. Взойдя на престол, он выдал сестру замуж за Малик Азиза из династии Эйюбидов, сына правителя Алеппо Мухаммада, а сам женился на дочери последнего. Однако вскоре он страстно влюбился и сделал своей второй женой дочь царицы Грузии Тамары княжну Русудан, к которой всегда относился как к единственной супруге.

МОНГОЛЬСКАЯ УГРОЗА

Несмотря на то что Кейхусров II унаследовал чрезвычайно влиятельную и сильную империю, через некоторое время опять активизировались центральноазиатские племена. Сейчас это были монголы, орды которых двинулись на запад, сопровождая свое продвижение невероятными жестокостями и сея страх среди мирных жителей соседних стран. Каждый новый слух или сообщение о монголах все больше пугали мирных жителей, и в конце концов тысячи охваченных паникой беженцев оставили свои дома и поля на разграбление захватчиков и устремились прочь из родных мест. Бежали не только состоятельные люди, но и бедняки, потенциальные преступники и безобидные крестьяне, свободолюбивые дервиши и скромные паломники. Многие из них добрались до Румского султаната, на жителей которого один вид этой толпы нагнал страх; их дурные предчувствия еще больше усилились, когда дервиши в проповедях начали подстрекать беженцев и местных крестьян поднять вос-

стание. Многие дервиши фактически забыли о своем призвании и занялись политикой — в проповедях они утверждали, что султан якобы хочет пожаловать иностранным купцам торговые концессии, отдавая при этом предпочтение христианам. Такие речи способствовали росту недоверия к власти, и вскоре волнения охватили такие широкие массы народа, что султан в армии был вынужден больше полагаться на наемников-христиан, чем на собственных подданных. Этот факт, в свою очередь, заметно подхлестнул волну вредных для султана слухов.

На первом этапе наступление монголов, возможно, сдерживала слава сельджуков-воинов, поэтому сначала монгольские орды вторглись в южные регионы Восточной Европы и покорили их. Часть монголов обосновалась в низовьях Волги и Дона и образовала там свое государство Золотую Орду, а другая стала сувереном Киевской Руси. Тем временем, поняв, что исчезновение Хорезма очень упростило им путь в Персию, монголы второй волной прошли по этой стране и завоевали Багдад. Еще при жизни Кейкубада монголы начали нащупывать путь в Малую Азию, а кончина султана ускорила их приход туда; по пути они заставляли сниматься с места те тюркские племена, которые совсем недавно поселились у восточных границ Рума. Среди согнанных с места кочевников-огузов был род Кайи — ему было суждено войти в историю под именем Османов. В Малую Азию их привел вождь Сулейман. По преданию, однажды сын и преемник Сулеймана Тогрул увидел две группы ожесточенно сражавшихся всадников. Стараясь понять, какая из них слабее, Тогрул довольно долго выжидал, а потом со своими людьми бросился на помощь слабой стороне. Эта встреча оказалась поистине счастливым случаем для Тогрула, ведь он помог самому султану Сельджукидов и его телохранителю, когда те бились с монголами. Благодарность Кейхусрова не знала границ, в награду за помощь он подарил Тогрулу земель-

ный надел в Карача-Даге — от Эскишехира почти до Коньи, включая Сёгют и Доманич. Кстати, именно в Сёгюте родился и в 1324 году был похоронен сын Тогрула Осман.

БИТВА ПРИ КОСЕ-ДАГЕ

В 1241/42 году монголы осадили и затем захватили Эрзурум. Их приближение убедило Кейхусрова в том, что ему самому скоро придется противостоять захватчикам и что это лишь вопрос времени, поэтому султан начал собирать войско. Он собрал под свои знамена 70 тысяч человек и поручил командование армией грузину, князю Шервашидзе. Войско монголов было менее многочисленным, им командовал Байчжу; в нем тоже служили грузинские и армянские наемники. Войска султана и монголов встретились в сражении 26 июня 1242 года неподалеку от Косе-Дага на дороге из Сиваса в Эрзинкан. Во время боя Шервашидзе был убит; услышав об этом, воины армии сельджуков, выходявшие победителями из огромного числа схваток с сильными врагами самых разных национальностей, растерялись перед лицом известных своей свирепостью монголов.

Бросив лагерь с разноцветными шатрами командиров, сельджуки бежали, они оставили врагу даже шатер своего султана и его личное знамя с изображенным на нем львом на привязи. После Косе-Дага монголы двинулись на Токат и Кайсери, грабя все попадавшие на их пути селения; поручив двум сохранившим ему верность подданным — эмиру Мудхахиб ад-дину и кади Амасьи — вести переговоры об условиях заключения мира, Кейхусров бежал в Конью. Надежды султана на то, что ему удастся склонить Балдуина II к союзу против монголов, не оправдались, и в обмен на сохранение своей, правда, всего лишь номинальной, власти Кейхусрову пришлось принять бремя вассальной зависимости.

ПЕРИОД АНАРХИИ

Известие о победе монголов породило панику во всей Анатолии; из-за приближения врага малоазийские поля вновь оказались невспаханными и в регионе разразился голод; многие состоятельные сельджуки пытались обменять великолепные драгоценные камни на горсть муки. Некоторые мелкие племенные вожди-тюрки старались сохранить свои земельные наделы, выдавая дочерей замуж за монгольскую знать, другие искали убежище в Пафлагонии и Памфилии. В Малой Азии появились кочевники-туркмены, грабившие города сельджуков; хаос охватил все сферы жизни, и это привело к тому, что в 1246 году приближенные султана и группа знатных людей подняли мятеж, во время которого их беззащитный суверен был задушен. Вскоре появился претендент на освободившийся трон, он заявил, что приходится сыном Кейкубаду I. Ему удалось собрать под свои знамена около 20 тысяч человек, но в конце концов его поймали и повесили в Алайе.

ТРИУМВИРАТ (1246—1257)

Монгольский правитель Хулагу-хан быстро понял, что рост влияния тюрок может иметь крайне опасные последствия, поэтому приказал Изз ад-дину Кейкавусу II, старшему сыну и преемнику покойного султана, восстановить порядок, схватить и подвергнуть наказанию зачинщиков беспорядков. Изз ад-дину удалось добиться определенного успеха, но вскоре в отдаленных малонаселенных провинциях появились другие тюркские и туркменские племенные вожди, которые закрепились там на правах автономных князьков. В это же время в Сивасе против Изз ад-дина выступил его брат Рукн ад-дин. Обеспокоенный таким развитием событий Хулагу-хан решил, что править страной должны все три брата. Во многом благодаря усилиям великого визиря

Шамс ад-дина Джувейни из Исфахана триумвират существовал одиннадцать лет, однако все эти годы прошли под знаком постоянных интриг и заговоров, когда наемники периодически перебегали из одного лагеря в другой. Еще больше осложнило обстановку то, что византийский император Михаил, боявшийся зависти императора Никеи Федора II, стал искать убежища в Конье у Изз ад-дина, и султан назначил его командующим частями наемников-христиан своей армии. Такое решение одобрили далеко не все, ведь оно заставило людей усомниться в преданности Изз ад-дина религии мусульман и напоминало им о том, что его матерью была христианка. Оно подогрело слухи о переходе султана в веру его матери; эти слухи получили косвенное подтверждение во время суда над греческим патриархом Анфемием, когда император Михаил обвинил прелата в том, что тот слишком симпатизирует сельджукам. Рукн ад-дин, второй из троих братьев, использовал эти подозрения в качестве предлога для ссоры с Изз ад-дином, но тот повелел заключить брата в тюрьму.

Произошедшее разгневало великого Бату, и Изз ад-дин быстро освободил Рукн ад-дина; затем двое старших решили отправить своего младшего брата Ала ад-дина к монгольскому двору с тем, чтобы он успокоил Бату. Именно там его видел брат Рубрук, и вполне возможно, что молодой султан умер на обратном пути, поскольку после 1257 года о нем больше не встречается никаких упоминаний, то есть примерно с того времени, когда Менгу-хан распорядился, чтобы Изз ад-дин правил землями Сельджукидов, находящимися к востоку от Галиса (Кызыл-Ырмак), а Рукн ад-дин — к западу от этой реки. По мнению Изз ад-дина, это решение было слишком выгодным для Рукн ад-дина и одновременно угрожало его собственной безопасности, поэтому он договорился с египетскими мамелюками лишить трона его монгольского суверена. Монгольский наместник в Малой Азии вскоре узнал о заговоре и вознамерился наказать Изз ад-дина, однако тот уже был пре-

дупрежден другом о его намерении и, забрав семью, спешно поехал в Анталию, откуда добрался до Сард, где попросил помощи Федора II Ласкариса. Получив отказ, он, тем не менее, с благодарностью принял приглашение византийского императора остаться при его дворе — это предложение было сделано в ответ на гостеприимство, совсем недавно проявленное сельджуком по отношению к самому Ласкарису.

ИЗЗ АД-ДИН (1246—1283?)

Оставив Рукн ад-дина одного управлять всей империей Сельджукидов — точнее, тем, что от нее осталось, — в 1261 году Изз ад-дин добрался до Константинополя. Вернее, он въехал туда вместе с императором после того, как город был освобожден от латинян. В столице его принимали весьма любезно, ему даже было разрешено носить красные туфли, считавшиеся у византийцев символом принадлежности к императорской фамилии. Однако, поскольку император очень боялся монголов, уже через несколько месяцев, забыв об обязанностях хозяина, он попытался обеспечить безопасность своего государства, бросив Изз ад-дина и двоих его сыновей в крепость Эроса. В награду за это он просил монголов об иммунитете для Византии. Вполне возможно, что именно из-за опасения чего-то подобного незадолго до наступления 1263 года Изз ад-дин вошел в заговор против хозяина-императора с царем Болгарии Константином Тишем. Существует целый ряд версий относительно того, как развивалась ситуация после этих двух событий, однако, судя по всему, Изз ад-дин со старшим сыном, и не исключено, что и со вторым сыном тоже, были вызволены из неволи Баркаем, ханом крымско-татарского племени джуси. Хан, с которым после женитьбы Изз ад-дин стал связан узами родства, отправился в Константинополь специально для того, чтобы освободить султана.

К 1263/64 году бывший султан и его сын Масуд находились в Сарае — столице Баркай в Крыму. Некоторые историки убеждены, что Изз ад-дин пытался уговорить своих людей пересечь Черное море вместе с ним, но они отказались сделать это и предпочли завербоваться в византийскую армию. Пообещав тюркам, что никогда не отдадут им приказ поднять оружие против их соплеменников, византийцы сформировали из бывших воинов Изз ад-дина особые подразделения; однако даже на таких условиях не все из них согласились служить императору. Некоторые сельджуки добрались до Добруджи и осели там, в тех местах до настоящего времени существует их небольшая община, но теперь они называются гагаузы. По мнению П. Виттека, «гагауз» — это искаженное Кейкавус — имя, которое Изз ад-дин взял при восшествии на трон¹. Другие сельджуки бежали в Сербию, где в 1308 году князь Милютин выделил им участок земли для поселения. Часть этих сельджуков не захотела осесть там и отправилась наниматься в войско франков в Морейский деспотат, а также в войска сербов, болгар, в войско греков в Эпирский деспотат и армию византийцев. Многие приняли христианскую веру. Среди последних был и младший сын Изз ад-дина; после бегства отца он остался в Константинополе и в конце концов женился там на гречанке.

Баркай хорошо относился к Изз ад-дину и даже вел речь о строительстве усадьбы для бывшего султана, однако старый хан умер, не успев осуществить эти планы, а его сын и преемник поступил по-своему — запер Изз ад-дина и Масуда в маленькой деревеньке на берегу Черного моря. Через восемь лет, около 1283 года, Изз ад-дин там и скончался, а Масуду удалось сбежать. Он возвратился к монгольскому двору, где обратился к своему суверену с просьбой вернуть ему трон отца. Его

¹ Романтическая версия. Бежавшие из Болгарии в Россию во время русско-турецких войн конца XVIII — начала XIX в. газаузы — потомки огузов, печенегов, половцев и других тюрков Причерноморья, ранее ушедших на Балканы. Часть ученых считает их отуреченными болгарами.

желание было удовлетворено только частично — он был назначен правителем восточной половины султаната; при этом его двоюродному брату разрешили продолжить править его западной частью.

КЫЛЫЧ АРСЛАН IV (1246—1264)

Когда в 1260 году Изз ад-дин бежал из Коньи, его брат Рукн ад-дин автоматически стал единоличным главой Румского султаната и взял себе имя Кылыч Арслан IV. Поскольку он был вассалом монголов, то, несмотря на титул султана, фактически являлся марионеточным правителем; даже та небольшая толика власти, которая номинально у него оставалась, на самом деле находилась в руках его всемогущего премьер-министра Сулеймана перване Муин ад-дина. Монголы, поощрявшие стремление перване взять всю власть в свои руки, наделили его также полномочиями кади, или верховного судьи, что сильно разозлило местную знать. Тем не менее после убийства в 1264 году в Аксарас Рукн ад-дина (некоторые считают, что руку к этому приложил перване) министр посадил на трон Гияс ад-дина Кейхусрова III, сына покойного суверена. В связи с тем, что мальчик был еще очень мал, фактическим правителем султаната остался монгольский ильхан, а решением повседневных вопросов по-прежнему занимался этот перване.

КЕЙХУСРОВ III (1264—1283)

Перване верой и правдой руководил государством в течение десяти лет, а когда Гияс ад-дин вырос и стал меньше в нем нуждаться, в сердце министра поселился червь зависти. Именно зависть заставила его войти в заговор с Бейбарсом I, египетским султаном-мамлюком.

Вдвоем они решили изгнать монголов из Малой Азии и возвести на трон государства Сельджукидов перване. Сначала все шло по плану: в 1276/77 году они разбили монгольское войско у Эльбистана и вошли в Конью. Затем, когда они перегруппировывались у Кайсери перед новым сражением, перване внезапно охватил страх. Его настроение передалось мамлюку, и тот, бросив перване на произвол судьбы, спешно увел свое войско назад в Египет. На следующий год по приказу приведенного в бешенство действиями перване его монгольского суверена министр был убит.

Несмотря на то что Гияс ад-дину Кейхусрову III на тот момент исполнилось всего 15 лет, он стал полновластным правителем. Его положение было очень сложным, ведь обрадованные падением перване алчные и падкие на чужое атабеки-тюрки воспользовались неопытностью юного султана и заявили о независимости своих владений; такое происходило во многих регионах государства. Даже правившие в Синопе сыновья покойного перване не смогли удержаться от соблазна и заявили о своей независимости. Точно так же поступили и члены семьи покойного визиря Сахиб Аты в Афьон-Карахисаре. Поэтому юный суверен испытывал подлинное удовлетворение, наблюдая за тем, как воевал с византийцами сын Тогрула Осман, возглавивший после смерти отца свое племя. В 1281 году последнему удалось добиться успеха и расширить свою территорию за счет земель Византийской империи. Кейхусров отметил успех Османа, присвоив ему титул Уч-бек — «защитник границ» и вручив ему, как полагалось при присвоении этого звания, барабан и сплетенный из конского волоса штандарт — флаг красного цвета с изображенным на нем полумесяцем. Вполне возможно, что именно по этому случаю сельджук пожаловал будущему основателю Османской (Оттоманской) династии халат — упоминание об этом факте имеется в дошедших до наших дней документах.

Преемником умершего в 1283 году Кейхусрова III стал его племянник Ала ад-дин Кейкубад III, сын Фа-

ремурзы — брата покойного султана. Почти сразу же после прихода к власти новый суверен был вынужден отдать восточную половину своих земель кузену Масуду II. Преемником скончавшегося в 1298 году Масуда был его сын Масуд III. Стремясь получить полный суверенитет, основную часть периода правления он провел в борьбе с Кейкубадом III; в 1302 году, после ухода из жизни Кейкубада, дело отца продолжил его сын Гияс ад-дин. Противостояние султанов закончилось только в 1308 году, когда в Кайсери Масуд был убит. Гияс ад-дин едва ли намного пережил его — дело в том, что вскоре после этого его имя пропадает со страниц истории, а с ним кончается и история сельджуков Рума.

Глава 3

ОБРАЗ ЖИЗНИ СЕЛЬДЖУКИДОВ

Многие свои привычки и пристрастия Великие Сельджуки сохранили со времен кочевой жизни, однако они скорректировали их в соответствии с основными принципами новой веры и обогатили за счет ряда перенятых у персов обычаев и верований. Кое-что сельджуки Малой Азии позаимствовали у Запада или, точнее, у Византии. Сочетанием столь разных элементов и объясняется удивительно своеобразный и характерный только для сельджуков образ жизни. Хотя в основном он по-прежнему отвечал потребностям и идеалам народа воинов, его внешние проявления приобретали все более сложные и интересные формы.

Подобно империи Великих Сельджуков, Румский султанат по своей сути был военным государством, и боеспособность армии по-прежнему оставалась делом первостепенной важности. Алп Арслан и Малик-шах с готовностью отдали процесс организации военной машины на откуп Низам ал-Мульку¹. Не забывая о старых племенных устоях и традициях, которые, как и раньше, ставили рядовых членов общества в зависимость от вождей, визирь поделил государство на 24 части, во главе каждой из них поставил командира. Его титул мог быть разным, начиная от шад — военачальника в племенном обществе огузов — до шаха, как у персов, или хана, как у монголов, который, как полагают, сельджуки позаимствовали у аваров. Таким командирам вменялось в обя-

¹ Выдающийся сельджукский визирь Абу Али Хасан ибн Али ат-Туси (1017—1092) носил почетный титул Низам ал-Мульк, что значит «устроитель державы».

занность ежегодно набирать определенное число рекрутов и обеспечивать их оружием.

Каждую весну закаленные в битвах воины и новобранцы прибывали на названный в подготовленном от имени султана указе сборный пункт, где их встречал командир. Летние месяцы воины проводили в тренировках или боевых походах, а зимой, когда из-за плохой погоды сражаться было невозможно, их распускали по домам. В течение какого-то времени такая система удовлетворяла потребности страны, но очень скоро возникла необходимость довольно значительно изменить ее, и тогда сначала командиров обязали предоставлять армии определенное число имевших военную подготовку мужчин, а затем пришлось прибегнуть к набору наемников.

Каждую весну воины проходили тяжелую и сложную подготовку в специальных школах, где большое внимание уделялось превращению их в отличных конников и великолепных стрелков; в основе их обучения лежали овладение мастерством владения луком и преодоления препятствий. Поощрялись развивающие ловкость игры, и по крайней мере один раз в неделю обучающиеся должны были играть в поло. На второй стадии подготовки солдат делили на две группы, а затем кого-то учили владеть копьем и мечом, а других — из числа лучших — определяли в кавалерию, которая была самой важной составной частью армии. Многие рядовые воины носили кольчуги и островерхие шлемы, у всех были щиты, а у многих офицеров — мечи (фото 61). Некоторые мечи были обоюдоострыми; рукояти мечей часто имели симметричные декоративные элементы в виде стилизованного листа — такое украшение являлось характерной чертой декоративного убранства изделий сельджуков (рис. 3). Лучникам давали стрелы с зазубренными наконечниками, которые обмакивали в яд.

Начало сезона тренировок султаны Рума отмечали смотром войск, который часто проводили в Кайсери. Воины любили это мероприятие, ведь после торжест-

Рис. 3. Мечи с двудольными рукоятями: а — длина меча — 100 см, длина рукояти — 15 см; б — длина меча — 85 см, длина рукояти — 16 см

венного парада их всегда ждала обильная трапеза, во время которой пирующих удивляли своими трюками наездники и ходившие между участниками праздника жонглеры и акробаты. Сказители развлекали воинов рассказами о героических событиях, поэты читали новые стихи, а музыканты, игравшие на лютнях, арфах, свирелях и барабанах, обеспечивали музыкальное оформление праздника.

МОНАРХИЯ

Хотя сельджуки и лишили халифа светской власти, они по-прежнему уважали и поддерживали его духовную власть, постоянно заявляя о том, что остаются его сторонниками и защитниками. И действительно, они всегда были готовы подкрепить слова делом. Каждый сельджук ощущал личную причастность к выполнению этого обязательства. Несмотря на уважение и преданность халифу, все сельджуки считали своим духовным повелителем не его, а султана. У всех жителей империи чувство личной лояльности правящей династии было настолько сильным, что никто из людей, не принадлежавших к числу наследников султана, не предпринял ни единой попытки захватить верховную власть, и единственным исключением был перване Муин ад-дин. Некоторым местным князькам было по-

зволено носить титул шаха, однако титул шаханшаха или султана мог иметь только верховный правитель. Никто, кроме Буидов, никогда не пытался получить такую привилегию.

Во времена Сельджукидов было принято передавать трон от отца к сыну — как правило, старшему, хотя случалось, что кто-то из членов семьи султана вдруг вспоминал о древней традиции огузов, согласно которой, как и в Киевской Руси, престол передавался старшему брату покойного правителя, а не его старшему сыну. Когда претенденты начинали активные действия в этом направлении, проблему обычно решали путем применения силы и трон получал победитель.

В Персии после смерти Малик-шаха ослабевшая центральная власть больше не могла осуществлять полный контроль над своими вассалами, поэтому многие из них превратились в самодержавных правителей довольно больших территорий. Некоторые взяли себе титулы атабеков (что означает «князь-отец»¹), совершенно не задумываясь о том, что данный титул был изобретен Алп Арсланом для Низам ал-Мулька, когда того назначили наставником юного Малик-шаха. Следующие султаны также воспринимали данный титул как прерогативу человека, занимавшего на тот момент пост наставника наследника престола, — на эту должность султан всегда назначал того, кому больше всего доверял — это был министр-администратор. Даже в последние десятилетия существования империи, когда мелкие князьки брали себе титулы, на которые не имели никакого права, султаны-Сельджукиды не давали этого почетного титула никому из своих подчиненных, кроме визирей. Один из последних случаев вполне правомочного присвоения данного титула — это когда Кейкубад дал его своему кади, или верховному судье, при назначении того на пост визиря. То, что

¹ В более раннее время у тюркских народов воспитатель наследника именовался аталык, что, как и в случае со словом «атабек», точнее всего переводить в первоначальном значении «названный отец».

министр был достоин чести его носить, подтвердил тот факт, что он погиб, защищая своего суверена во время случайной стычки с монголами.

МИНИСТЕРСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ И РАНГИ

В XIII веке функции визиря, или премьер-министра, у сельджуков исполнял перване, или лорд-канцлер; кроме того, перване возглавлял государственный совет — диван. По поручению султана он отвечал за внутренние дела страны, а в отсутствие суверена должен был председательствовать на заседаниях кабинета. Вторым по значению после визиря был главнокомандующий. Следом за ним в иерархии шел кади, или верховный судья, который обычно был из Багдада; поскольку в основе правовой системы Сельджукидов лежал Коран, кади либо совмещал этот пост с должностью главного муфтия — верховного религиозного деятеля страны, либо, согласно положению в иерархии, делил обязанности судьи с муфтием — в этом случае они решали различные административные вопросы вместе. Когда кади совмещал эти должности, его политический вес в Малой Азии возрастал настолько, что практически достигал уровня влияния Шейх Уль-Ислама в мусульманском мире.

Однако своим духовным вдохновителем народ считал не этих должностных лиц, а султана; прекрасным примером в этом смысле был Ала ад-дин Кейкубад I. Он верил глубоко и истово, его благочестие было подлинным, каждое утро он читал утреннюю молитву шафии и 5 молитв ханифы; перед подписанием ежедневных эдиктов дивану он совершал омовения, поскольку в представляемых ему на подпись документах упоминалось имя Аллаха. За главным кади и муфтием следующими в иерархии были эмиры, возглавлявшие различные войсковые соединения. Эти официальные лица входили во внутренний кабинет, а на заседаниях ди-

вана к ним присоединялись некоторые представители высшей знати и племенные вожди — это был своего рода консультативный совет.

ДИВАН И ПОРТА

На заре существования империи Сельджукидов чиновники, занимавшие различные посты в правительстве, обычно собирались в капу — помещении перед входом в шатер их суверена, подобным же образом их предшественники встречались перед жилищем вождя своего племени. Когда совет, взяв за образец принятую при дворе Сасанидов практику, переместился от входа в покои султана в зал внутри, министры стали рассаживаться по диванам, установленным у его стен, однако, несмотря на это, сельджуки продолжали называть место проведения заседаний по-старому — капу. Правители Оттоманской империи не изменили место проведения собраний, но у них зал заседаний назывался Высокая Порта, а само собрание сохранило прежнее сасанидское название диван.

В Румском султанате в диване работали 24 секретаря, одна половина из них занималась военными вопросами, а вторая — финансовыми. Визирь, или перване, носивший символ полномочий — чернильницу, полученную им из рук султана в день назначения на должность, отвечал за внутренние дела страны; необходимую корреспонденцию и различные записи для него готовила группа писцов; последние хотя иногда и обращались к арабскому, но в основном пользовались персидским языком. Все государственные бумаги обычно писали виахатом, то есть бесточечным письмом, и все они скреплялись печатью султана. В годы монгольского владычества в канцелярии перешли на использование тюркского языка, и вскоре он был принят в качестве официального. Личные распоряжения султана всегда оформлялись в письменном виде — они записывались либо под его диктовку, либо после того, как

он отдавал их устно, и тогда передававший их человек должен был показать кольцо суверена в качестве подтверждения их подлинности. Приказы султана записывали на специальной, предназначенной для таких случаев бумаге; она была белой и очень гладкой; вероятно, ее привозили из Китая.

ТАЙНЫЙ НАДЗОР

Султаны-Сельджукиды были чрезвычайно религиозны, а потому старались править мудро и справедливо. Омайяды и Аббасиды имели тайную службу; ее возглавлял сахиб харас, а сотрудникам вменялось в обязанность наблюдение за политически неблагонадежными и казнь приговоренных к смерти. Алп Арслана наличие этой системы очень возмущало, поэтому, вопреки совету Низам ал-Мулька, он решил ее упразднить. Султан говорил: «Если я назначу кого-нибудь сахиб хабаром, то те, кто искренние мои друзья и с кем я провожу время, не будут обращать на него никакого внимания и предпринимать попыток подкупить его, ведь они верят в дружбу и преданность. Между тем мои противники и враги постараются подружиться с ним и дать ему денег; понятно, что сахиб хабар станет сообщать мне плохое о моих друзьях и хорошее о моих врагах. Хорошие и плохие слова подобны стрелам — если пустить несколько стрел, то по крайней мере одна из них попадет в цель. Каждый день я все меньше буду любить своих друзей и все больше врагов. Очень скоро враги станут мне ближе, чем друзья, и в конце концов займут место последних. Никто не сможет исправить тот вред, который мы будем иметь в результате этого».

Это были мудрые слова, но все же они не смогли уберечь правивших в Персии Сельджукидов от трений с местным населением. Очень многие трудности происходили из неизбежного в данном случае недоверия, с которым утонченные персы относились к необразованным воинам-сельджукам. Несмотря на то что эти самые

воины одержали победу над высококультурными персами, те хотели, чтобы суверен относился к воинам так же, как к ним самим, то есть к покоренному народу.

Естественно, это предложение победители не сочли приемлемым, ведь все они считали себя связанными с султаном узами племенного родства и настаивали на сохранении привилегий. Попытка сблизить персов и сельджукских воинов, придав последним присущий персам лоск, практически не уменьшила трений, ведь средний сельджук по-прежнему отдавал предпочтение родным простым обычаям, а не манерам утонченных и изнеженных персов. И действительно, с годами расхождение в привычках становилось все более выраженным, поскольку суверены-сельджуки, в отличие от приверженных традициям рядовых соплеменников, отказывались от старых кочевых привычек и постепенно пристрастились к роскоши. Недовольство, появившееся в среде простых сельджуков после того, как не прислушавшийся к совету Низам ал-Мулька Малик-шах перестал уделять должное внимание армии и стал назначать одного человека сразу на несколько постов при дворе, помогло исмаилитам в распространении их доктрины и привело к тому, что султаны потеряли значительную долю поддержки, которая им вскоре очень потребовалась.

ПОЛИТИКА В ПОКОРЕННЫХ ЗЕМЛЯХ

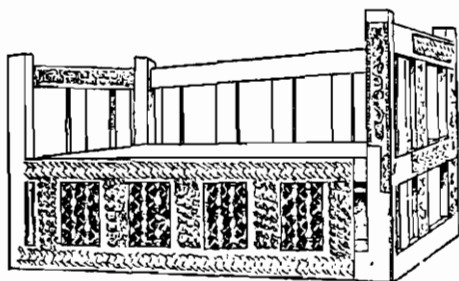
В целом сельджуки были готовы принимать новые для них местные обычаи, но только до тех пор, пока они не вступали в противоречие с их религиозными догматами. При покорении Малой Азии, после того как закончилась его начальная стадия, сопровождавшаяся грабежами и убийствами, они не демонстрировали желания нарушать привычный уклад жизни покоренного народа, а старались сохранить местные законы и обычаи и с готовностью приняли существовавшую там систему землевладения. В тех случаях, когда они считали необходимым что-то изменить, они действовали так

же, как это делали Великие Сельджуки при введении различных новшеств в Персии. Самые важные реформы сельджуки произвели в сфере законодательства. Убийство у них наказывалось смертной казнью, которая иногда заменялась выплатой денег семье пострадавшего. Приводя смертный приговор в исполнение, осужденного могли задушить, повесить или обезглавить, а в самых крайних случаях с него заживо сдирали кожу, из которой затем делали чучело, возили его по всему городу, потом помещали в построенную специально для этого хижину и публично сжигали. Менее серьезные преступления карались ссылкой, публичным избиением плетью или даже конфискацией имущества.

КОРОНАЦИИ

Церемонии коронации пользовались особой популярностью. При вступлении на трон нового суверена его встречали высшие сановники и духовные лица, державшие в руках золотые чаши, наполненные медом и молоком кобылиц; одновременно по городу ходили другие чиновники, раздававшие большие суммы денег. С течением времени султаны забыли простые обычаи своих предков-кочевников и, по примеру правителей Персии, стали отдавать предпочтение автократическому суверенитету, а у Багдада и Византии они переняли любовь к роскоши. Несмотря на то что Кылыч Арслан II предпочитал править в патриархальной манере племенно-

Рис. 4. Деревянный трон Кейхусрова III (1264—1283) из джами Кызыл Бей. Длина трона — 1 м 25 см, ширина — 1 м 21 см, высота — 1 м 56 см

го вождя, его преемникам был ближе стиль персидских монархов. Подобно персидским шахам, они требовали, чтобы к трону их несли, а там осыпали золотом и серебром. В Персии при Низам ал-Мульке султана сопровождал эскорт, состоявший из 200 хорасанцев, 100 дайланцев и группы невольников-христиан. Последние были фанатично преданы своему суверену, поэтому вскоре они стали ядром его личной охраны; вполне возможно, что именно это натолкнуло султанов турецкой Османской империи на мысль о создании корпуса янычаров.

Во время движения процессии личный знаменосец нес перед султаном его штандарт, представлявший собой полотнище черного цвета с изображением дракона (его выбор можно объяснить влиянием Китая или Сасанидов), льва (происхождение этого образа уходит корнями в древние цивилизации Востока) или орла (в этом случае, вероятно, имеет место влияние Византии, хотя, в равной степени, он мог прийти из Средней Азии или даже из Персии). В конце церемонии перед султаном шел слуга с открытым зонтиком — это было заимствовано у заклятых врагов сельджуков Фатимидов; с обеих сторон от султана двигались воины-пехотинцы с позолоченными мечами.

ПРАЗДНЕСТВА

Коронации, большие военные победы и другие события национального масштаба традиционно сопровождались празднествами, которые отличались одно от другого лишь подаваемыми во время торжественной трапезы кушаньями, а также количеством и родом развлечений. И Ибн Батута и Ибн Биби писали, что на пиру султан с гостями сидел за высоким столом, причем гостей рассаживали в строгом соответствии с их положением. Трапеза была обильной, на драгоценных блюдах, украшенных затейливым рисунком и самоцветами, пирующим подавали баранину, козлятину, дичь и голубей. Слуги в красивых одеждах (многие из них —

невольники-христиане) подносили гостям в золотых и серебряных чашах шербет. По случаю государственных праздников часто объявлялась всеобщая амнистия, двери тюрем открывались на заре с тем, чтобы освобожденные могли принять участие во всеобщем веселье. Такие празднества проходили точно так же, как и во время ежегодных военных смотров, только к развлечениям добавлялись игры и кукольные представления. Некоторые подробности о торжествах приводит Анна Комнин в рассказе о подготовке Алексея к нападению на Сивас.

Случилось так, что из-за приступа подагры Алексею пришлось отложить военную операцию. Воины-сельджуки сомневались в том, что истинной причиной отмены нападения было физическое недомогание, и считали, что дело связано с какими-то соображениями дипломатического характера. Они шутили по этому поводу, когда «выпивали и были пьяны; будучи от природы наделенными даром рассказчика, дикари развлекали слушателей якобы нравоучительными историями о страданиях императора во время болезни, а его недуг стал предметом для комедийных представлений. В лицах они показывали, как врачи и приближенные суетятся вокруг лежащего на постели больного. Эти наивные спектакли очень веселили дикарей. Насмешки над ним не миновали ушей императора, они заставляли его кипеть от гнева и еще сильнее подхлестывали желание выступить в поход».

ДВОР

Новый, более комфортный и роскошный образ жизни привел к неизбежному результату: султан отдалился от своих рядовых соплеменников. В возникшем между ним и народом пространстве появился новый класс — класс придворных и чиновников. Назначения на должности часто были продиктованы личным желанием султана, а в тех случаях, когда он не отдавал предпочтения

никакому конкретному человеку, чиновник на данный пост избирался в соответствии с древним восточным обычаем, когда все кандидаты собирались перед султаном и его приближенными и дискутировали на заданную тему. К такому способу выбора кандидата неоднократно прибегал даже перване Муин ад-дин. На вакантную должность назначали самого умелого и мудрого полемиста. Обычно султан даровал ему титул бека, но иногда вместо этого жаловал избранному византийский или персидский титул — дело в том, что сельджуки очень любили всякие звания и давали их вне зависимости от происхождения награждаемого или соответствия реальной ситуации; так, например, Кылыч Арслан II недолго думая назвал одного из своих сыновей Муизз ад-дином Кайсар-шахом¹.

Одну из самых важных ролей при дворе играл церемониймейстер, почти равное с ним положение занимал министр воды. Этот чиновник должен был обеспечивать наличие постоянного запаса воды и, кроме всего прочего, поставлять питьевую воду хорошего качества к столу правителя. Дело в том, что сельджуки, как все турки, в том числе и наши современники, придавали большое значение качеству воды для питья — такое, как, например, французы придают качеству подаваемого к своему столу вина. Его должность была далеко не синекурой, ведь различные проблемы, в том числе засухи и трудности с доставкой воды, требовали его неусыпного внимания; к ним добавлялись и различные непредвиденные осложнения. Так, когда Изз ад-дин Кейкавус I, находясь в Кыршехире, внезапно заболел, министр воды должен был обеспечивать доставку ему питьевой воды из Евфрата, и это несмотря на то, что расстояние, на которое ее пришлось везти, составляло около 240 километров. Почти таким же важным, как эти чиновники, для султана был его личный врач. Подобно Ибн Батуте из Бирге, занимавшему этот пост в течение многих лет, личный врач часто был евреем по национальности.

¹ «Кайсар» передает византийское «Кесарь» — император.

Несмотря на то что народ был предан своему султану (в этом плане даже при монголах ничего не изменилось), появление класса придворных неизбежно повлекло за собой увеличение числа интриг, что, в свою очередь, часто выливалось в политические заговоры. По этой причине султанам позднего периода существования династии Сельджукидов пришлось отказаться от введенной Алп Арсланом смелой традиции и завести специального человека, который бы пробовал блюда перед подачей на стол султана. Но даже это не всегда помогало, и не одного султана настигла внезапная смерть; тайна, окружавшая кончину султанов, давала пищу многочисленным слухам.

ЖЕНЩИНЫ У СЕЛЬДЖУКОВ

По мере превращения сельджукского общества из племени в монархию положение женщин ухудшалось. В языческий кочевой период истории сельджуков женщины у них занимали положение не намного ниже соплеменников-мужчин; они ходили с открытыми лицами и в бою сражались рядом с отцами и мужьями. Однако, когда сельджуки перешли в магометанскую веру, женщин обязали носить чадру и жить в уединении гарема. Им запретили принимать участие в делах народа, и они были вынуждены проводить жизнь в стороне от тех важнейших событий, которые вели к взлету и падению династии. Тем не менее случалось, что какая-нибудь женщина, обладавшая более сильным характером по сравнению с другими, оставляла свое имя в истории, начертав его на стенах построенного по ее приказу благотворительного учреждения. Значительно чаще о самом факте жизни женщины на земле говорила, по иронии, всего лишь надпись на ее усыпальнице — только она свидетельствовала о пройденном той пути из мира сумерек в мир мрака. Но существовавшая у султанов традиция брать в жены христианок часто приводила к противоположному результату. Широко известны попытки

участия в политической жизни Роксаланы; Изабелла, сестра Реймонда Сент-Эдигира и жена Кылыч Арслана I, судя по всему, внимательно следила за развитием событий в стране, ведь в противном случае она едва ли смогла бы сразу же после кончины мужа сделать своего сына Тогрула правителем Малатьи.

Жена-грузинка Гияс ад-дина Кейхусрова II Русудан, которую сельджуки знали под именем Геёрчи-хатун, вероятно, тоже имела большое влияние на супруга. Ко времени их женитьбы он настолько был влюблен в нее, что, несмотря на то что правоверные мусульмане не приемлют никаких форм изображения человека, он пожелал отчеканить на монетах ее портрет рядом со своим¹ (фото 79, 80); правда, по мнению некоторых исследователей, он хотел выбить на монетах всего лишь их имена. Когда недовольство народа вынудило его отказаться от этого намерения, ему пришлось избрать другой способ: на аверсе монеты он поместил стилизованное изображение солнца и созвездия Льва. Солнце в созвездии Льва султан выбрал, наверное, потому, что сияние этой звезды ассоциировалось у него с лучезарной личностью его супруги, или же потому, что она родилась под этим созвездием; кроме того, фигура льва символизировала его самого. Изображение этого льва практически без изменений сохранилось в Персии до наших дней — дело в том, что Фет Али-шах использовал его в гербе страны.

Та готовность, с которой родители-христиане отдавали дочерей замуж за султанов-Сельджукидов, свидетельствует о том, что эти султанши, в отличие от супругов-мусульманок, пользовались определенными привилегиями. Самой большой привилегией было, безусловно, данное им право оставаться христианками и исповедовать свою религию в полном объеме. Вероятно, это по-

¹ Древнетюркская домусульманская традиция, получившая распространение в VI—VIII вв. в Средней Азии, требовала изображения на монетах ликов правителя и его супруги (кагана и катун). Монеты Византии украсились портретами императорской четы под тюркским влиянием.

могало женщинам сохранять самоуважение и духовную независимость. Из имен женщин-мусульманок в истории осталось лишь имя принцессы Гевхер Февзи или Несиб-хатун, известной также как Сельджука-хатун, и то только благодаря тому, что ее очень любил отец, Кылыч Арслан II.

Обычно султаны брали себе в жены высокородных принцесс из тюркских династий, таких, как Данишмендиды, Цакасы и беки Эрзинкана. Совершенно очевидно, что эти женщины не могли оказывать большого влияния на своих мужей, ведь такие браки не способствовали уменьшению числа ссор между султаном и его тестем, и часто подобные разногласия заканчивались войнами. Овдовев, все жены султанов, независимо от их религиозной или национальной принадлежности, должны были выходить замуж за министра-администратора покойного султана. Вероятно, корни этого обычая уходят в кочевое прошлое сельджуков; он сохранялся в Малой Азии на протяжении всей эпохи Сельджукидов. Согласно данной традиции, Шамс ад-дин Исфакхани, занимавший пост визиря в период Триумvirата, женился на вдове Гияс ад-дина Кейхусрова II, матери Кейкавуса II, грузинке по национальности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ

В погребальных обычаях сельджуков тоже нашли отражение отдельные элементы других культур. Так, некоторые историки склонны приписывать черный цвет одежды, которую носили во время траура, влиянию христиан, а точнее, греков. Если это действительно так, то данное заимствование должно было произойти в раннеисламские времена, а не при Сельджукидах, — дело в том, что первое письменное упоминание об одежде черного цвета в знак траура относится к убийству Яхья в 742 году, после которого его последователи облачились в одежды черного цвета, а Аббасиды взяли этот цвет для своего флага. Но когда в 1219 году на трон был воз-

веден Кейкубад I, он в знак траура по брату в течение трех дней носил одежду из белого атласа. В противоположность этому, обычай дервишей братства маулавийа включать в состав погребальных процессий музыкантов, играющих на свирелях, вполне может быть западным заимствованием.

Помимо этих чужеродных элементов, в основе мусульманского ритуала лежали среднеазиатские традиции, несмотря на то что с течением лет и изменением обстановки они довольно сильно видоизменились. Хотя о погребальных обычаях огузов до сих пор известно очень мало, некоторые ранние китайские авторы однозначно говорят о том, что умерших те почитали. Мусульманская религия не разделяет и не одобряет такого отношения, и все же, на протяжении всей своей истории сельджуки продолжали придавать большое значение могилам предков. На то, чтобы продолжать соблюдать этот оставшийся от кочевой жизни обычай, их вдохновлял пример персов-шиитов или, скорее, правивших в шиитской Персии тюрок-суннитов, чьи величественные погребальные башни и надгробные памятники по-прежнему являются украшением персидского ландшафта. В свою очередь, сельджуки не желали отказываться от возведения тюрбе или кюмбетов — мавзолеев с круглым или островерхим куполом, которые стали яркой характерной чертой их архитектуры.

В.В. Бартольд отмечал интересную вещь: упомянутое в орхонских надписях поверие — что покидающая тело душа умершего превращается в птицу или насекомое — и в настоящее время находит отражение в речи оттоманских турок. Так, говоря о смерти, они часто употребляют фразу «он стал соколом». Другой древний обычай евразийских кочевников был связан с конем усопшего вождя и сохранялся в Малой Азии почти до середины XIII века. Хотя ни в одном из известных ранних захоронений эпохи Сельджукидов не найдено останков лошадей, но, когда в 1210 году Кейкавус I привез тело отца в Конью для перезахоронения, он устроил трапезу в честь покойного султана и приказал привести туда его

боевого коня. Иногда, как, например, в случае с сыном Сарухана или с эмиром Амасьи Турумтаем, покойников сельджуки бальзамировали. Некоторые ученые объясняют это влиянием Византии, однако проведенные в Пазырыке на Алтае раскопки показали, что евразийские кочевники практиковали бальзамирование умерших по крайней мере с V или с IV века до нашей эры. В Малой Азии сельджуки хоронили усопших в положении на спине, повернув голову покойного вправо — так, чтобы при установке гроба в тюрбе напротив двери, обращенной в направлении Мекки, его глаза были устремлены на этот священный город.

СОКОЛИНАЯ ОХОТА

Из всех повседневных занятий сельджуки получали наибольшее удовольствие от охоты, в том числе и с соколами. Специальный чиновник, имевший титул бека, то есть князя, отвечал за царскую охоту, в которой в день проведения этого мероприятия по велению султана принимали участие все здоровые придворные; вечером правитель награждал самого удачливого из них (фото 58). Малик-шах настолько любил охоту, что не расставался с тетрадью, куда заносил свои личные наблюдения и впечатления о событиях этого дня. Неизбежно на ум приходит мысль о том, что, скорее всего, именно эта традиция охоты с хищными птицами дала идею Фредерику II Гогенштауфену написать великолепную книгу о соколиной охоте.

ШАТРЫ И ДВОРЦЫ

Прошло много лет прежде, чем средний сельджук сменил перешедший от предков шатер на стационарный дом. Шатры были среднеазиатского типа — круглые, и делались они из переплетенных стеблей тростника, а их острые крыши — из гнутых прутьев ивы; все сооруже-

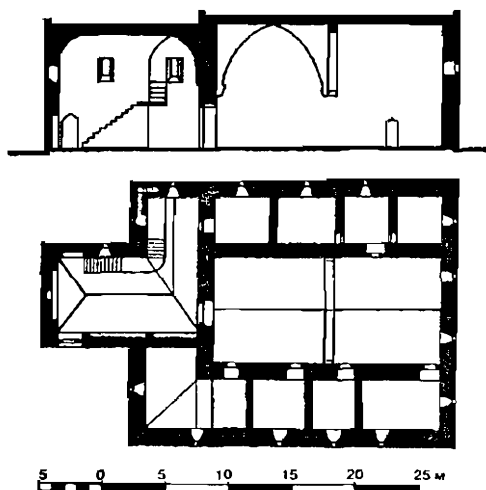

Рис. 5. Вертикальная проекция кешка Хайдар-бея

ние покрывалось кусками войлока, на внешнюю часть которого часто наносились различные рисунки (фото 33). Первых привлекла мысль о жизни во дворце султана и его приближенных, и произошло это под влиянием персов. Однако, возможно по той причине, что «тюрк всегда считал город тюрьмой», представления сельджуков о такой резиденции имели весьма своеобразный характер: она у них имела вид нескольких отдельных строений, объединенных в единый комплекс окружающей их стеной. Подобно устройству дворца Сарай султанов Оттоманской империи, личные покои суверена и его гарем находились в отдельных зданиях, или кешк¹ (рис. 5). Кроме того, во дворце были строения для совещаний совета, невероятных размеров кухни, на которых одновременно готовили пищу для сотен человек, флигеля для хранения одежды и посуды султана, а также ткани и вручавшиеся за особые заслуги халаты, предназначенные в качестве подарков его гостям. Во дворцах некоторых мусульманских правителей были даже тиразы — собственные мастерские по изготовлению шелковых тканей. Кроме того, во дворце имелись

отдельные строения для школы верховой езды, конюшни, домик для всего, связанного с охотой султана, арсенал, амбары для продуктов, канцелярия и множество небольших садиков с водоемами и фонтанами для услады глаз.

НОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

В XII веке после захвата очередного города сельджуки сначала занимались восстановлением его оборонительных сооружений и строительством мечетей там, где до этого их не было, поэтому довольно быстро после падения города на месте привычных куполов появлялись стройные минареты (фото 1, 7, 9, 11). Затем по всему городу вырастали мавзолеи с коническими крышами, и облик города становился неузнаваемым. В то же время условия жизни в городе менялись в лучшую сторону: там открывались важные для жизнедеятельности медицинские учреждения и религиозные учебные заведения, больницы, дома призрения для душевнобольных, сиротские приюты и богадельни.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ

В христианском мире властители не задумывались о строительстве больниц для бедных; правители же Востока были более отзывчивы к нуждам народа. Начиная с IX века в большинстве крупных исламских городов имелись больницы и различные благотворительные учреждения, и именно под влиянием сарацинов ближе к концу того столетия в Салерно была открыта медицинская школа. Этот пример вдохновил монахов-бенедиктинцев из Монте-Кассино, и они расширили бесплатную амбулаторию с аптекой для бедняков, а это, в свою очередь, привело к созданию в конце XII века медицинских факультетов в университетах Монпелье, Болоньи, Падуи и Парижа. К этому времени сельджуки превра-

тили свой султанат в настоящее государство всеобщего благоденствия; и, хотя впервые такая мысль зародилась, возможно, в Средней Азии и Персии, где в X веке было открыто несколько больниц и медицинских учебных заведений, широкое предоставление таких услуг было завоеванием Сельджукидов.

Мнение многих ученых XIX века о том, что сельджуки принесли в Малую Азию лишь хаос и разрушения, не подкрепляется никакими фактами. Хотя сельджуки воевали почти каждый год, они все же находили время строить новые больницы и благотворительные учреждения, причем их было значительно больше числа одержанных побед. В их руках регион, где ощущалась острая нехватка социальных служб, стал одним из наиболее обеспеченных ими. Такое быстрое превращение произошло благодаря частным пожертвованиям и взносам, причем пример подданным подавали сами султаны и члены их семей. Кейхусров I одним из первых основал медицинскую школу и больницу. Этот комплекс, открытый Кейхусровом в Кайсери, состоял из двух зданий, соединенных крытой галереей. Комплекс носил название Шифайе-медресе. Врачи, работавшие в больнице и постигавшие врачебное искусство у постели больных, преподавали в медицинской школе теорию. Именно так и в настоящее время принято в лучших клиниках при медицинских институтах.

За Шифайе-медресе быстро последовало появление многих других подобных комплексов. Образцом учреждений такого рода для правителей Османской империи служило медресе Дарул-Чифте, или Дарушшифа в Сивасе. В штате медресе состояли специалисты по внутренним болезням, хирурги и окулисты; в библиотеке было собрано множество книг по медицине, которыми могли пользоваться как студенты, так и врачи. Некоторые из построенных Сельджукидами больниц работали в Турции вплоть до середины XIX столетия, век других оказался короче; были и такие, которые просуществовали до Первой мировой войны — если и не в великолепных зданиях, построенных для них сельджуками, то,

во всяком случае, в более современных, ведь турки по-прежнему были преисполнены уважением к благотворительности своих далеких предков. Даже когда становилось необходимым перевести старую больницу в новое здание, они старались не менять ее первоначальные название и профиль лечения, оговоренные основателем.

Поскольку сельджуки очень любили хорошую питьевую воду и проявляли большой интерес к медицине, они сумели по достоинству оценить пользу минеральных источников, которыми изобилует земля Анатолии, и правильно их использовать. Кылыч Арслан II верил в благотворность вод Хавзы, и в 1161 году он построил там две бани. В числе наиболее популярных были бани в Кыршехире, Ильгыне, Йонджале и Хамидийе; некоторые другие источники использовали только для купания лошадей и прочих ценных животных. В дошедших до наших дней архивах сохранились упоминания о более чем двухстах минеральных источниках, на самом же деле их наверняка было значительно больше. В основном у источников строили вместительные помещения для бань, помимо того, там имелись фонтаны с питьевой водой.

Благотворительность Сельджукидов не ограничивалась открытием больниц, где людей бесплатно лечили и кормили. Деньги находили и на строительство мно-

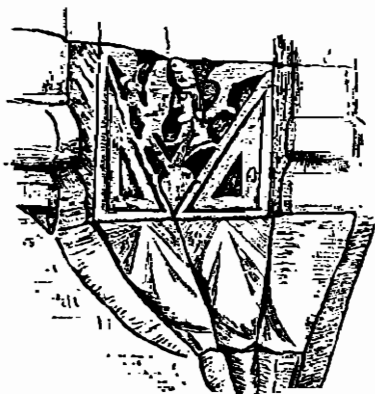

Рис. 6. Рельефная скульптура с изображением человеческих голов на внутренней стороне пилястра в портале больницы для душевнобольных в Дивриги — возможно, это портреты строителей здания

гочисленных сиротских приютов и домов призрения для душевнобольных, в которых все услуги также оказывали бесплатно. Но еще больше внимания и средств сельджуки отдавали на нужды общеобразовательных и религиозных школ, соответственно, в их империи было большое количество таких учреждений.

ИСТОЧНИКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОХОДОВ

Несмотря на то что сельджуки были не в состоянии предотвратить упадок сельского хозяйства в регионах, чаще других становившихся ареной боевых действий, они старались развивать там промышленность, например производство квасцов или рафинированного сахара, понимая, что стабильная экономика — первооснова существования их страны. В первые десятилетия своего правления Сельджукиды получали доходы главным образом от взимания дани с вассалов. Дань выплачивалась частично деньгами, а частично натурой. Дополнительный доход приносила захваченная на поле боя добыча, стоимость которой иногда была весьма значительной. Например, согласно источникам, общий вес захваченной у Левона II в Армении добычи составлял около 54,5 тонны; помимо этого, армянский царь должен был ежегодно присылать победителям по 1500 обученных воинов.

Хотя вплоть до монгольского вторжения войны приносили сельджукам довольно большие доходы, вскоре эти средства перестали покрывать растущие расходы государства, и султанам пришлось искать новые источники пополнения казны. Таким новым источником стала торговля. Когда сельджуки поняли, что торговля рабами-христианами становится все более выгодной, они приложили все усилия для ее расширения: стали красть маленьких детей и брать в плен сельских жителей, чьи земли захватывали во время войн. Особенно ценились невольники-грузины, за них давали самую высокую цену, их было легко продать, и они приносили наи-

большой доход. Все же очень скоро стало очевидно, что даже работоторговля, хотя она по-прежнему и оставалась прибыльным делом, не может полностью удовлетворить растущие потребности государства. Поэтому возникла необходимость развивать торговлю, особенно транзитную через земли Анатолии.

КАРАВАН-САРАИ

Первым шагом в этом направлении стал приказ правительства починить все старые караванные пути, которыми с античных времен пользовались римские и византийские торговцы. В свое время византийцы не предпринимали никаких усилий к тому, чтобы поддерживать эти дороги в хорошем состоянии; сельджуки стали их ремонтировать, укреплять старые переправы и строить великолепные новые каменные мосты (фото 23). Затем впервые за долгую историю этих древних дорог сельджуки открыли гостиницы для путешественников, самые лучшие из них получили название султанханов или караван-сараев, а менее роскошные — ханов (фото 15—22). В подавляющем большинстве гостиниц условия для отдыха путников были отличные, в остальных вполне сносными. Их строили вдоль основных торговых путей на удобном для путешественника расстоянии одну от другой с тем, чтобы дать приют торговым караванам. Люди могли отдохнуть там после утомительного дневного перехода и дать животным восстановить силы. Расстояние между гостиницами определялось следующим образом: за основу брали путь, который может пройти верблюды за день — то есть за 9 часов, что составляло около 30,5 километра. Таким образом, вышедший ранним утром караван к наступлению ночи обязательно доходил до гостеприимных стен хана.

По мере приближения каравана к хану все заметнее становились оборонительные башни и массивные каменные стены этого приюта путешественников; постепенно все отчетливее можно было различить затейливые

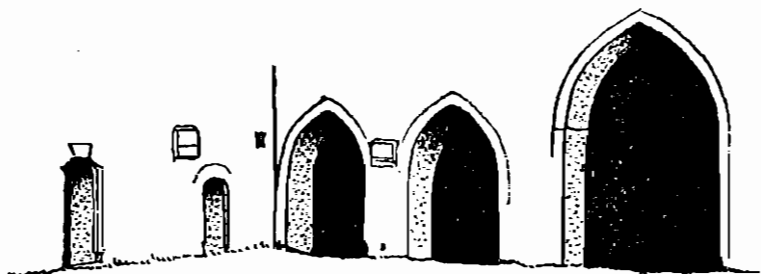

Рис. 7. Хан Теркан, конец XII в.: *слева* — вход в комнаты для отдыха путешественников, *справа* — в помещения для животных

переплетения узоров и ноздреватую поверхность камня ниш искусно оформленных дверных проемов. Внутри путника ждал комфорт. В ханах, находившихся в городах, плата взималась за въезд и выезд, а на дороге въезд и выезд в ханы были бесплатными. Взгляд вошедшего в хан путешественника первым делом останавливался на мечети с фонтаном для омовений. Здесь путники возносили Аллаху хвалу за то, что он соблаговолил предоставить им защиту в этот день; потом сгружали огромные тюки с товарами и переносили их в специально предназначенные для этого склады, а усталых животных отводили в удобные помещения со сложенными из камня кормушками.

Люди могли переночевать в отдельных комнатах или в общем зале. В хане имелись баня, кофейня и различные ремонтные мастерские. К услугам путников была харчевня, а в некоторых крупных ханах, в частности в султан-хане на дороге Конья—Аксарай и хане Каратай на дороге Кайсери—Малатья, слух гостей услаждали оркестры музыкантов. Если музыкантов в хане не было, путешественники развлекали друг друга рассказами о виденных ими чудесах, об опасностях, которым они подвергались, о разных диковинных и необычных вещах, о которых они узнали во время странствий. В городских ханах люди обычно собирались в огромных залах, где слушали речи опытных и хитроумных торговцев, мудрых ученых и набожных паломников — те го-

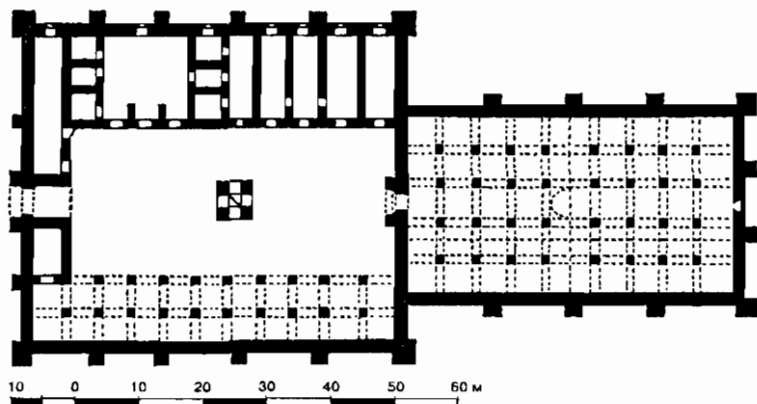

Рис. 8. План Султан-хана на дороге Конья—Аксарай, 1229 г.

ворили так интересно и складно, что немудреные гостиницы превращались в настоящие «университеты для бедных».

Для процветания торговли было необходимо, чтобы дороги стали безопасными. С этой целью ханам, располагавшимся в наиболее опасных местах, придавались воинские гарнизоны и арсеналы оружия. В XIII веке путешествовавшие по полной опасностей дороге в Эрзурум должны были с каждого вьючного животного платить особый налог, а собранные деньги шли на патрулирование дороги.

ТОРГОВЛЯ

В основном торговля была транзитной. Сначала она сосредоточивалась главным образом в Конье, Сивасе и Кайсери. Греческие и армянские купцы торговали здесь коврами — дело в том, что в XII веке сельджуки проявляли интерес только к торговле лошадьми и скотом. Однако столетие спустя итальянцы обнаружили, что большие доходы может приносить транзитная торговля, и, не теряя времени, венецианский подеста в Констан-

тинополе попросил Гияс ад-дина предоставить его соотечественникам торговые привилегии. Султан всеми силами стремился к расширению торговли, поэтому не возражал против венецианского присутствия в своих владениях. Его сын и преемник Изз ад-дин Кейкавус I разделял точку зрения отца, и, поскольку оба правителя были весьма довольны результатами первой, имевшей скорее пробный характер концессии, в 1220 году подеста Джакобо Тьеполо смог подписать с Кейкубадом I торговое соглашение по целому кругу вопросов. В соответствии с положениями данного договора венецианцы получили право беспошлинного провоза драгоценных камней, жемчуга, золотых и серебряных слитков, а также монет; при этом со всех грузов взималась пошлина в размере 2,5 процента. Стороны договорились о взаимных мерах безопасности, а один из пунктов соглашения касался утраты груза в море. В конце концов была определена процедура наказания не соблюдающих соглашение, причем споры между венецианцами и другими латинянами, например из Пизы или Прованса, должен был разрешать венецианский суд, а споры между сельджуками и франками и дела об убийствах и кражах оставались в ведении суда Сельджукидов.

Покорение латинянами Константинополя привело к увеличению числа западных торговцев, отправляющихся искать счастья в Леванте, в результате чего значительная часть торговли, до того находившаяся в руках греков, перешла к венецианцам. Очень заметно вырос объем перевозимых грузов, причем торговля уже носила главным образом характер транзитной — дело в том, что сельджуки стали сами заниматься экспортом и импортом. Большая часть этой торговли была сосредоточена в Сивасе, где поселилась основная масса торговцев-сельджуков, занимавшихся покупкой и продажей, а также оказанием посреднических услуг, поскольку купцы из Сирии и Ирака (особенно из Мосула) взяли себе за правило привозить товары в Сивас и передавать их там своим торговым представителям-сельджукам. В обязанность последних входило формирование караванов

для отправки в Синоп или Трапезунд, откуда по морю товары доставлялись в порты восточного и южного побережья Черного моря.

Торговля с Трапезундом имела особую важность: она позволяла поддерживать регулярные связи с городом Ператией (Херсонесом). В Сивасе пошлина взималась со всех привозимых на побережье товаров, и, хотя правитель Трапезундской империи, грек по национальности, получал свою долю от всех провозимых по его территории товаров, именно сельджуки контролировали порт Синоп и вели через крымский порт Судак, или Согдайю (Сугдайю), оживленную торговлю с кипчаками южнорусских степей и с русскими и татарскими купцами. Судак служил своего рода местом встречи всех турецких торговцев, едущих на Русь и из нее и везущих «богатые и дорогие меха, в том числе шкурки горностая и «седые» меха, а также хлопчатобумажные ткани, шелк, синюю краску и специи». Иногда сирийские или иракские торговцы предпочитали лично сопровождать товары до места назначения, а не передавать их посреднику. В таком случае купец с рулонами шелковых и хлопковых тканей и тюками специй ехал до Синопа, а оттуда морем добирался до Судака. Несмотря на то что он путешествовал на собственном судне и вез принадлежавшие лично ему товары, он не освобождался от обязанности вернуться в Синоп с полным кораблем рабов и мехов, ибо султан считал эти товары самым ценным импортом. Поэтому нападение Кейкубада I на Судак в 1222 году вполне могло быть спровоцировано нанесением ущерба какому-нибудь грузу или торговой экспедиции.

Хотя Синоп имел огромное значение для торговли Сельджукидов, в XIII веке очень важную роль, сравнимую с основными торговыми городами Леванта, играл совсем не прибрежный Сивас. В XIV веке он по-прежнему сохранял ведущие позиции, и флорентийский дипломат Балдон счел нужным включить в составленный им для итальянских купцов торговый справочник «La Practica Della Mercature» сравнительную таблицу мер и

весов, используемых в Сивасе, Лаяццо, на Кипре и в Акре. Монгольское завоевание Рума не помешало торговле, она продолжала процветать, и в 1276 году генуэзцы приняли решение открыть в Сивасе консульство и наладить дипломатические связи с монголами. Ко второй четверти XIII века сельджуков уже можно было назвать экспортирующей нацией, но их импорт, как и прежде, во много раз превышал объемы отправляемых за границу товаров. Перечень статей импорта дает представление об уровне жизни сельджуков. Наибольшей у них была потребность в таких египетских товарах, как специи, сахар, оружие и хлопок, хотя в Хаме и Алеппо производились самые лучшие хлопковые ткани; некоторое количество хлопка очень низкого качества привозилось из Малой Армении. Из Багдада поступали тонкие и легкие шерстяные ткани, которые использовались исключительно для тюрбанов султана и его министра государственных дел, а также некоторые виды высококачественного шелка для их халатов. Наряду с этими товарами везли мускус, алоэ и амбру. Из Китая привозили самый дорогой и высококачественный шелк, из Персии, а именно из Шираза, и из Среднеазиатского Междуречья шли караваны с коврами ручной работы. Многие столь любимые султаном и его придворными драгоценные камни поступали из Средней Азии, а из Грузии гнали табуны чистокровных лошадей. Леса Восточной Европы были практически неисчерпаемым источником мехов, а на все невольничьи рынки султанта постоянно поступали рабы с Кавказа, которых турки ценили значительно выше прочих и часто брали в качестве личных слуг.

СУДОХОДСТВО

Даже когда сельджуки стали хозяевами Анталы, все судоходство по-прежнему оставалось в руках провансальцев и генуэзцев, контролировавших соответственно торговлю Кипра и Египта. Захват Анталы в 1207 году

стал для сельджуков крупной победой. Через короткое время в казну хлынули такие большие деньги от взимаемых в этом порту налогов, что султан принял решение заполучить еще один портовый город на этом же побережье. Однако это было суждено сделать только в 1220 году его брату Кейкубаду, который взял Канделор, или Сканделор, как он тогда назывался. В этом порту гавань была даже удобнее, чем в Анталье. Султан переименовал город в свою честь, дав ему имя Алайе, и начал постепенно превращать его в базу военно-морского флота: в добавление к существовавшим там портовым сооружениям он выстроил арсенал и секретный док (рис. 9). Эти нововведения не препятствовали роли Алайе как центра торговой деятельности — наоборот, они способствовали ее расширению. Рост торговли вызвал приток в город населения разных национальностей: сарацинов, греков и евреев; каждая из общин обосновалась в отдельном квартале. Очень скоро их примеру последовали торговцы-латиняне, тоже поселившиеся в особом квартале. Последние специализировались на импорте тканей из Шалона, Нарбона и Перпиньяна, сотканных в Лом-

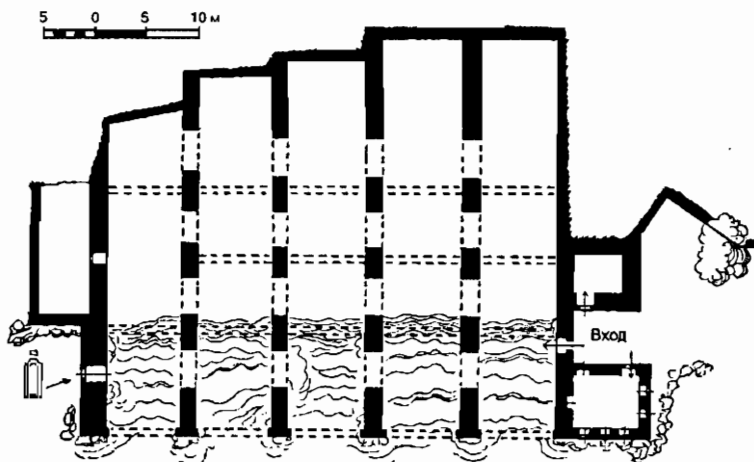

Рис. 9. Терсан, то есть док, Алайе, 1228 г.

бардии шелков и золотых нитей для вышивания с Кипра. Самой большой общиной европейцев была флорентийская. Все торговцы, независимо от национальности, должны были платить сельджукам двухпроцентный налог со всех своих грузов. Торговцы могли позволить себе такие расходы, ведь путь через Средиземное море стал настолько безопасным, что их потери в море были совсем несущественными.

ПИРАТЫ

Черное море, в отличие от Средиземного, просто кишело пиратами. Ко второй половине XIII века путь в Синоп был полон опасностей. Сам порт стал наследным владением сыновей перване Муин ад-дина, использовавших его в качестве базы для грабительских атак на торговые суда. В 1279 году в наказание за разбойные пиратские нападения командами двух генуэзских судов был схвачен и отвезен в Италию не кто иной, как племянник перване. Его удерживали в плену до тех пор, пока за его освобождение не был заплачен крупный выкуп. В 1313 году люди некоего Гази Челеби, правителя Синопа и Кастамону, являвшегося то ли каким-то потомком перване, то ли, что тоже не исключено, даже сыном султана Масуда II, ухитрились потопить несколько генуэзских кораблей, стоявших на якоре в Синопе, поднырнув под днища и проделав в них отверстия.

РЫНКИ

Хорошее обустройство рынков тоже способствовало развитию торговли. Рынки существовали во всех крупных городах, и на каждом товарам одной группы отводилась определенная часть. Даже во второстепенных городах вроде Эрзинкана были сооружены настолько большие и удобные рынки, что они вызывали восхищение даже такого много повидавшего путешественника,

как Ибн Батута. Едва ли покажется удивительным, что с расширением торговли султан и его приближенные смогли позволить себе не только удовлетворять свою потребность в роскоши, но и делать такие щедрые пожертвования общественным учреждениям, что память об этих людях сохранилась до наших дней. Некоторые настолько разбогатели, что Кейхусров II, не раздумывая, выложил 180 тысяч дирхемов за один-единственный рубин, а генуэзский торговец Симон Леркани в 1224 году счел необходимым взять с собой в поездку из Алаи в Сивас 600 дирхемов.

НАЛОГИ

Большинство населения было обязано платить налоги. Горожане платили налоги представителям гражданской власти, владельцы военных наделов — своим начальникам, те, кто проживал на землях, принадлежавших вакфу, то есть религиозной организации, — представителям этого органа, землевладельцы отправляли выплаты в министерство финансов. Налогами облагались домашний скот и птица, урожаи зерна. Платили налог неженатые мужчины. Однако все религиозные учреждения, независимо от вероисповедания, были освобождены от налогов.

КРЕСТЬЯНСТВО

К сожалению, процветание не было всеобщим. Самым бедным было население отдаленных районов, где многие крестьяне жили в крайней нищете, и вовсе не по своей вине, — доказательством трудолюбия этих людей служили сады, широким кольцом окружавшие Конью и простиравшиеся далеко в бесплодные прежде степи Анатолийской равнины. Крайняя нужда, в которой многие из них жили, была следствием уничтожения их посевов и оросительных каналов войсками, практи-

чески ежегодно проходившими по их тщательно возделанным полям. Даже византийцы поняли, что, несмотря на возможность ведения сельского хозяйства в районах вблизи поля боя, пусть не всегда эффективного, обрабатывать землю и выращивать хорошие урожаи в тех местах, через которые проходит армия, невозможно. Собственно говоря, в Малой Азии уровень жизни сельского населения резко снизился еще за несколько лет до покорения этого региона Сельджукидами.

В XIII веке обнищавшее крестьянство Анатолии стало благодатной почвой, на которую упали зерна проповедей многочисленных монахов различных нищенствующих орденов, бежавших в Малую Азию от монгольского нашествия. Дервиши из Хорасана распространяли учение исмаилитов, за ними появились нищие пилигримы из далеких Ардебиля, Багдада и Сирии, с их приходом в народе появилось скрытое недовольство своим положением; святые странники из Средней Азии способствовали усилению этого недовольства, подстрекая крестьян бросать свои земли и искать лучшей доли в более безопасных местах на западе. В 1239/40 году сирийский дервиш из Урфы (некоторые называли его Баба Ильяс, другие — Баба Ишак) поселился в пещере над Амасьей и объявил себя пророком. Мнимая святость привлекла к нему целую армию последователей-тюрок; вдохновляемые дервишем, они призвали народ Малатьи поднять восстание и выступить на запад. Беспорядки быстро распространились и охватили Сивас, Токат и Аксарай; чтобы усмирить их, Кейхусрову II пришлось высылать войска, однако до тех пор, пока не подошло подкрепление из далекого Эрзурума, порядок восстановить не удавалось. С прибытием свежих сил военные усмирили бунтовщиков и схватили их лидера. С Баба Ишаком и его подручными обошлись очень жестоко: в 1241 году их подвергли пыткам огнем и затем повесили. У их сторонников конфисковали собственность, и те были вынуждены безропотно наблюдать за тем, как ее делят между солдатами и благотворительными организациями, находившимися под патронатом султана.

ЧЕКАНКА ДЕНЕГ

Официальной валютой Икония был дирхем. Обычно на нем было отчеканено имя правившего в данный момент султана, хотя некоторые высокородные претенденты на трон умудрялись чеканить монеты со своими именами (фото 79, 80). Огромное количество монет Сельджукидов в кладах, которые до сих пор находят даже в таких отдаленных местах, как Кавказ, свидетельствуют об их широком хождении. Самые первые монеты были отчеканены внуками Сельджука в Нишапуре и Мерве, и образцом для их рисунка стали монеты Аббасидов. Позже Великие Сельджуки добавили к нему небольшой орнамент, в котором явно чувствовалась их любовь к арабескам, а правители Рума оказались посмелее. Хотя большинство из них предпочитали ограничиваться лишь надписями, на монетах нескольких султанов были отчеканены изображения людей и предметов. Так, Рукн ад-дин Сулейман-шах, возможно, под влиянием хорезмских, сасанидских или даже византийских образцов на аверсе своей монеты изобразил фигуру всадника, держащего у плеча меч, рядом с его окруженной ореолом головой находится звезда.

Помимо желания воздать почести супруге у Кейхусрова II были, наверное, и другие причины, руководствуясь которыми он отдал приказ выбить на монетах изображения солнца и льва. Солнце и лев издавна воспринимались как символы суверенитета; Фирдоуси в прологе к «Шахнаме» сравнивал царя, готовившегося вступить в бой, с «солнцеликим львом». Крест также часто встречается на монетах Сельджукидов, особенно Кейхусрова II. Большинство монет чеканилось в Конье, Сивасе и Эрзинкане, но были и короткие периоды, когда некоторые султаны чеканили монеты в Анкаре, Байбурте и Эрзуруме. Самые высококачественные медные монеты относятся главным образом к периоду правления Рукн ад-дина Сулейман-шаха, а самые лучшие серебряные — к правлению Кылыч Арслана II. Золотые монеты первым начал выпускать Ала ад-дин Кейку-

бад I; к этому времени в султанате в качестве законного платежного средства также находились в обращении деньги, которые чеканили халиф Багдада, Фатимиды и беки Алеппо. Равное с ними хождение имел также итальянский флорин.

НАСЕЛЕНИЕ

Практически невозможно точно определить, сколько людей жило в Малой Азии в XII и XIII веках при Сельджукидах. Дело в том, что единственную перепись населения этого региона провели монголы с целью создания универсальной системы налогообложения, но к этому времени ситуация в стране изменилась настолько, что полученные результаты могут дать лишь весьма приблизительное представление о численности населения в период расцвета империи Сельджукидов. У Малик-шаха в Персии в момент его прихода к власти была армия, состоявшая из 400 тысяч воинов, он сократил ее до 70 тысяч; султаны Рума могли собирать многочисленные армии, но определить численность огузов, туркмен и наемников других национальностей на настоящий момент не представляется возможным. Нельзя назвать и точную дату, когда султаны впервые стали требовать от своих вассалов предоставлять в их армии обученных воинов. Считается, что к XIII веку в таких городах, как Конья, Сивас и Кайсери, жило по 100 тысяч человек, однако и эта цифра неточна, поскольку невозможно определить численность греков и армян, решивших не покидать свои дома в то время, когда шла волна завоеваний Сельджукидов, а также сказать, сколько евреев и сарацинов нашли себе занятие в этих городах в период, когда в них вернулось процветание. Гильдии ремесленников состояли из представителей разных национальностей и вероисповеданий, но все они должны были подчиняться власти мусульман. Создается впечатление, что сельджуки не были доминирующей по численности группой населения, и тот факт, что они испытывали

значительные трудности в осуществлении контроля над кочевниками, похоже, подтверждает это предположение. Скорее всего, они занимали руководящие посты в армии и административных органах и оказывали влияние на жизнь страны с помощью этих рычагов, а не посредством простого численного превосходства.

РЕЛИГИЯ

Правители сельджуков, заботившиеся о материальном и физическом благополучии народа, также понимали важность духовной стороны его жизни. Та страстность, с которой сельджуки приняли ислам, сохранялась на протяжении веков. Преданность этой религии, в частности, выражалась в том, что каждое из длинного ряда поколений выполняло взятое ими самими добровольное обязательство защищать законного халифа и устои веры. Именно поэтому сельджуки считали возведение великолепных мечетей и огромных религиозных учебных заведений исключительно важной задачей (рис. 10, 11). Смирение было добродетелью, к которой стремились даже султаны, о чем наглядно свидетельствует надпись на внешней стороне двери мавзолея Кейкавуса I в Сивасе. «Здесь лежат многие правители, которые с вершины своего могущества пускали стрелы, достигавшие Плеяд, и щекотали Небесных Близнецов кончиками копий. Так посмотрите, как рука смерти, подобно тому, что она сделала с дочерьми Большой Медведицы, сломала их стрелы и вдребезги разбила наконечники их копий».

Переезд в Конью штаб-квартиры ордена дервишей маулавийа (мевлеви) способствовал поддержанию глубокой преданности исламу, которому угрожало спровоцированное монгольским нашествием появление агностицизма. Веру в устои мусульманства помогло укрепить и использование в созданных в этот период великих трудах мистиков родного тюркского языка вместо литературных персидского или арабского. Все это произошло

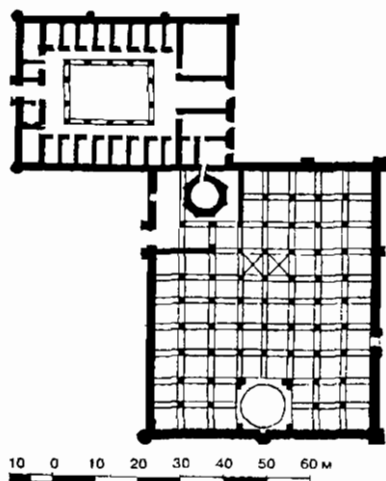

Рис. 10. План комплекса Мафери-хатун в Кайсери, 1237/38 г.: мечеть, мавзолей и медресе; бани до наших дней не сохранились

спокойно, без каких бы то ни было выступлений религиозных фанатиков против христиан и евреев. Врачам-евреям, равно как и ученым грекам и армянам, по-прежнему оказывали радушный прием при дворе; точно так же принимали там исламских мудрецов и поэтов. Великодушные Саладина и интеллектуальные устремления Фредерика II Гогенштауфена благотворно влияли на

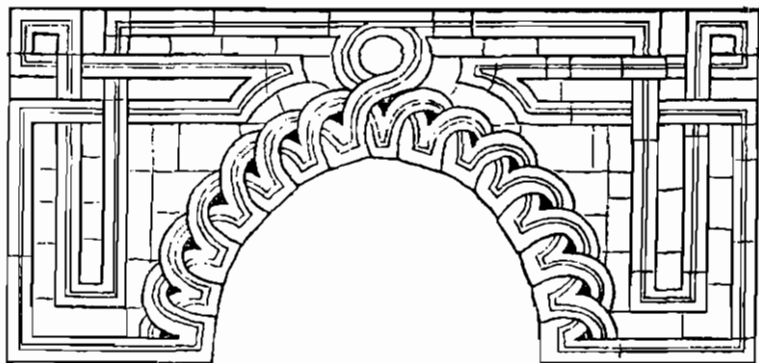

Рис. 11. Мраморная перемычка над проемом с внешней стены мечети Ала ад-дина в Конье, 1219/20 г.

формирование взглядов правителей-Сельджукидов. Несмотря на то что по складу характера они были скорее лишены воображения, чем имели его, а также на то, что они придерживались довольно пуританских взглядов, они были отзывчивыми на доступную глазу красоту вещей и на точки зрения, отличающиеся от их собственных. Они с готовностью воспринимали новые формы и идеи и, как правило, пытались перенять чужие обычаи, недолго раздумывая над тем, не вступают ли те в противоречие с основными догматами их собственной религии.

Проникновением новых идей сельджуки вполне могли быть обязаны грекам и армянам, которые хотя после прихода сельджуков к власти и приняли ислам ради того, чтобы сохранить принадлежащее им имущество, тем не менее продолжали придерживаться определенных христианских обычаев. Причем они выполняли их настолько ревностно, что эти обычаи в конце концов постепенно были переняты сельджуками. Учитывая то, что на восток от султаната находилось христианское государство Малая Армения, что на западных границах империи Сельджукидов жили греки и крестоносцы, а также то, что в ней самой проживало множество христиан, действительно было бы удивительно, если бы сельджуки вообще не поддались влиянию христианства.

В отдельные периоды результаты этого влияния чувствовались особенно сильно. Например, так было во второй половине XIII века, когда у патриарха Анфима даже сложилось впечатление, что Кейкавус II тайно перешел в христианскую веру и что такие же новообращенные появились среди членов сект исмаилитов и бекташей. В Алеппо известный своим благочестием Нур ад-дин Сенги часто выражал опасения по поводу ортодоксальности сельджуков Малой Азии, их разделяли и другие религиозные деятели ислама. Султанов позднего периода существования империи Сельджукидов часто обвиняли в чрезмерной любви к христианам. В одном случае главный кади даже осмелился бросить в

лицо Гияс ад-дину Кейхусрову обвинение в свободомыслии и преклонении перед византийским образом жизни. Разъяренный султан ударил министра и случайно убил его. Вскоре после смерти кади случилась засуха, и народ воспринял ее как знак того, что Аллах наказал султана за проявление гнева; тем не менее Гияс ад-дин не стал публично каяться в содеянном. Однако, какие бы ни существовали в Конье настроения в те или иные времена, в своей основе взгляды этого общества всегда были истинно тюркскими, а образ мышления подлинно исламским; в этом смысле общество Коньи никогда не шло вразрез с настроениями народа.

Глава 4

РЕЛИГИОЗНАЯ И СВЕТСКАЯ МЫСЛЬ И ЛИТЕРАТУРА

Не жил тот, кто не посвятил
свою жизнь познанию.

Высказывание пророка Мухаммада

Уже на сравнительно раннем этапе их истории арабские мыслители попали под влияние работ великих мыслителей Индии и Древней Греции. Именно благодаря этим ранним философам у арабов появились две философские школы — одна более активная, другая созерцательная. Сторонники первой были известны под именем Странников; на развитие культуры Сельджукидов особого влияния они не оказали. Второй школе, Созерцателям, наоборот, было суждено сыграть значительную роль в формировании мировоззрения тюрок, ведь взгляды представлявших эту школу мыслителей переняли многие ученые-метафизики и мистики, создавшие крупные философские произведения в период правления Сельджукидов. Влияние Созерцателей было особенно сильным в X веке при Аббасидах, когда стали известны труды Аристотеля, покорившие хитроумных арабов своей утонченной логикой. Именно благодаря его сочинениям появилась такая форма диспутов на религиозные темы, как калам. Аргументы, приводимые в каламе, должны были быть в духе Аристотеля, то есть философскими по сути и диалектическими по форме; однако это, что вполне естественно, делало их неприемлемыми для мистиков, которым больше импонировало эмоциональное обсуждение высокодуховных доктрин.

В поисках принципа аскетизма мистики познакомились с одной из женщин, чье учение, казалось, выражало идею, лежавшую в основе их собственного мировоззрения. Она проповедовала, что Бог есть любовь, и призывала своих многочисленных последователей к обретению особой духовности¹. Ее идеи показались им настолько привлекательными, что, демонстрируя свою поддержку, они стали носить простые одежды из грубой шерстяной ткани, известные под названием «суф». Позже людей, одетых таким образом, стали называть суфиями, а суф вскоре стал признаком, объединившим его обладателей в братство, довольно быстро фактически превратившееся в секту.

«Шахнаме» Фирдоуси проникнута мистицизмом, являющимся неотъемлемой составной частью мировоззрения суфиев; суфизм нашел отражение не столько в повестях, образующих основу книги, сколько в разбросанных по тексту разнообразных максимах и высказываниях на темы морали и этики. Эти афоризмы составляют определенную философскую доктрину и этический кодекс, ведь цель каждого высказывания заключается в том, чтобы укрепить веру в присутствие Бога повсюду, доказать, что его сущность растворена в видимом и невидимом мирах и что человеческой душе следует постоянно стремиться достичь единения с ним, поскольку только после достижения этого единения душа может наконец получить вечное спокойствие. В «Шахнаме» эта идея наиболее ясно отражена в главах, посвященных великому султану Кейхусрову, который, находясь на вершине власти и славы, с отвращением отказался от тщеты земного величия и круто изменил свою жизнь. Вполне возможно, что именно этот рассказ, всегда глубоко трогавший душу мусульман, подтолкнул Кылыч Арслана II к мысли об отречении от трона в пользу сыновей.

¹ Родиной первых мусульманских мистиков — суфиев — были области до того буддийской части Ирана, прежде всего Балх. Движение возникает в конце VIII в.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ СЕВЕРА

Если одним из основных источников, питавших философскую мысль, был Багдад, то литература и науки — математика, медицина, география и история — развивались в это время главным образом в Средней Азии, междуречье Амударьи и Сырдарьи и Хорасане. Все эти регионы, вместе взятые, и сформировали единое культурное пространство. Когда Бухара была столицей Саманидов, она являлась одним из ведущих центров образования Востока. Возможно, не последнюю роль в этом сыграло то, что в Бухаре сходились связывавшие Восток и Запад караванные пути, посредством которых в город попадало все лучшее и передовое, накопленное учеными Китая и классического мира, дававшее стимул для развития творческого мышления этого региона. В библиотеке империи Саманидов было такое количество разнообразных книг, что даже Авиценна¹ (980—1037) смог найти в ней все труды, необходимые для его собственных исследований. Но через короткое время таким же важным и привлекательным для ученых центром стала столица хорезмшахов Хива. Вскоре после этого почти такого же расцвета достигла и интеллектуальная жизнь Балха и Мерва.

Поразительно много талантливых и образованных людей жило в этих далеких городах в X и XI веках. Удивляет и тот факт, что среди тех, кто внес большой вклад в возрождение великой персидской литературы, был высокий процент уроженцев Средней Азии. Известный своей красотой Мерв, подобно магниту, притягивал поэтов, писателей и ученых. Именно там поэт Абу-л-Хасан Шахид, кстати родившийся в Балхе, создал первый диван — собрание лирической поэзии; очень быстро диван стал характерной литературной формой персидской литературы.

¹ Такова латинская передача имени Абу Али ибн Сины — одного из крупнейших ученых мусульманского мира, авторитет которого был признан средневековой Европой.

Высокородные отпрыски дома Саманидов традиционно покровительствовали литературе, науке и искусству. Подобно своим предкам, Нух II поощрял искусства, именно он был первым, кто заказал перевод на персидский язык пехлевитской¹ «Книги владык». Осуществление этой задачи он поручил придворному поэту, однако не успел тот как следует поработать над рукописью, как высокий покровитель по какой-то причине разгневался на несчастного и приказал его казнить.

Султан ненадолго пережил поэта — вскоре и он сам, и его домочадцы были убиты основателем царского дома Газневидов. Несмотря на то что основное время этот новый победитель должен был уделять решению политических и административных вопросов, он проявил интерес и к задаче, поставленной последним султаном-Саманидом перед придворным поэтом. Правитель-огуз часто говорил о необходимости возобновления работы над переводом, однако осуществить задуманное удалось только его преемнику Махмуду (997—1036). К работе он привлек уроженца Туса, самого известного персидского поэта той эпохи несравненного Фирдоуси. Он и создал великолепное эпическое произведение, которому было суждено затмить собой пехлевийский оригинал. Книга, получившая название «Шахнаме», приобрела в Персии огромную популярность; большое влияние она оказала на сельджуков Малой Азии: она пробудила у них любовь к истории и помогала им в понимании исторических событий, она дала им образец, на который они могли равняться, и стала стимулом для развития присущего им от рождения чувства национального единства. Книгу любила вся правящая династия Рума, к ней обращались султаны при необходимости выбрать тот или иной титул, а некоторые даже приказывали цитаты из «Шахнаме» писать на стенах Коньи и Сиваса, где все же

¹ П е х л е в и — литературный язык Сасанидского Ирана (III—VII вв.).

лающие могли их прочесть и поразмышлять над их смыслом¹.

При дворе Газневидов Фирдоуси провел тридцать пять лет, однако, оставив двор, он счел, что не получил должного вознаграждения за свою службу, и написал острую сатиру на бывшего патрона-тирана. Как бы там ни было, с помощью этого произведения ему удалось создать отрицательный образ Махмуда не только в глазах его современников, но в глазах следующих поколений. По примеру Фирдоуси в XII веке ученый Анвари из Туса отомстил султану Санджару за проявленную по отношению к нему подлость, написав язвительные стихи о своем хозяине. Стихи передавали из рук в руки, они имели невероятный успех, в конце концов попали к самаркандскому поэту Сузани. Они произвели на него настолько глубокое впечатление, что тот решил сам попробовать писать комические стихи. Сузани весьма преуспел в этом и одновременно сам стал источником вдохновения для целого ряда поэтов Северной Персии и Среднеазиатского Междуречья. Лучшие их произведения имели форму пародий или юмористических моралей. Венцом творчества поэтов — сатириков и юмористов тех времен стали отличающиеся характерным тюркским стилем произведения деятелей литературы далекой Анатолии, самое известное из них — это «Повести о Ходже Насреддине». В Турции они по-прежнему столь же популярны, как и тогда, когда миссис Эвинг опубликовала самые невинные из них на радость детям викторианской Англии.

Интеллектуальная активность, которая воспринималась при дворах Саманидов, Газневидов и хорезмшахов почти как должное, судя по всему, производила сильное впечатление на сельджуков начиная с того момента, как они поселились в низовьях Амударьи и наладили регулярные контакты с этими высококультурными правителями. Не стоит думать, что все сельджуки тех

¹ Именно к персонажам эпоса «Шахнаме» восходят имена сельджукских правителей Кейхусрова, Кейкубада и Кейкавуса.

времен были неграмотными. Некоторые считают, что ни Алп Арслан, ни Санджар не умели читать (нам это представляется в высшей степени сомнительным), однако если так оно и было на самом деле, то есть доказательства существования прослойки образованных сельджуков даже на ранних этапах истории. В Центральной Азии для записей разного рода уже в VI веке, а может, и раньше, пользовались тюркским языком; в любом случае к этому времени некоторые племена огузов уже имели специальных писцов, которые писали на родном языке. При необходимости орхонский иль-каган (верховный правитель) и даже некоторые ханы (племенные вожди) могли вызвать одного или нескольких писцов, хорошо знавших персидский, арабский¹ и свой родной язык. Здесь следует заметить, что число обладавших такими навыками людей, вероятно, значительно варьировало в зависимости от того или иного исторического периода и племени.

ОРХОНСКИЕ ПИСЬМЕНА

Самые ранние известные нам письменные образцы тюркского языка — это надписи, причем многие из них политического характера, на погребальных сооружениях, относящихся к правившей в долине реки Орхон в Монголии примерно с VI по VIII век династии Кюльтегина и Бильге-кагана². Несмотря на то что эти письмена были найдены в начале XVIII века, их расшифровали только полтора столетия спустя, когда профессор Вильгельм Томсен из Копенгагена понял, что некоторые буквы из надписей очень похожи на арамейские. В

¹ О значении арабского языка для тюркских народов, как и большинства народов, живших за пределами Аравии, для VI в. говорить, конечно, не приходится. Распространение арабской культуры связано с мусульманскими завоеваниями VII в.

² Орхонские надписи принадлежат к VIII в., хотя письмо этого типа, вероятно, существовало у тюркских народов и ранее. От VI до VIII в. государственной письменностью тюркских каганатов в Средней и Центральной Азии было согдийское письмо.

результате исследований он сделал вывод о том, что орхонский алфавит в определенной степени представляет собой один из вариантов согдийского, то есть восточноперсидского письма — в том виде, в каком он существовал в начале нашей эры, когда Бухара и Самарканд входили в состав Согдийского царства¹. Томсен также обнаружил, что в основе тюркского языка этих надписей уже тогда лежал принцип звуковой гармонии — тот самый, который лежит в основе современных тюркских языков. Есть основания полагать, что в ранний период сельджуки помнили и продолжали читать эпические поэмы и распевать песни, пользовавшиеся у их предков огромной популярностью, — и это несмотря на то, что с принятием ислама и переселением в Персию свою литературу они в основном утратили. Примерно в это время они перешли на арабское письмо и начали его использовать для государственных документов и официальной переписки, а также для религиозных книг и надписей, украшавших фасады зданий. Тем не менее именно культура и литература Персии оказали основное влияние на их образ жизни, мышления и вкусы, а также на значительную часть созданных ими литературных произведений.

НИЗАМ АЛ-МУЛЬК

В XI веке основное влияние на формирование взглядов Сельджукидов оказывал Низам ал-Мульк. Визирь был одновременно и выдающимся государственным деятелем, и одаренным писателем. Он родился в Тусе в 1019 году; в 42 года Алп Арслан сделал его визирем. Благодаря тому, что ал-Мульк отдавал предпочтение персидскому языку, последний стал значительно шире использоваться в официальной переписке; Низам прибегал к персидскому и при общении с сельджуками

¹ Ныне установлен самобытный характер орхонского и других подобных тюркских алфавитов древности и раннего Средневековья.

Рума, и при написании книг. Самый важный из его трудов — это трактат об управлении, который он подготовил для своего ученика, будущего султана Малик-шаха. В нем советы практического плана он чередовал с глубокими размышлениями о характере и сущности управления.

Не довольствуясь тем, что он сам был писателем, Низам задался целью привлечь ко двору суверена выдающихся мастеров литературы. Первым среди них был Омар Хайям — на Западе его знают главным образом как автора завоевавших всемирную славу четверостиший, опубликованных по-английски в прекрасном переводе Фитцджеральда. Несмотря на все достоинства его стихов, современники Хайяма считали их чуть ли не милым чудачеством гения, желавшего позабавить друзей. В век, когда особое значение придавалось математике, и не только потому, что она считалась начальной ступенькой в мир оккультных знаний, Хайям стоял в одном ряду с первыми математиками тех дней. Именно в этом качестве Низам ал-Мульк привел его ко двору Алп Арслана, где Хайям получил в свое распоряжение оснащенную современным оборудованием обсерваторию. Выполненные там вычисления и наблюдения дали поэту возможность внести значительные изменения в существовавший тогда календарь; созданным им календарем стали пользоваться с наступлением в Персии нового, 1079 года; в настоящее время он известен под названием календаря Сельджукидов.

Интересы Низама ал-Мулька выходили далеко за пределы дворца его суверена: он хотел повысить уровень образованности народа всей империи, для чего старался всячески убедить людей, обладавших необходимыми знаниями, начать преподавать юриспруденцию и теологию. Он призывал их к этому во многих публичных выступлениях, пытался привлечь их, повысив жалованье учителям, открывая специально для них библиотеки и осыпая их наградами. В итоге ему удалось убедить самых выдающихся людей того времени посвя-

тить себя профессии учителя. Затем, желая сделать изучение наук более доступным, он начал реорганизовывать образовательные учреждения: многие религиозные семинарии, бывшие до того момента единственными учебными заведениями в империи, он преобразовал в государственные школы, в которых стали изучать широкий круг предметов. Затем он добился, чтобы работавшим там преподавателям платили жалованье в соответствии с фиксированной шкалой, а также того, чтобы нуждающимся студентам выделяли государственные субсидии. Наконец, он построил в Багдаде университет. В его честь он был назван Низамийя. Визирь смог уговорить ведущих ученых исламского мира, в том числе прекрасно образованного и благочестивого Абу Хамида Мухаммада ал-Газали, преподавать в этом университете. Хотя идея создания медресе или университета могла зародиться в Индии, где у буддистов издавна существовали фактически приравнивавшиеся к университету школы теологии, на Низама, вероятно, оказал влияние пример Средней Азии или Хорасана, где такие же образовательные учреждения, правда в меньшем количестве, существовали с начала X века.

Однако ал-Газали не столько интересовало преподавание, сколько он желал положить конец практике калама, который вновь приобрел огромную популярность у теологов и интеллектуалов Багдада. Он не одобрял калама, поскольку был глубоко убежден, что путем одних лишь умозаключений и логических выводов невозможно добраться до истины и что единственный путь к истине — это абсолютная вера в Бога. В этом смысле его взгляды сближались с учением мистиков. Вскоре этот очень искренний и верующий человек почувствовал себя обязанным оставить работу преподавателя в Низамийе и стать аскетом, с тем чтобы он, по его собственному выражению, мог «и жить согласно требованиям религии, и проповедовать». Многие из его бывших учеников и прихожан последовали его примеру и стали суфиями, таким образом значительно повысив авторитет этого движения.

ДЖАЛАЛ АД-ДИН АЛ-РУМИ

И все-таки Багдад так и не стал духовной обителью суфизма, не стала ею и Персия, откуда родом были многие выдающиеся представители этого движения. Его философия окончательно оформилась, а литература достигла своего расцвета в Конье, под руководством самого великого из всех суфиев Джалал ад-дина ал-Руми, основателя маулавийа (мевлеви) — ордена танцующих дервишей. По национальности Джалал ад-дин был персом, он родился в Балхе в 1207 году. Его отец Баха ад-дин Валад принадлежал к богатому и древнему роду, ведущему происхождение от халифа Абу Бакра и связанному родственными узами с Ала ад-дином ибн Тукушем (1190—1220) через дочь последнего Малику ибн Джахан. Учитывая родственные связи, Баха ад-дин мог бы получить место при дворе, но любовь к независимости, столь характерная для персов северо-восточных регионов страны, была у молодого человека так сильна, что он предпочел посвятить себя изучению медицины и стать врачом в родном городе. Благодаря своим профессиональным качествам он быстро прославился, а присущая ему доброта завоевала любовь народа. Слава о Баха ад-дине вышла далеко за стены Балха и вскоре достигла двора, возбудив зависть и враждебность сильных мира сего. К 1212 году положение врача стало настолько опасным, что он решил бежать из родной страны. Забрав семью, он искал убежища сначала в Малатье, а потом в Эрзинкане. В Руме повсюду, куда бы Баха ад-дин ни поехал, он встречал теплый прием; тогда никто не задумывался о том, что это может не понравиться могущественному правителю Хорезма и высшим духовным чинам, многие из которых не разделяли взглядов врача. Сам Баха ад-дин был ошеломлен тем, как радушно его принимали и частные лица, и народ в целом. Через несколько месяцев он был назначен ректором университета Ларенды (Карамана).

Примерно в то время, когда Баха ад-дин приступил к выполнению новых обязанностей, его юного сына

Джалал ад-дина стали одолевать видения, он часто впадал в состояние транса. К тому моменту уже ярко проявилась интеллектуальная одаренность мальчика, а его восприимчивость и впечатлительность были такими острыми, что отец решил сам заняться образованием сына. Всего через несколько лет после переезда семьи в Ларенду рассказы о выдающихся способностях и отца и сына дошли до правившего в Конье султана. Ала ад-дин Кейкубад I вскоре пригласил семейство в столицу, куда оно затем и перебралось. Там юный Джалал ад-дин, добродетельный и образованный, заслужил всеобщее уважение. Позднее все одобрили и его выбор невесты — в 1226 году он женился на Чанхар-хатун, дочери Лала Шараф ад-дина из Самарканда — благодаря этому укрепились связи семьи со Средней Азией.

В 1231 году Баха ад-дин Валад скончался в Конье; его смерть оставила Джалал ад-дина глубоко несчастным. Стараясь преодолеть депрессию, молодой человек отправился в Алеппо и Дамаск, чтобы продолжить обучение наукам в этих признанных центрах образования. И все же, как ни старался он сосредоточить внимание на работе, так и не смог успокоить свою мятущуюся душу и страстно желал достичь духовного просветления. Он вернулся в Конью, где его сразу же назначили преподавателем одновременно в четырех учебных заведениях. Тогда же Джалал ад-дин стал прилежным учеником Сеита Бурхан ад-дина Хусейна из Тидмута, наставником которого в свое время был его отец, Баха ад-дин. Два года он изучал традиционную философию и теологию. А потом в один прекрасный день в Конье появился странствующий суфий Шамс ад-дин Махмед из Тебриза. Он был очень своенравным человеком и мало отличался от других проходивших через город нищих бродяг, которые побирались, переходя от одного порога к другому, благодаря чему и появилось их прозвище — дервиш (порог). Как бы то ни было, Шамс ад-дин очаровал Джалал ад-дина, и тот перенес на него всю любовь, прежде отдававшуюся отцу. Не удовлетворившись тем, что он пустил странствующего

монаха в свой дом и в свое сердце, Джалал ад-дин принял и философскую доктрину бродяги, а впоследствии даже стал подписывать собственные газели его тахаллосом.

Большинство жителей Коньи не испытывали таких теплых чувств по отношению к скитальцу-суфию и со временем, когда он, чувствовавший себя в безопасности благодаря глубокой привязанности к нему Джалал ад-дина, стал слишком заносчивым и высокомерным, их безразличие превратилось в ненависть. Но Джалал ад-дин не прислушивался к мнению горожан и целые дни проводил в обществе Шамс ад-дина, а тот не предпринимал никаких усилий к тому, чтобы исправить свое поведение или завоевать любовь народа. В конце концов недовольство суфием усилилось настолько, что в столице начались беспорядки. В ходе этих волнений Шамс ад-дин пропал — нет сомнения, что его убила возмущенная толпа. Тело странника так и не было найдено, и, хотя могилы его не существует, в память о нем в Конье был возведен мавзолей. Беспорядки принесли Джалал ад-дину еще одну, значительно большую утрату — был убит его любимый сын, верно защищавший отцовского гостя от разъяренной толпы.

ДЕРВИШИ МАУЛАВИЙА

Смерть двух дорогих для него людей ввергла Джалал ад-дина в глубокую меланхолию; в этот период душевных исканий и молитв он принял решение в память о погибших основать орден маулавийа. Для братьев ордена он придумал особую одежду, которую они носили в знак траура по погибшим, — широкую накидку, куртку, длинную рубаху без рукавов, пояс и высокий головной убор из белого войлока.

В новый орден мог вступить любой мужчина, чье поведение не выходило за рамки приличий, кто выдерживал испытательный срок — 1001 ночь службы беспрерывно, а также кто был готов посвятить остаток

жизни идее достижения единства своей души с душой Аллаха. Такое единство следовало достигать посредством мистических танцев под музыку оркестра из пяти инструментов: тростниковой флейты, цитры, тамбурина, барабана и ребека.

Поскольку использование музыки при отправлении религиозных церемоний противоречит канонам ислама, тот факт, что Джалал ад-дин нарушал эти каноны, иногда объясняют влиянием христианства. Действительно, вполне вероятно, что какая-то услышанная в детстве мелодия — возможно, во время службы в греческой православной церкви или у католиков — произвела на него неизгладимое впечатление. Как бы то ни было, в музыке Джалал ад-дина вообще нет ничего христианского или такого, что напоминало бы о Западе, — она отличается типично тюркскими ритмами и обладает таким невероятным и непреодолимым очарованием, что ни одному мусульманину никогда не приходило в голову отказаться от ее использования.

В основе танца лежали движения по кругу, символизирующие ход небесных сфер и выражающие эмоции суфия в тот момент, когда его душа переполняется любовью ко Всемогушему. Состояние экстаза, необходимое для слияния души с небесами, достигалось путем быстрого вращения танцующего вокруг своей оси, при этом левой пяткой он опирался о землю, руки вытягивал вперед, а голову запрокидывал; во время танца он не нарушал строя в круге, по которому, двигаясь один за другим, танцевали его единомышленники — не выходил за его пределы и не покидал своего места. Каждый дервиш, двигаясь все быстрее и быстрее в ритме музыки, произносил такие слова: «Нет Бога, кроме Истинного Бога! О Господи! О Боже! О справедливый Бог! О живой Бог! О Боже Всевидящий!» — и так далее до тех пор, пока не впадал в состояние полного экстаза и не воспарял к Богу.

Считалось, что дервиши ордена маулавийа получали духовную энергию благодаря своему умению воспарять. Возможно, именно поэтому они отказывались

признавать над собой любую другую власть, кроме власти Аллаха и главы их ордена. Султан не возражал против этого и подарил Джалал ад-дину участок земли в Конье для строительства монастыря. Многие богатые анатолийцы, в том числе и имевшие свои семьи, поторопились вступить в новое братство, и вскоре по всей Малой Азии на землях, пожалованных вакфом, или высшей религиозной властью, появились монастыри маулавийа.

Джалал ад-дина считали святым уже при жизни, святым он остался и для последующих поколений. За единственным исключением — в случае с его любимым учеником Гюсам ад-дином Челеби, возглавившим орден сразу же после смерти Джалал ад-дина, руководство братством всегда оставалось в руках его потомков. После кончины Гюсам-ад-дина главой ордена стал единственный оставшийся в живых сын Джалал ад-дина Валад (он умер в 1312 году). Валад внушал такое уважение, что, говоря о нем, и в наши дни его обычно называют султаном Валадом. Он в полной мере заслужил такое отношение, ибо был и умелым руководителем, и талантливым писателем, — с точки зрения современников, его мистическая месневи «Рабаб-нама» лишь немного уступала фундаментальному труду его отца. Читатели любили и его замечательные стихи, которые он писал на разговорном греческом языке, используя при этом арабские буквы.

После смерти Валада руководство орденом перешло к его потомкам, возглавлявшим братство вплоть до 1925 года, когда Мустафа Кемаль, наряду с прочими орденами дервишей, распустил и маулавийа. Тогда здание в Конье — колыбель братства — вместе с усыпальницами его руководителей было передано Управлению музеев Турции.

Помимо сборника стихотворений, другие крупные произведения Джалал ад-дина — лекции, письма или максимы, представлявшие собой сочетание религиозных и философских идей, выраженных в поэтической форме, — были созданы для дервишей маулавийа.

Замысел для самого значительного из них — «Матна-ви-и-манави», или «Духовного месневи» — предложил Джалал ад-дину его любимый ученик Гюсам ад-дин, которому он продиктовал все огромное сочинение, законченное прямо перед его кончиной 17 декабря 1273 года. В определенной степени это произведение следует традициям литературы религиозного и духовного характера; текст, состоящий из более чем 40 тысяч рифмованных двустиший, дополнен комментариями к Корану и цитатами из проповедей Пророка, его очень оживляют многочисленные шутки и забавные короткие рассказы. Поэма имела колоссальный успех, она заняла достойное место среди основных религиозных сочинений суфистов. Как предполагалось, тщательное изучение текста должно было дать читателю ощущение вечного блаженства.

После монгольского вторжения Джалал ад-дин начал писать на тюркском в надежде, что использование разговорного языка поможет поднять дух соотечественников и укрепит у них чувство национального единства. Его примеру последовали другие, менее заметные авторы, это новшество приветствовал и султан, хотя в государственных учреждениях тюркский стал использоваться только с 1327 года, когда в Конье обосновалась династия Караманоглу. Нововведение столкнулось с ожесточенным сопротивлением писцов, и прежде, чем удалось восстановить порядок, некоторых из них даже пришлось казнить. Выбор тюркского языка в качестве официального сказался и на школьных учителях: их обязали учить детей письму со значительно отличающейся от привычной графикой. Семейство Караманоглу так хотело осуществить языковую реформу, что они поручили тюркскому поэту Хоче Даххани, уроженцу Хорасана, говорившему на том же диалекте тюркского, что и сельджуки, перевести на тюркский язык «Шахнаме». Его перевод до такой степени совершенен и лишен недостатков, что есть все основания считать, что с детства он воспитывался на эпосе древних огузов, для нас полностью утраченном. Таким образом, благодаря

занятой братьями ордена маулавийа из Коньи позиции по отношению к монголам для будущих поколений тюрок сохранилась хотя бы частица духовной жизни сельджуков.

ТУГРА

Благородная красота каллиграфии Сельджукидов, возможно, тоже способствовала сохранению литературной традиции во времена монгольской оккупации и в последовавший за ней период правления бейликов. Она донесла до потомков удивительный рисунок, который появился у кочевников как клеймо, затем у огузов стал эмблемой и в конце концов у султанов Оттоманской Турции превратился в вензель-монограмму или прием каллиграфии. Его название — тугра — не изменялось на протяжении веков. Персидский султан Малик-шах, вероятно, первым использовал старинный узор для своего герба, поручив это поэту и каллиграфу Мулайид ал-Дину Фахр ал-Куттабу, сменившему Низама ал-Мулька на посту визиря. Визирю удалось решить задачу настолько успешно, что идею использовать рисунок в качестве герба подхватили правители других стран ислама, а первыми примером сельджуков последовали египетские мамлюки. В Малой Азии при дворе была создана специальная должность тугра чекмет — мастера тугры, в его обязанности входил контроль за наличием свободных участков прямоугольной формы на специально оставленном для этой цели пустом месте сверху каждого государственного документа; позже писцы изображали на них тугру, рисунок которой у каждого султана варьировался. Вскоре ни один государственный документ не приобретал законную силу до тех пор, пока на нем не была нарисована такая эмблема.

В основном рисунок тугры оставался неизменным. Он настолько необычен, что одни видят в нем силуэт скачущего коня, а другие птицу. Лингвисты склоняются к мнению вторых потому, что они ассоциируют сло-

во «тугра» с названием мифической птицы, изображенной на штандартах тюркских каганов раннего периода. В определенной степени эту точку зрения подтверждает и «Шахнаме», где говорится о том, что «хакан подарил Бахрам-Гуру птицу»; эту цитату специалисты по восточной геральдике склонны считать указанием на наличие непосредственной связи с рисунком герба. Как бы то ни было, тугра остается одним из самых замечательных из когда-либо изобретенных приемов каллиграфии, и очень жаль, что до нашего времени не дошел ни один образец тугры эпохи Сельджукидов.

Глава 5

ПОВСЕДНЕВНОЕ ИСКУССТВО

Порадовать сердце печального,
облегчить страдания больного —
это уже награда.

Высказывание пророка Мухаммада

Чтобы дать правильную оценку той роли, которую сыграли сельджуки, необходимо рассмотреть их достижения в сфере искусства, ведь именно оно являет собой самое долговечное наследие для потомков. В прикладном искусстве особое место занимают их великолепные керамика и каллиграфия, однако его самый важный вид — это их архитектура и ее составная часть: лепные и резные декоративные элементы.

Внушительные прямолинейные здания Сельджукидов выглядят почти классическими в своей бескомпромиссной прямоте. Их спокойная уверенность поражает еще больше, когда вспоминаешь, что многие из них были построены в те самые годы, когда сельджуки боролись за сохранение своей империи, а другие — во время монгольского владычества, в период угасания династии. Даже тогда их желание строить оставалось настолько сильным, что в 1271 году визирь Сельджукидов Фахр ад-дин Хусейн Сахиб Ата занимался открытием в Сивасе медресе Гёк, причем одновременно с ним в том же городе великий визирь монгольского ильхана в Персии открывал медресе Чифте (рис. 12).

В основном все сохранившиеся в Малой Азии постройки периода империи Сельджукидов можно поделить на две группы. В одну из них, более многочис-

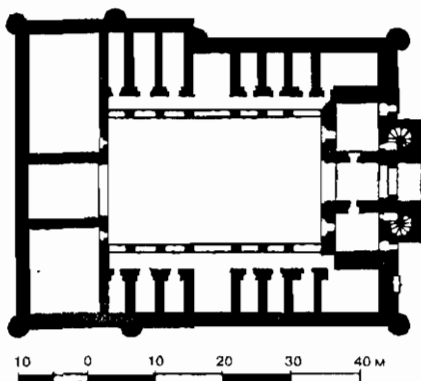

Рис. 12. План медресе Гёк, Сивас, 1271 г.

ленную, входят мечети, караван-сарайи (их огромное количество), а также здания образовательных и благотворительных учреждений. Во вторую — мавзолеи, которые у сельджуков служили и часовнями для отправления погребальных обрядов, и памятниками усопшим. Кроме того, сельджуки возводили оборонительные сооружения и дворцы; они построили бесчисленное количество общедоступных бань и фонтанов, причем многие из них регулярно эксплуатируются и в наши дни (фото 23).

Удивительно, но внешне здания первой группы очень похожи одно на другое, в основном их отличает прямолинейность — сложенные из огромных каменных блоков стены аккуратно оштукатурены с наружной стороны, окна сделаны высоко над землей. В то время как окна мечетей имеют вполне привычные размеры, окна караван-сараяев напоминают щели.

Самым примечательным элементом таких зданий является главный, часто вообще единственный вход. Именно на его отделке архитекторам удавалось полностью проявить свое мастерство. Дверные проемы они украшали несколькими разновеликими поясами пышной затейливой резьбы по камню, которые превращают вход в монументальный портал (фото 13). Иногда резьбой украшены и прилегающие ко входу стены

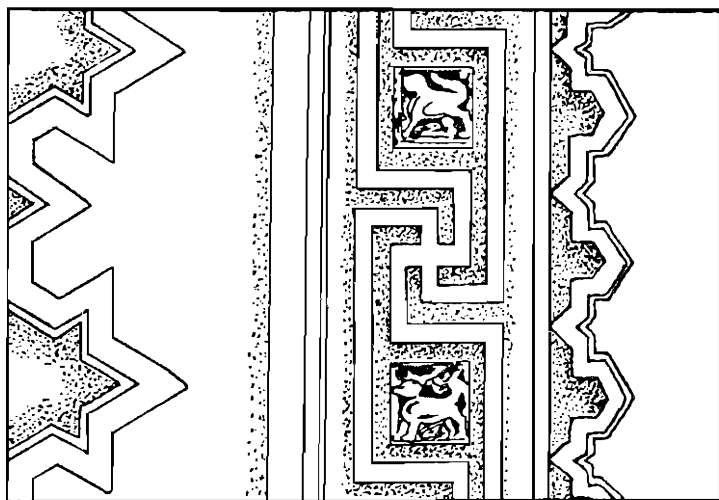

Рис. 13. Мотив рельефной скульптуры в портале хана Ак, Аксарай 1250—1260 гг.

фасада; очень редко — как, например, в Дивриги или в медресе Гёк в Сивасе — также декорированы резьбой, правда, менее богато, боковые стены и окна здания (фото 12). Но даже тогда декоративные элементы имеют главным образом вокруг основного входа и на башнях минаретов, как, например, в медресе Чифте в Эрзуруме и в одноименном медресе в Сивасе. В таких случаях минареты бывают отделаны выложенным из камня геометрическим рисунком, глазурированной плиткой и панелями из камня (фото 11).

МЕЧЕТЬ И АЙВАН

Принципы, лежащие в основе архитектуры сельджуков, были позаимствованы ими у Сасанидов, а те в свою очередь унаследовали их от более ранних цивилизаций. К числу этих специфических черт относятся план здания (квадрат или прямоугольник), плоская крыша и

огромный зал (получивший название айван), в одном конце которого имется арка в форме подковы, подобный тому, что впервые был сделан в VIII веке до нашей эры во дворце Навуходоносора в Вавилоне. В сооружениях персидских архитекторов к такому залу примыкали комнаты меньшего размера, зачастую расположенные на двух этажах; четыре таких крыла образовывали квадрат или прямоугольник, в центре которого оказывался внутренний двор. В доисламские времена айваны были достаточно широко распространены на северо-востоке Персии и даже в Средней Азии, — вероятно, где-то там сельджуки их и увидели.

Когда сельджуки, по примеру арабов, стали исповедовать ислам, они переняли у арабов и основные особенности архитектуры мечетей. Эти приемы не вступали в противоречие с принципами строительства айванов — сооружений уже привычного для сельджуков типа, поскольку мусульмане Месопотамии стали использовать в качестве основы для мечети тот простой прямоугольный зал с плоской крышей и множеством колонн, который при Ахеменидах служил помещением для приемов. Архитектура мечети практически не менялась вплоть до строительства Большой мечети в Дамаске (706—715 годы), когда она обогатилась такими заимствованиями из христианских прототипов, как спланированный по трем осям вход, состоящий из трех приделов алтарь, центральный придел которого шире боковых, наличие трансептов, колонн и открытого внутреннего дворика. Эти элементы стали одними из главных архитектурных особенностей мечетей.

ЭВОЛЮЦИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ СТИЛЕЙ

Полтора века спустя Ахмет ибн Тулун изобрел один из видов такого здания с колоннами — мечеть со множеством контрфорсов и аркад, которая была названа в его честь и которая и поныне является одним из предметов гордости города Каира. В Малой Азии ай-

ван, впервые увиденный ими в Хорасане, сельджуки сохранили, лишь немного изменив, — они сделали его прямолинейным. Традиционный айван сельджуки усовершенствовали, прибегнув к придуманному Тулуном внутреннему устройству, состоящему из нескольких рядов контрфорсов; колонны, часто достаточно древние, они увенчали многочисленными арками — так же как и прямоугольные, квадратные или закругленные пилоны или импосты, причем особое удовольствие сельджукам, наверное, доставляли замысловатые сочетания пересекающихся арок. Им никогда не приходилось жаловаться на отсутствие хороших строительных материалов: как и в наши дни, север Анатолии давал высококачественную древесину, на западе имелись богатые запасы мрамора, а на центральной равнине — отличный известняк и глина — прекрасный материал для изготовления облицовочных изразцов и кирпичей.

Изобретенный сельджуками архитектурный стиль настолько их устраивал, что он сохранился в практически неизменном виде до заката империи; основное внимание они сосредотачивали на совершенствовании его отдельных деталей. Из-за этого консерватизма очень сложно определить точный год строительства того или иного здания, судя лишь по архитектурному стилю. Основные отличия, которые все же имеют место, сводятся к вариациям в декоративной отделке строений, однако довольно часто на нее оказывали влияние географические факторы и индивидуальные пристрастия заказчика, а не время постройки. На Востоке время всегда текло незаметно, и едва ли можно ожидать, что этот феномен в сочетании с краткостью эпохи Сельджукидов мог привести к сколько-нибудь ярко выраженной эволюции архитектурного стиля. Отсутствие изменений такого рода не следует относить на счет неумения или лености, это был результат выбора, а не несостоятельность.

Поскольку самые ранние из сохранившихся архитектурных образцов эпохи Сельджукидов, одни из наибо-

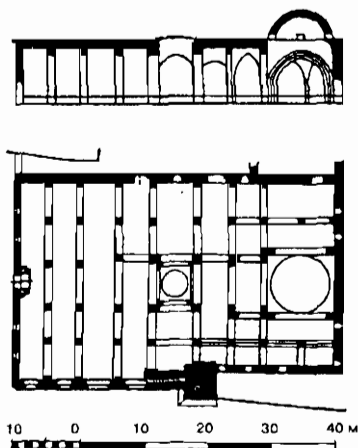

Рис. 14. Вертикальная проекция и план улу джами Кайсери; строительство мечети начато в 1135 г., завершено в 1205 г.

лее оригинальных, находятся в Персии — на землях, где жили Великие Сельджуки, эти памятники не будут предметом нашего разговора. Сложившийся в Руме архитектурный стиль во многом отличался от архитектурного стиля сельджуков-персиян. Дошедшие до нашего времени строения в Малой Азии относятся в основном к XIII веку, несколько — к XII веку, и лишь считанные единицы — к XI. Строго говоря, не все здания XI и XII веков были возведены сельджуками: некоторые были построены мелкими князьками и представителями знати, которые, несмотря на свое тюркское происхождение и часто даже родство с сельджуками, тем не менее, враждовали с последними. Речь идет, в частности, об Ортокидах — династии, чьи представители правили в Харпите и Малатье, а также в прилегающих к ним землях, о Салтукидах из Эрзурума, о Менгучеках, чьи памятники до сих пор стоят в Дивриги и его окрестностях; о Данишмендидах, лучшие архитектурные образцы которых сохранились в Кайсери (рис. 14). И все же здания, возведенные мелкими династиями, отличаются от зданий господствовавшего в то время архитектурного стиля очень незначительно — различия касаются главным образом обилия использованных де-

коративных элементов и их типа. В общих чертах все они следуют одним и тем же традициям, поскольку ведут начало от стиля, выработанного Великими Сельджуками Персии.

В архитектуре Сельджукидов Малой Азии можно выделить короткий начальный период (правда, его можно определить только в результате тщательного изучения скульптурных украшений, а иногда и способа строительства здания), продолжавшийся до 1210-го или 1215 года. Хороший пример сооружений этого периода — медресе Шифайе, или Гиясийе в Кайсери, как правило, известном под названием медресе Чифте; оно было построено в 1205 году Кейхусровом I в честь его сестры Сельджуки, или Гевхер Несиби-хатун. После начального этапа наступил этап развитого стиля, который можно назвать классическим. Он продолжался примерно до 1250 года; к постройкам этого стиля относятся такие замечательные здания, как больничный комплекс Дарушшифа с мавзолеем Кейкавуса I в Сивасе (1217), два султан-хана, возведенные соответственно в 1229-м и 1230/31 годах (фото 15, рис. 8 и 15); комплекс Хуандхатун в Кайсери, состоящий из мечети, в которой на-

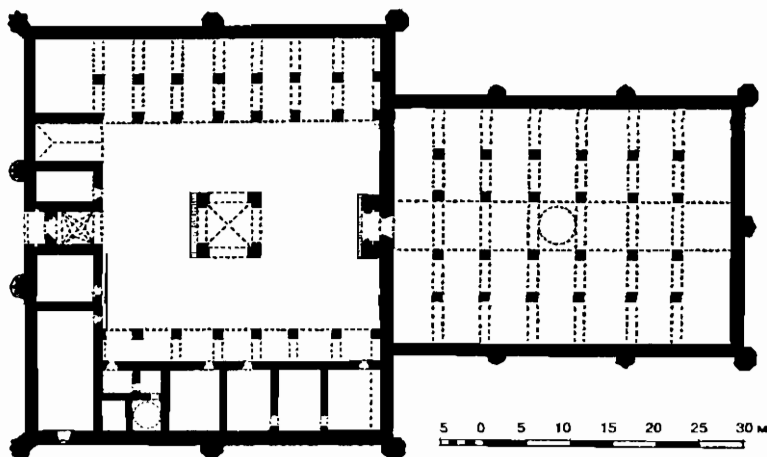

Рис. 15. План Султан-хана на дороге Кайсери—Сивас, 1230/31 г.

ходится ее усыпальница, медресе и бань, построенных в 1237/38 году (рис. 10), а также десятки других. Последним, завершающим этапом был этап стиля барокко. В этом стиле выстроены медресе Индже Минаре в Конье, основанное в 1258 году визирем Сахиб Атой и возведенное Абдуллой ибн Келюком (фото 7) и медресе Гёк в Сивасе, основанное тем же благотворителем

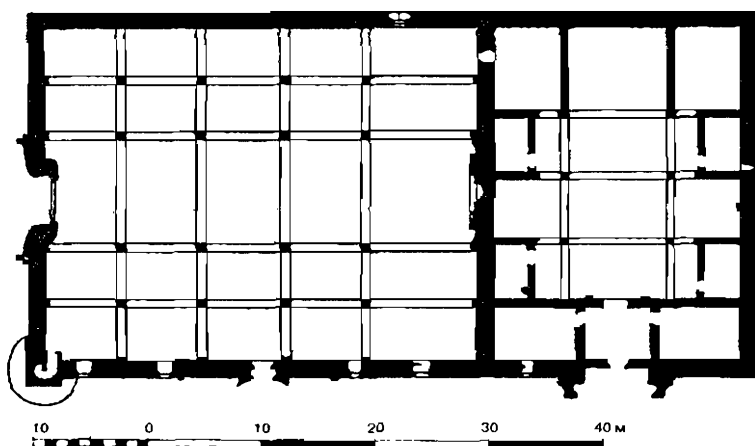

Рис. 16. План улу джами и больницы для душевнобольных в Дивриги, 1228 г.

(фото 12, рис. 12). Стиль барокко, однако, не надо путать с архитектурным стилем комплекса в Дивриги, состоящего из двух зданий — кафедральной мечети и больницы для умалишенных (фото 39, рис. 16). Последний был построен в 1228 году совместно Фатимой Туран Малик, дочерью Фахр ад-дина Бахрам-шаха, и ее супругом Ахмет-шахом, правителем Дивриги из династии Менгучеков. Возводили его Курам-шах из Гелата (Ахлата) и Ахмет ибн Ибрахим из Тифлиса (рис. 6). Он настолько необычен внешне, что среди творений архитекторов тех времен явно стоит особняком; его стиль правильнее назвать фламбоянтом, а не барокко.

МЕЧЕТЬ

В Малой Азии сельджуки, захватив город, сразу же начинали обустривать улу джами, или кафедральную мечеть. Здания христианских церквей для этой цели они использовали редко, поскольку, как правило, не хотели чинить препятствия местному населению в соблюдении религиозных обрядов. Тем не менее, пока строилась улу джами, для служб сельджуки использовали самый большой храм города, а после завершения строительства он продолжал им служить в качестве дополнительной мечети. Для возведения улу джами всегда выбиралось самое лучшее место, что обычно означало разрушение уже существовавшего там храма.

Суровый климат Малой Азии быстро дал понять сельджукам, что в мечетях вместо привычного им открытого внутреннего дворика нужно делать закрытый, но план самого здания — квадрат или прямоугольник — они оставили без изменений. Кроме того, вначале над открытым пространством в центре мечети они не делали крыши — вероятно, это было своего рода данью памяти исчезнувшему двору. К мечетям этого типа относятся улу джами в Кайсери, возведенная Данишмендидами в 1135 году и позднее несколько видоизмененная сельджуками, а также построенная Салтукидами в 1179 году улу джами в Эрзуруме (рис. 14). Позднее, правда, такое бывало очень редко, прямо под центральным куполом в мечети делали фонтан для омовений, подобный существовал раньше в центре дворика. А. Габриэл считает, что второй купол улу джами Кайсери, соответствующий по стилю более древнему куполу, возведенному перед михрабом, или алтарем, для того, чтобы обозначить его ось, был сделан позднее для перекрытия внутреннего дворика. По мнению А. Габриэла, то же самое произошло и в мечети Ала аддина в Нигдэ (1223), в мечети Хуанд-хатун в Кайсери и даже в мечети Ашрафоглу в Бейшехире, выстроенной довольно поздно — в 1296—1298 годах, а также в нескольких других (фото 27).

ТУРЕЦКИЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ

Ранние мечети имели плоские крыши, сделанные из балок, щели между которыми забивали землей; для стока дождевой воды и тающего снега в крыше вырезали специальные желобки. К моменту постройки в 1219 году в Конье джами Фергунией плоские крыши-купола уже были известны (фото 5). В период стадии экспериментов купол обычно делали из кирпича, а снаружи его покрывали свинцовыми листами или глазурованной плиткой. Изнутри его поддерживали паруса или тромпы купола треугольной формы. Впервые такая конструкция была применена в Чидша Раби неподалеку от Мешхеда, построенной в 1026 году, однако сейчас она у всех настолько прочно ассоциируется с Малой Азией, что известна всем под названием турецких треугольников. Внутреннюю поверхность купола декорировали изразцами или глазурованными кирпичами, а турецкие треугольники, на которые она опиралась, часто покрывали рядами треугольных насечек, что создавало эффект поверхности сталактита или сот (фото 38). Прототипом этого вида декоративной отделки была персидская лепнина XI века; с ее помощью сельджуки могли полностью менять внешний вид не только парусов, но также ниш и альковов. Турецкий треугольник появляется в мусульманских постройках Азербайджана раньше, чем в Малой Азии — например, он встречается в минарете Сынык Кале в Батуми, возведенном в 1079 году. Несмотря на это, выполненный в камне турецкий треугольник в первую очередь ассоциируется с архитектурой сельджуков Рума.

КИРПИЧНАЯ КЛАДКА

Сначала технология строительства в Руме была похожа на персидскую. Даже в зданиях XII века, например в мечети Дунуяшира и в больнице Дарушшифа в Сивасе, в которых стены снаружи облицованы украшенным

орнаментом камнем, изнутри видно, что они сложены из кирпича. А вот в мавзолее султана, хотя и отделанной изразцом в характерной для Анатолии манере, имеются арки типичной для Персии формы. Все это не покажется удивительным, если знать, что по крайней мере один из принимавших участие в работе архитекторов Ахмет ибн Бизл был родом из Персии. Но значительно чаще стены каменных зданий возводили из бута или необработанного камня, а затем облицовывали большими, аккуратно уложенными каменными блоками, поверхность которых была покрыта декоративным орнаментом.

В выстроенных при Салтукидах зданиях, таких, как улу джами в Эрзуруме и большой хан в Теркане, отсутствие декоративной отделки дает возможность увидеть и по достоинству оценить все великолепие отличной каменной кладки; простота и строгость подчеркивают гармонию форм снаружи и создают атмосферу благоговейного трепета внутри здания (фото 20). Такой эффект достигается главным образом с помощью многочисленных контрфорсов и колонн, предназначенных для создания опоры сводчатому каменному потолку. В ранних мечетях число колонн было сравнительно небольшим, однако при строительстве мечети Ала аддина в Конье в ней было вновь установлено 42 древние колонны, а в улу джами Сиваса — 90; в улу джами Дивриги колонн было меньше, но, несмотря на это, многочисленные колонны и аркады — характерный признак, помогающий отличить стиль Сельджукидов вплоть до последнего дня существования их империи от стиля османов.

МИНАРЕТЫ

Сегодня минарет считается неотъемлемой частью архитектуры ислама, однако самые первые появившиеся на земле Анатолии мечети, вероятно, не имели минаретов, а на молитву созывали, как когда-то в Аравии,

с крыши самого высокого дома в округе (фото 1, 7, 11). Однако в мечети Иплыкчи в Конье, хотя она и была построена между 1162-м и 1182 годами, уже вполне мог существовать минарет: дело в том, что в ходе последней реставрации в мечети было обнаружено каменное основание для минарета. Похоже, что к началу XIV века все сколько-нибудь важные мечети имели эту чисто исламскую узкую башню, которая вместе с коническими крышами мавзолеев Сельджукидов сыграла значительно более важную роль в изменении облика Византии, чем какие-либо другие особенности архитектуры мусульман. Было очень сложно добиться того, чтобы минарет стал элегантным, высоким и как можно более красивым. Неглазурованным кирпичом выкладывали тело минарета таким образом, чтобы он образовывал геометрические узоры, а его выступающие части отделяли глазурованными изразцами или кирпичом, одновременно украшавшими и защищавшими строение от разрушения.

МАВЗОЛЕИ

Мавзолеев эпохи Сельджукидов — тюрбе и кюмбетов — сохранилось довольно много; это самые поэтичные строения, ставшие воплощением художественного вкуса Сельджукидов (фото 24—27, 31—36). Они скорее напоминают среднеазиатские, чем исламские. Существуют мавзолеи двух типов: первые имеют цилиндрическую башню, более широкую и низкую, чем подобные заточенному карандашу погребальные башни севера Персии, хотя нет сомнений, что именно они и были прототипом сельджукских, а также плоский купол, который иногда — как, например, кюмбет Сырчалы в Кайсери (1247/48) — снаружи отделявали керамической плиткой бирюзового цвета. Мавзолеи второго типа были круглыми, многоугольными; к квадратному основанию они присоединялись посредством турецких треугольников; крыша мавзолея представляла собой коническую

башенку. Часто на этих строениях встречаются надписи, плавные линии букв вырезаны с большим мастерством; изредка мавзолеи украшали скульптурами, однако, как правило, декоративные элементы отсутствуют и красота здания зависит исключительно от качества кладки и пропорций сооружения.

И тюрбе и кюмбеты обычно были двухэтажными. Нижний этаж выполнял функции погребальной часовни, в него помещали каменный гроб с телом усопшего; на саркофаге часто делали надписи, иногда его отделяли глазурованной керамической плиткой. Лестница на второй этаж — в часовню, где находился михраб, или алтарь, и обычно тоже имелись надписи в память о покойном, — была снаружи. Потолок в часовне, как правило, был сделан в форме плоского купола. Одно из самых изящных сооружений этого типа — ранний тюрбе, построенный представителем династии Данишмендидов в 1146 году в Амасье для Халифет Гази; самыми красивыми считаются тюрбе в Токате и группа мавзолеев в Ване (фото 32, 35). Богаче всего украшены мавзолеем Малика Гази в Кыршехире (1250), кюмбет Дёнер в Кайсери (1276), тюрбе Турумтая в Амасье (1279) и тюрбе Худавенд-хатун в Нигдэ (1312) (фото 34, 46, 36). Фасады всех четырех построек декорированы великолепным резным рельефом с растительными мотивами и геометрическим орнаментом — это доказывает, что у сельджуков архитекторы были искусны не только в строительстве как таковом, но и в отделке.

Поразительная схожесть конических крыш тюрбе и колоколен некоторых ранних армянских церквей до сих пор вызывает множество споров. Так, Дж. Стржиговски и его последователи считают, что данная форма крыши была придумана в Армении, так как впервые она появилась там в VIII веке и вполне могла существовать уже в VI. Но скорее напрашивается параллель между этой формой крыши и юртой кочевников Средней Азии и курдов. Приведенное Гертрудой Белл описание этих юрт, которое она видела в наши дни в окрестностях Эрзурума, почти во всех деталях

совпадает с сохранившимся описанием брата Рубрука и со сделанными им рисунками (фото 33). Особенно ему понравился орнамент, которым монголы украшали покрывавшие крышу войлоки. Мотивы этого орнамента в определенной степени нашли отражение в декоративных аркадах, украшающих такие строения сельджуков, как тюрбе медресе Чифте в Эрзуруме или кюмбет Дёнер в Кайсери (фото 25, 34). Юрты этого типа, вероятно, существовали в довольно ранние времена — дело в том, что среди глинобитных склепов в форме жилища, которые строили в Самарканде с V века до нашей эры, есть копии круглых шатров и островерхих тростниковых хижин. Тюрбе как раз и похожи на юрты более поздних периодов, хотя вместо отверстия для выхода дыма острые крыши первых увенчивают скульптурные изображения человеческих голов.

В Самарканде такие склепы продолжали строить вплоть до прихода ислама, поэтому вполне могло случиться так, что по этому принципу были сделаны не только крыши колоколен христианских церквей в Армении, но и крыши тюрбе Сельджукидов и цилиндрические с заостренными башенками усыпальницы мусульманского Хорасана. Если так было в действительности, то к источнику вдохновения ближе всего оставались персидские захоронения, чем церкви Армении и тюрбе сельджуков. Последние, вероятно, при возведении своих погребальных сооружений использовали их в качестве отправной точки. Армяне, наверное, стали делать такие крыши колоколен под непосредственным влиянием среднеазиатских традиций. В XIII веке связи между Малой Азией и Кавказом были достаточно тесными, поэтому художники двух регионов могли оказывать влияние на творчество друг друга; подтверждения тому, что этот процесс был двусторонним, видны даже в крымском Херсоне, где каменщики-христиане часто облицовывали стены своих церквей тесаным камнем, обработанным привычным для Анатолии образом.

ШКОЛЫ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Все выстроенные за счет благотворителей — султанов и частных жертвователей образовательные и благотворительные учреждения Малой Азии возводились в соответствии с едиными архитектурными принципами. Все они были прямоугольными в плане, в большинстве имелся просторный зал-айван и сводчатый проход под аркой в форме конской подковы. Одна из арок была сделана над входом в айван, а три других, которые вели из этого зала в айваны поменьше, располагались в центре каждой из трех внутренних стен. Все остальное пространство, кроме айвана, занимали небольшие комнаты, которые, особенно в медресе, строили в два этажа (рис. 12, 17). Иногда айваны бывали высокими, пря-

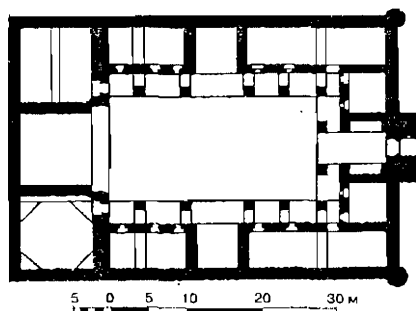

Рис. 17. План медресе Сахибийе, Кайсери, 1267 г.

мо до крыши, в других случаях над ними делали маленькие комнатки. И медресе Сырчалы в Конье (1242) и медресе Чифте в Эрзуруме (1253) были двухэтажными (фото 25). Климатические условия, как правило, требовали наличия крыши над жилыми помещениями; в более теплых регионах небольшую зону в центре медресе оставляли открытой, в ней устраивали фонтан — он в сочетании с окружающей галереей делал дворик похожий на клуатр¹ западноевропейского монастыря. В тех

¹ Клуатр — внутренние монастырские галереи.

случаях, когда все здание было подведено под крышу, в его внутренние помещения свет поступал через окна в центральном куполе. Спальни учащихся размещались главным образом на втором этаже, в них имелись очаги и встроенные шкафы. На нижнем этаже располагались комнаты отдыха для преподавателей и кабинеты для занятий студентов; в айване обычно читали лекции. Кухня в здании не была предусмотрена, и пищу приносили с улицы.

По такому плану, лишь с небольшими вариациями, строили сиротские приюты, богадельни, больницы, дома призрения для умалишенных. Очень редко, например в Дивриги, такие учреждения ставили непосредственно рядом с мечетью так, чтобы они образовывали единый комплекс (рис. 16). Такое несколько неожиданное сочетание, возможно, является отражением последнего, второго этапа существования обычая, возникшего в свете выполнения указа халифа Умара после того, как из дворца правителя была украдена государственная казна. Для предотвращения подобного в будущем халиф повелел перестроить дворец таким образом, чтобы он стоял вплотную к мечети, поскольку «в мечети днем и ночью есть народ, а он и есть лучшая охрана своего достояния». Следствием выполнения указа стало то, что в течение последующих двух веков в Иране появился обычай строить дворец правителя вплотную к южной стене мечети, квадратной в плане. Возможно, именно существованием такой практики и объясняется возведение в Дивриги через несколько веков мечети и больницы под одной крышей.

КАРАВАН-САРАИ

В Анатолии можно часто увидеть остатки величественных архитектурных сооружений эпохи Сельджукидов — руины огромных караван-сараяв, по которым по-прежнему можно определить, где в старину проходили

оживленные торговые пути (фото 15, 20, 21). Основная масса этих зданий была построена в период расширения торговых связей, при Кейхусрове I, Кейкавусе I и Кейкубаде I, то есть между 1204-м и 1246 годами. Таким образом, в основном они принадлежат к классическому периоду. Некоторые из самых больших караван-сараяв возводились по приказу султанов и поэтому являются воплощением имперского стиля.

Попасть внутрь караван-сарая всегда можно было только через единственные ворота; некоторые специалисты предполагают, что эта особенность по своей сути является отражением традиции кочевников иметь в юрте один вход, однако более вероятно, что это было одной из мер, принятых с целью обороны от набегов грабителей. Другими средствами защиты от нападения были очень мощные внешние стены, усиленные башнями по углам, а иногда и с фасада здания. В отдельных случаях башни располагались также на равном расстоянии одна от другой вдоль всех четырех стен. Сами стены часто делали из необработанного камня и затем облицовывали большими плитами из тесаного камня; случалось, что всю стену целиком возводили из тесаного камня. Временами для стен использовали камни из разобранных сооружений, но значительно чаще их привозили из каменоломен. Форма башен варьировалась: обычно она бывала квадратной или прямоугольной, иногда круглой или восьмигранной. Узкие окна делали высоко — вероятно, это было дополнительной мерой против воров.

Вход в караван-сарай богато украшали замечательной по замыслу и отлично выполненной резьбой по камню, ее утонченность и элегантность как будто бы обещали усталому путнику всевозможные городские удобства. Переступив порог таких величественных зданий, как султан-ханы (1229 и 1230), первое, что видел путешественник, — это маленькая мечеть в центре квадратного или прямоугольного двора, основание которой стоит не на земле, а на четырех высоких арках подковообразной формы (фото 16, рис. 8, 15). Со-

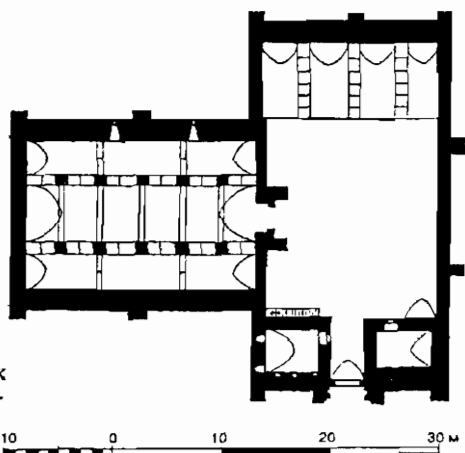

Рис. 18. План хана Кесик
Кёпрю недалеко от Кыр-
шехира, 1268 г.

здавалось впечатление, что мечеть парит в воздухе — настолько легкой и изящной была единственная лестница, ведущая к ней с земли с двух сторон и повторяющая изгиб арки, обращенной ко входу в султан-хан. Подобная кружеву резьба по камню делала мечеть похожей на драгоценный камень в оправе. В более простых ханах, правда построенных ничуть не хуже, мечеть часто ставили справа от входа или сразу же над ним — тогда в нее можно было попасть по внутренней лестнице (рис. 18).

По сторонам от сводчатого крыльца, с которого путешественник смотрел на двор, часто располагались комнаты, предназначенные для персонала хана, а под ними — напоминающие крытые галереи портики или открытые коридоры, которые с одной стороны вели в отдельные комнаты гостей и общие спальни, а с другой — в бани, кофейню, на кухню, в мастерские и на склады (фото 21, 22). Спальни, как правило, были оборудованы стационарными очагами, встроенными шкафами и местами для сна; они занимали оба этажа или только второй — в том случае, если на первом устраивали дополнительные склады или конюшни. В дальнем конце двора, напротив входа, а иногда под углом к

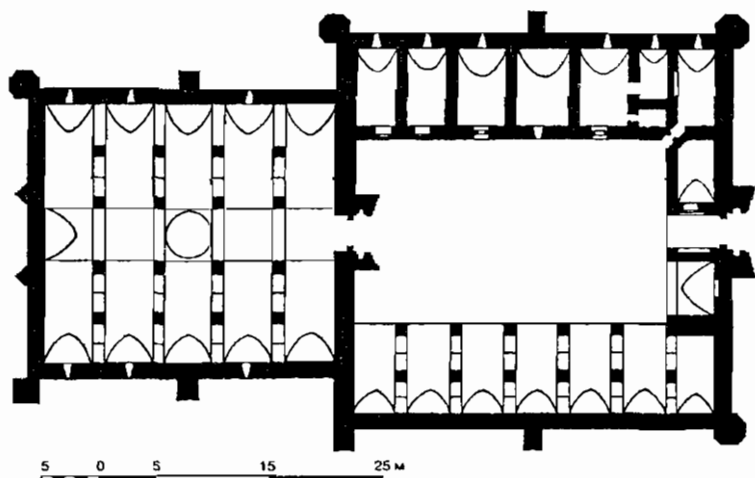

Рис. 19. План хана Сары на дороге Ургюп—Аванос, 1238 г.

нему было второе крыльцо, оно вело в великолепный зал с рядами колонн и контрфорсов, поддерживавших боковые приделы с цилиндрическими сводами. Из всех приделов всегда обращал на себя особое внимание центральный — дело в том, что обычно именно в нем находился центральный купол круглой или конусообразной формы. В куполе имелись небольшие окошки, однако, поскольку они располагались на огромной высоте, освещение в зале было плохим. Именно в этих величественных, но темноватых интерьерах, которые выдержат сравнение с любой столовой Оксфорда или Кембриджа, в стойлах у каменных кормушек держали выючных животных, а в холодные зимние месяцы там же, возможно, спали и погонщики. В хане Теркан кухня ничем не уступала современным ей кухням Запада; ее очаг ничуть не меньше очагов в кухнях Фонтеврота и Гастонбери. Еще одним достоинством этого хана было наличие специальных стойл для верблюдов: подковообразные арки по пути в эти стойла были сделаны на большей высоте, чем арки перед стойлами лошадей и мулов (рис. 7).

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Большинство попадавших в руки Сельджукидов городов Анатолии уже имело довольно хорошие оборонительные сооружения, поэтому победителям, как правило, нужно было их лишь подремонтировать или укрепить. Иногда для того, чтобы ликвидировать какое-то слабое место, они строили башню или контрфорс (фото 9, 28). Однако отличить эти добавленные сельджуками детали от более ранней работы не так легко, особенно в тех случаях, когда работы выполняли те же местные мастера — судя по всему, христиане, — которые изначально строили эти оборонительные сооружения для византийцев. А вот появившиеся при сельджуках исламские надписи и монументальные входы, которыми они снабдили многие уже существовавшие крепости, безусловно, были делом рук мусульман, а не греков. Оборонительные стены Коньи и Сиваса были исключением из правил: они были построены или полностью перестроены по приказу Кейкубада I (фото 10). Сейчас от них не осталось и следа, поэтому

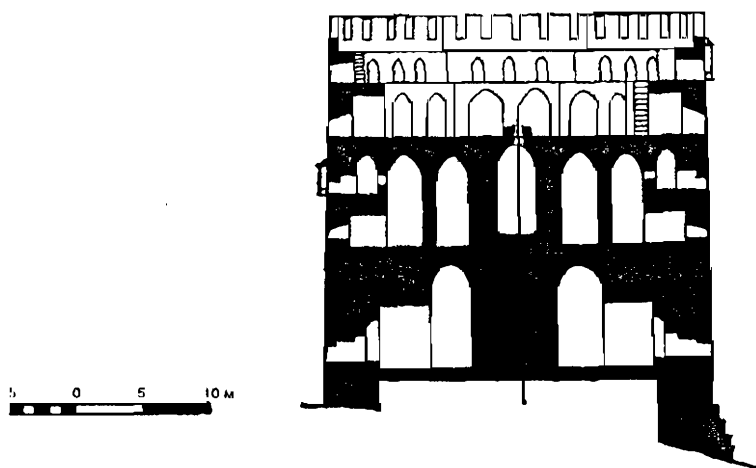

Рис. 20а. Кызыл Куле, то есть Красная башня, Алайе, 1224 г.

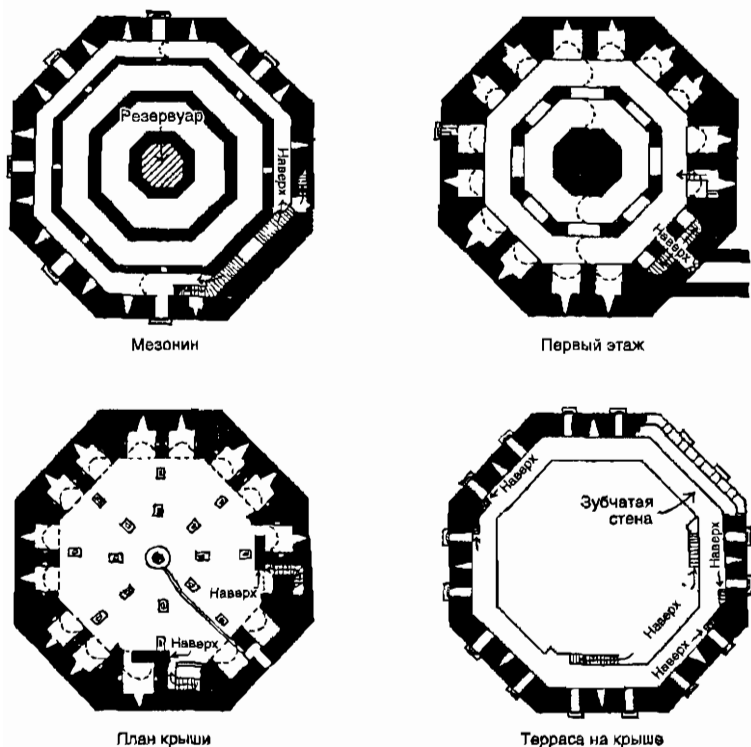

Рис. 206. Планы пола и крыши Кызыл Куле, Алай

наши знания о фортификационных сооружениях Сельджукидов в значительной степени основываются на той информации, которой мы располагаем, судя по сохранившимся остаткам военно-морского арсенала и наземных оборонительных сооружений в Алае и, в меньшей степени, по дошедшим до наших дней небольшим участкам стен, с моря защищавших Синоп. Во время многочисленных войн сельджуки неоднократно имели возможность оценить прочность сирийских крепостей. Возможно, именно по этой причине Кейкубад I поставил во главе работ в Алае и Синопе сирийского архитектора. Для того чтобы создать в Алае новую ли-

нию обороны, потребовалось увеличить протяженность уже существовавших оборонительных сооружений и перестроить порт. Центральное место в новой системе фортификаций отводилось Кызыл Куле, то есть Красной башне, которая должна была одновременно и защищать верфь, и служить опорой для новых стен, поднимающихся с западной стороны горы, соединяющих ее вершину с существующей цитаделью и затем спускающихся к морю (фото 29, 30, рис. 20а, 20б). Эта замечательная восьмиугольная башня была возведена вокруг центрального пирса, ее верхняя часть служила резервуаром для воды. В башне было пять этажей: цокольный, первый, мезонин, верхний этаж с зубчатой стеной и терраса на плоской крыше. Пространство, окруженное новыми стенами, делилось на шесть зон. Самой главной и действительно уникальной особенностью этого плана был военный док или терсан, располагавшийся в южной части гавани (фото 30). Для него в скале на глубину почти 80 метров был выдолблен тоннель шириной 97 метров. Тоннель состоял из пяти сводчатых галерей (рис. 9). Образующие эти галереи боковые арки имели характерную подковообразную форму, сводчатые потолки были выложены из кирпича, причем по центру потолка шло специальное заглубление для того, чтобы в тоннеле можно было спрятать или даже тайно строить довольно большие корабли. Фасад сооружения сделан из огромных глыб тесаного камня, тщательно обработанных и аккуратно сложенных; качество строительства было настолько высоким, что и в наши дни рыбаки Алайе используют эти галереи.

ПЛАНИРОВКА ГОРОДА

Возникшие в окрестностях нового порта поселения, такие, как новая Конья и города, основанные Кейкубадом I в Кубадабаде на берегу озера Бейшехир и в Кубадийе около Кайсери, больше похожи на города Средней Азии, чем Малой. Они были достаточно про-

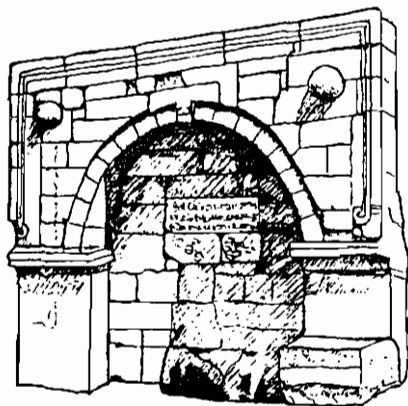

Рис. 21. Фонтан на внешней стороне здания медресе Сахибийе, Кайсери, 1267 г.

сторными, постройки чередовались с рынками и цветниками, на улицах были сделаны водопровод, фонтаны и небольшие бассейны. Часто фонтаны, по форме напоминающие типичный дверной проем эпохи Сельджукидов, встраивали в стены с внешней стороны самых важных общественных зданий (рис. 21). Насущной необходимостью считались общественные бани, они имелись во всех городах в достаточном количестве. Как правило, бани состояли из двух отделений — мужского и женского. В отличие от римских в турецких банях эпохи Сельджукидов не делали бассейнов, в которые можно погрузиться целиком, — там вода к фонтану поступала постоянно по трубе или желобу, а из фонтана стекала в небольшой бассейн.

В маленьких городах, по крайней мере поначалу, базар устраивали в самом большом хане. Вполне возможно, что появившийся позднее бедестан, то есть центральная сводчатая галерея больших крытых базаров — та его часть, где сейчас обычно сосредоточены все ювелирные лавки, — приобрел свой нынешний вид именно под влиянием этой практики; по сути дела, он дает нам представление о том, во что превратился хан, когда рынок разросся настолько, что поглотил приютившего его когда-то хозяина.

КЕШК ХАЙДАР-БЕЯ

До наших дней сохранилось единственное феодальное поместье-манор периода Сельджукидов — это расположенный в пригороде Кайсери так называемый «кешк Хайдар-бея»¹ (1251). Идею создания поместья такого рода сельджуки, вполне вероятно, тоже где-то позаимствовали — то ли в Средней Азии, то ли в Месопотамии, ведь согдийские князья имели загородные замки уже начиная с VIII века, а у Омайядов в Аравии такие резиденции появились еще раньше (рис. 5, 22). В среднеазиатских замках, таких, как на горе Муг на Верхнем Заравшане, нижние части стен клали из тесаных

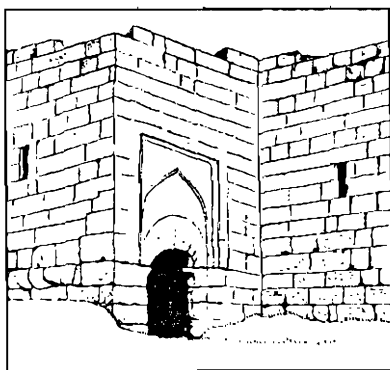

Рис. 22. Кешк Хайдар-бея, Кайсери, 1251 г.

каменных блоков, во внутренних помещениях потолки имели форму цилиндрического свода, окна были узкими, похожими на бойницы. Кешк Хайдар-бея полностью построен из обработанного камня. В торце прямоугольного в плане здания находится оборонительная башня, на нижнем этаже которой имеется небольшое помещение и изящная каменная лестница на дозорную

¹ Применяемое автором для обозначения отдельных жилых зданий французское слово «киоск» пришло из персидского, где обозначало уединенный дом-усадбу, а первоначально загородный замок — кёшк.

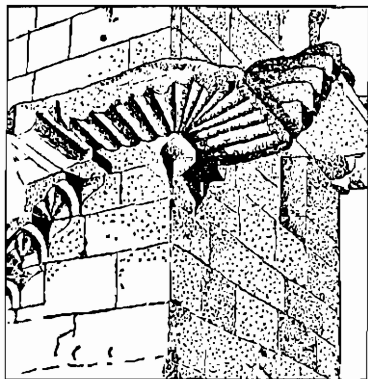

Рис. 23. Каннелюры на нижней стороне каменной лестницы кешка Хайдар-бея

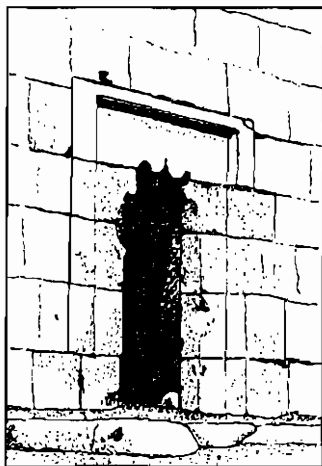

Рис. 24. Перемычка двери, ведущей в одно из помещений кешка Хайдар-бея

площадку (рис. 22, 23). Остальные помещения здания одноэтажные, все комнаты расположены вокруг внутреннего двора. Потолки в комнатах тоже сделаны в форме цилиндрического свода, а окна чуть шире бойниц, поэтому внутри прохладно, но слишком темно. Притолоки выходящих во дворик дверей и нижняя поверхность лестницы — это единственные места, которые имеют хоть какое-то декоративное убранство (рис. 24).

ДВОРЦЫ

За исключением усадьбы Хайдар-бея, не сохранилось ни одного здания эпохи Сельджукидов, которое могло бы пролить свет на то, как шел процесс адаптации ранних турок к городской жизни. Султаны начали строить дворцы только в XIII веке; некоторые из них располагались далеко от столицы, в местах с более благоприятным климатом, — дело в том, что одни дворцы выполняли функции зимних, а другие — летних резиденций.

Рис. 25. План большого здания в Кубадабаде, 1235 г.

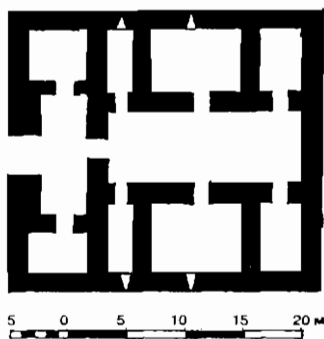

Рис. 26. План малого здания в Кубадабаде, 1235 г.

Отдельные исследователи видят в этом отражение подспудного стремления сельджуков к сезонным миграциям, однако в тех случаях, когда все уже сказано и сделано, турки не склонны возвращаться к пройденному.

От нескольких дворцов, например от находившегося в Сивасе, сохранилось только название; местонахождение других, например в Алаие и Анталье, было установлено; построенные Кейкубадом между 1220-м и 1235 годами и названные им в свою честь дворцы в Кубадабаде и Кубадийе были недавно раскопаны. Несмотря на то что подробный отчет о результатах работы еще не опубликован, планы большой и малой резиденций в Кубадабаде свидетельствуют о том, что эти дворцы были прямоугольными в плане и что комнаты в них выходили во внутренний двор (рис. 25, 26).

КРЕПОСТЬ КОНЬИ

В Конье, как столице, без сомнения, было сосредоточено все самое лучшее и наиболее характерное для того времени. Очень жаль, что многое погребло там в современную эпоху. В 1830-х годах, когда Л. Лаборде посетил этот город, он сделал очень подробные рисунки крепости. Тридцать лет спустя Ч. Тексье тоже смог

изучить как саму цитадель, так и внешние оборонительные стены; он обнаружил, что город в плане был прямоугольным с закругленными углами; что вдоль оборонительных стен на расстоянии чуть более 13 метров одна от другой стояли 108 мощных каменных башен, каждая размером 9,7 × 7,9 м. Крепость находилась в центре города, она была построена вокруг небольшого холма, на котором стоит мечеть Ала ад-дина и где был возведен дворец (фото 4). Исследовавший крепость в конце XIX века К. Хуарт обнаружил, что она имела форму пятиугольника и что среди сохранившихся на ней надписей была дата — 1214 год. Первую мечеть начал строить султан Масуд (1116—1156), а закончил Кылыч Арслан II, чей тюрбе — творение Юсуфа ибн Абдул Гаффара из Хокана — датируется 1188 годом (фото 3). В 1219 году Кейкавус I доверил перестройку этой мечети сирийскому архитектору Мухаммаду ибн Каулану из Дамаска, а тот в свою очередь подрядил производить работы Аяза Атабеки. В мавзолее именно при этой мечети, в которой покоятся останки восьми султанов-Сельджукидов, Кейкавус привез для перезахоронения тело отца после того, как Федор Ласкарис отдал дань уважения павшему врагу. Однако завершать строительство мечети в 1220 году выпало брату Кейкавуса Кейкубаду I, и в настоящее время мечеть носит его имя. Окончательный вариант плана этого здания очень похож на планы таких известных сооружений, как Большая мечеть Дамаска, мечеть Ибн Тулуна в Каире и одноименная в Кордове; кроме того, у этой мечети та же плоская крыша, что и у упомянутых более ранних сооружений.

Две башни внушительного вида, в которых находились два основных входа в крепость Коньи, были возведены на личные средства Кейкубада I в 1221 году; о щедрости султана свидетельствует надпись золотом над этими воротами. Он призывал местную знать последовать его примеру и взять под опеку другие башни; имена сделавших это он приказал написать на построенных за их счет участках крепостной стены. На построенных

за его счет участках стены он выразил свое отношение к «Шахнаме» и скульптуре, повелев выбить на стене отрывки из книги в таких местах, где все могли бы их прочесть, а оба сооруженных на его средства входа декорировать различными скульптурными рельефами из камня (фото 10). Некоторые скульптуры были выполнены эллинами, другие — византийцами. В их числе были рельефы на саркофагах с изображениями сцен пребывания Александра в Скиросе — в настоящее время они хранятся в музее скульптуры в Конье вместе с более чем двумя десятками фигур львов и несколькими изображениями орлов; многие из этих скульптур принадлежат сельджукам (фото 50, 54). Наибольший интерес представляют две пары крылатых гениев, или ангелов, которые установлены попарно над каждым входом (фото 62). Часть скульптур сохранилась, но от стен и ворот не осталось ничего, а от дворцового комплекса, который занимал место от главных ворот почти до стены мечети Ала ад-дина, до нашего времени дошли лишь отдельные камни.

КЕШК

И все же при Ч. Тексье один павильон, известный под названием «Кешк», еще существовал (фото 2). Землетрясение 1906 года разрушило большую часть этого здания. Тем не менее, когда вскоре после стихийного бедствия Ф. Сарре посетил Конью, с одной стороны Кешка еще оставался участок стены высотой около 15 метров и длиной примерно 10 метров. Судя по записям Ч. Тексье и Ф. Сарре, первоначально Кешк представлял собой двухэтажное здание; он был сложен из местного кирпича с примесью мела; кирпич клали на цемент, основой которого тоже был мел. На верхнем этаже Кешка в торце находился большой овальный зал с балконом, а по обеим боковым стенам — окна. После землетрясения уцелело по два окна с каждой стороны; окна были сделаны в декоративных аркадах, имеющих подковооб-

разную форму, арка такой же формы обрамляла и дверной проем на балкон, на ней имелась надпись. Ф. Сарре относит эту надпись к правлению Кылыч Арслана и поэтому датирует Кешк 1246—1264 годами.

При Сарре потолок здания уже обрушился, а Тексье еще успел увидеть его и оценить тонкую красоту выполненной красками росписи, которая, судя по всему, напоминала фрески капеллы Палатино в Палермо. К тому времени, когда Сарре обследовал Кешк, балкон успел рухнуть, но подкосы, на которые он когда-то опирался, по-прежнему оставались на своих местах на высоте примерно 8 метров от земли. С внешней стороны подкосы были украшены ячеистыми сталактитообразными насечками, похожими на соты, кроме того, все еще были различимы следы росписи красками. От надписи над дверью балкона сохранились несколько когда-то составлявших ее синих и белых керамических плиток; на верхней части стен остались фрагменты лепнины — геометрических узоров и предметных изображений, а также несколько глазурованных керамических изразцов в форме звезды; внизу уцелели куски мраморной облицовки и скульптура льва в нише — как и встарь, охранявшая руины. Некоторые из этих фрагментов хранятся в музеях Коньи; глядя на них, трудно представить, что этот богато украшенный элегантный павильон был построен в те самые годы, когда бывшей империей Сельджукидов правили монголы и когда каждый из троих братьев, входивших в триумвират, официально созданный для того, чтобы править страной, на самом деле плел заговоры, стремясь взять всю власть в свои руки.

Глава 6

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Вот наши творения, мы вложили в них свои души.
Храните наши творения, когда мы уйдем.

*В.В. Бартольд, Х.Д.Р. Гибб.
Туркестан до вторжения монголов*

Сельджуки очень любили всяческие украшения. Разум говорил им, что декоративные элементы надо использовать не так часто, однако на тех поверхностях, которые они оставляли для этой цели, они позволяли себе буйство фантазии; их художников часто больше занимал этот аспект работы, а не мысль о том, что избыток украшений может негативно сказаться на стройности форм. Но чрезмерная любовь к украшениям не оказывает негативного влияния на качество конечного продукта — наоборот, это наделяет его своим собственным характером.

Независимо от вида материала — камень, штукатурка или дерево, — стиль резьбы сельджуков очень похож на стиль лепных украшений Персии и Месопотамии более раннего периода, однако использовавшиеся сельджуками приемы говорят о том, что они были лучше знакомы с техникой резьбы по дереву, чем по штукатурке или камню. Похоже, что они использовали резные украшения так же, как в азиатских племенах исстари использовали ткани для драпировки стен; именно по этой причине они сосредотачивали рельефную скульптуру вокруг главных входов своих зданий, а позже, под влиянием Персии или Византии, также вокруг окон и вдоль края крыши. Таким образом, резными скульптур-

ными рельефами они украшали лишенные декоративного убранства фасады подобно тому, как украшают пустую стену драпировкой или ковром. Контраст между лишенными декоративного убранства и декорированными поверхностями проявляется со всей резкостью, присущей разнице между светом и тенью под ярким солнцем Востока, где сама природа учит глаз наслаждаться этим контрастом; и в самом деле, похоже, что сельджуки находили в этом особую прелесть, потому постепенно и сложилась традиция подчеркивать этот контраст, углубляя рельеф резьбы. В Конье при Кейкубаде I, когда влияние Сирии было особенно сильным, такой эффект достигался использованием камня или мрамора двух оттенков — в этом стиле выполнены врезанная в стену перемычка над дверным проемом в мечети Ала ад-дина в Конье и портал хана Зазадин (1234—1235) (рис. 11). Хотя этот стиль так и не получил широкого распространения, тем не менее он встречается то в одном месте Рума, то в другом, а в Конье появляется вновь в 1251 году в оформлении дверного проема медресе Бююк Каратай (фото 6). И все же, несмотря на усиление в один период сирийского влияния, в целом по-прежнему преобладало не оно, а персидское, при этом влияние Средней Азии было почти таким же, как влияние Аравии. Так, одновременно декоративный пояс и медальоны, наверное, впервые изобразили на фасаде сооружения, когда строили гробницу бухарского правителя Исмаила Самани (умер в 907 году).

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

Количество декоративных элементов и, не в меньшей степени, их характер помогают выделить три периода развития стиля Сельджукидов. В первом периоде зоны их расположения строго ограничены, а сами украшения спокойные и сдержанные — в пример можно привести мечеть Ала ад-дина в Конье и ханы Алтын-апа и Онё. Благодаря персидскому влиянию у сельджуков измени-

лась форма ниш у портала и появились сталактитообразные поверхности, мотивы пальметта и розетта (фото 17, 46). Сельджуки стали сочетать эти персидские орнаменты с другими, которые, в зависимости от географического расположения собственных городов, они заимствовали либо в Средней Азии, либо где-то на Западе. К первым относятся многие из фигур, похожих на топор без топорщица, треугольники, угловые или геометрические бордюры или пояса (рис. 13), а также некото-

Рис. 27. Мотив декоративного орнамента на мавзолее визиря Сахиб Аты, Конья, 1282 г.

a

b

Рис. 28. Варианты замкового орнамента «греческий ключ»: *a* — из медресе Сырчалы, Конья, 1242/43 г.; *b* — из медресе Бююк Каратай, Конья, 1251 г.

рые виды используемых в корзинах переплетений (фото 44); ко вторым — пилястры и капители у дверных проемов, а также такие узоры, как зигзаг и «греческий ключ» или «собачий зуб» (рис. 27). В первый период оба узора еще простые, незамысловатые и, за исключением Кайсери, очень неглубокие. В некоторых медальонах один и тот же цветочный мотив — по своему характеру он в первую очередь персидский, однако по происхождению вполне может быть и китайским (фото 17). Появляются арабески; вскоре этот орнамент, один из любимых узоров Ибн Тулуна, получил такое же распространение, как персидские мотивы; не вызывает сомнений, что его популярность увеличивалась благодаря частому использованию в изделиях из металла. Арабески сочетали с рядом узоров, пришедших с Кавказа, а в Дивриги даже работал архитектор-кавказец.

ВТОРОЙ ПЕРИОД

Второй, или классический, период в искусстве Сельджукидов продолжался всего около тридцати пяти лет, но, тем не менее, он представлен многими замечательными зданиями (фото 15). К их числу относятся оба султан-хана и Каратай-хан (1240/41); во всех этих сооружениях площадь декорированных поверхностей увеличилась так значительно, что они затмили собой прочие архитектурные достоинства, а искусная ажурная резьба по камню создает впечатление кружева. Арабески стали соперничать с пришедшими из Персии узорами, однако одновременно и они сами стали похожими на персидские, поскольку на крошечных, оставшихся свободными от изгибов и переплетений местах стали помещать изображения животных и цветочные мотивы (фото 43). Совершенно естественно, что именно в Конье как в столице господствовавший в то время стиль дал жизнь наиболее совершенным творениям; в провинции лучшие образцы этого стиля были созданы в Сивасе и Кайсери (фото 11—14).

Вероятно, наиболее характерным примером перехода от начального этапа, к которому относится мечеть Ала ад-дина в Конье (фото 4), к развитому классическому стилю является фасад медресе Бююк Каратай в Конье (фото 6). Здесь сдержанность раннего этапа нашла отражение в тимпане, но дверной проем несколько углублен для того, чтобы на нем поместились типично сельджукские остроугольные, оформленные в технике сот арки, в то время как характерные для классики боковые пилястры и капители сделаны из чисто декоративных соображений. Художники-сельджуки часто игнорировали архитектурную функциональность этих деталей и использовали их в качестве средства привлечения внимания к расположенным выше элементам или для того, чтобы подчеркнуть свойственную всем их сооружениям прямоту линий.

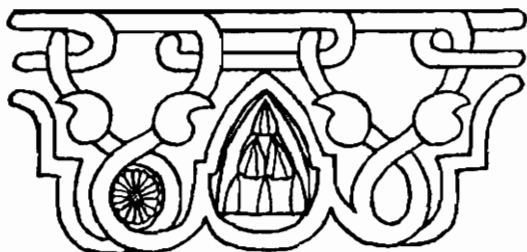
На портале медресе Каратай ритм основной декоративной линии в определенной степени нарушен тре-

мя медальонами, или розетками с глубоким рельефом. Такие медальоны — характерная черта этого стиля, часто они помещены не в самых подходящих местах. Одни специалисты объясняют использование медальонов Сельджукидами влиянием византийских изделий из металла, другие считают одной из вариаций вавилонского обычая украшать фасады зданий глазурованными изразцами. Наверное, наиболее правдоподобное объяснение этого явления давал Артын-паша: на Востоке первые украшения такого типа появились на щитах племенных вождей и исламских князей, а когда в конце концов сформировался обычай украшать этими личными гербами или монограммами дома и личные вещи их владельцев, то герб стали помещать в окружность, символизировавшую щит, на котором он впервые и был изображен. Если это соответствует действительности, то в результате внимательного изучения ранних розеток вполне можно будет обнаружить неправильную передачу геральдической символики (фото 39).

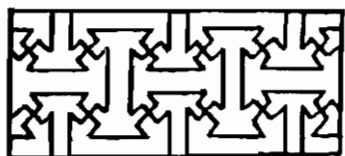
Портал медресе Сырчалы в Конье (1242) построен почти тогда же, когда и медресе Каратай, однако восточное влияние в нем ощущается сильнее. Это едва ли удивляет, ведь один из архитекторов, известный одновременно под именами Мухаммад и Осман ибн Махмет, оставляя на стене здания свое имя, с гордостью добавил, что он родом из Туса.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД

В портале мечети Сахиб Ата или Ларенде в Конье (1258), построенной Абдуллою ибн Келюком, и в медресе Чифте в Сивасе (1271) ниши, верх которых декорирован резьбой в виде сталактитов, сравнительно неглубокие, но все же имеющие форму кабошона медальоны, отделка глазурованной плиткой и чрезвычайно тонкая скульптурная работа свидетельствуют о наступлении третьего, и последнего, этапа развития декоративного искусства сельджуков — периода барокко (фото 11).

а

б

в

г

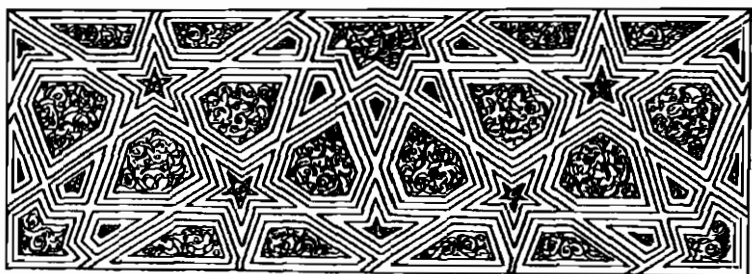
д

Рис. 29. Мотивы скульптурных рельефов улу джами и больницы для душевнобольных в Дивриги, 1228/29 г.: а — на капители; б — на колонне. Рядом с ней для сравнения дан мотив в — из Султан-хана на дороге Конья—Аксарай, 1229 г.; г — арабески и полумесяцы; д — геометрический мотив из цветочной композиции

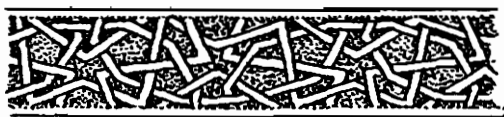
Украшающие улу джами и больницу для душевнобольных в Дивриги (около 1228 года) скульптурные изображения чрезмерно пышны и эклектичны, они смотрятся даже несколько варварскими в своем примитивном изобразении (фото 39—41, рис. 29, а—д). Азиатское влияние особенно заметно выразилось в отделке капителей (а), хотя, возможно, ее проще оценить, сравнив мотив украшений одной из колонн больницы (б) с очень похо-

жим узором классического периода в султан-хане (в). В лепнине Дивриги чувствуется влияние декоративного убранства Хамадана и таких сооружений, как Рабат-и Малик недалеко от Бухары (1050—1080) или Гумбат-и Саркх в Марагхе (1147), однако, в дополнение к этому, данный стиль отражает индийский вкус в декорировании розеток, а в мотиве полумесяца, который постоянно повторяется в его отделке, — характерный стиль индийских ювелирных техник (фото 39, 40, 41).

В Амасье, где в основном использовались декоративные элементы, заимствованные из узоров Хорасана и Кавказа, была тенденция сосредотачивать на выбранном месте один мотив и повторять его до тех пор, пока он не образовывал целую панель, что создавало эффект выложенной глазурованной плиткой поверхности; хорошим примером этого стиля является отделка тюрбе Турумтая. В Кайсери и в Сивасе тоже присутствуют кавказские узоры, но в Сивасе их значительно меньше (фото 46). Художники Кайсери особенно любили круп-

а

б

Рис. 30. *а* — фрагмент покрытого резьбой деревянного пола XIII в.;
б — геометрические узоры сочетаются с арабесками,
 размер примерно 170 × 90 см; геометрический узор на основе
 кувфического письма из медресе Бююк Каратай, Конья, 1251 г.

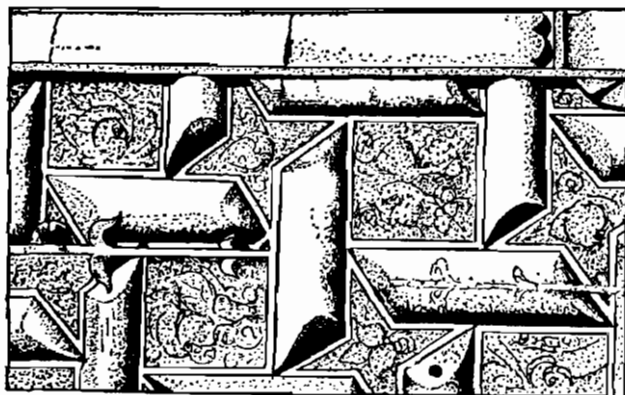

Рис. 31. Скульптурный мотив из улу джами Дивриги, 1228/29 г.

ные композиции геометрических узоров и меандры, они комбинировали эти раппорты с изящными арабесками и использовали данные композиции как для того, чтобы подчеркнуть некоторые констукционные особенности сооружений, такие, как основания минаретов, окна, порталы, так и для создания фриз (рис. 30). Как и в кюмбете Дёнер, они тоже сочетали их с изображениями животных и растений. Но, несмотря на то что многие полосы переплетений, косы и прямоугольные орнаменты из пересекающихся линий, вероятно, пришли и в Кайсери, и в Дивриги с Кавказа, сначала они должны были попасть в Хорасан — дело в том, что они воспроизводят в камне тот вид декоративной отделки, который применяется главным образом для кирпичных строений (рис. 31).

ПОЛОСЫ И ЛЕНТЫ

В Сивасе полосы и ленты в основном были параллельными, а не разорванными и перекрещивающимися, что характерно для Кавказа (фото 14). Тем не менее полосы, украшающие барочный портал медресе Индже

Минарелы в Конье (1258) — еще один образец творчества Абдуллы ибн Келюка, — сильно отличаются от двух упомянутых выше типов (фото 8). Создается впечатление, что они имеют отношение скорее к кирпичной кладке некоторых зданий Аббасидов в Месопотамии и таких дворцов Омайядов, как Кербет ал-Мафья, или коптских церквей, как Дейр эс-Суриани в Нижнем Египте. Последняя была основана в X веке архиепископом Моисеем из Нисибина; она украшена таким же глубоким рельефом, что и медресе Индже; помимо этого, у нее есть так много общего со скульптурными изображениями улу джами в Дивриги и с башней Махмуда в Газне, что едва ли стоит исключать вероятность того, что идеи Средней Азии проникли даже в столь отдаленные регионы, как Египет.

МОТИВЫ ОРНАМЕНТОВ

Другой мотив — виноградная лоза — тоже вполне мог попасть к сельджукам с Востока, а не с Запада, ведь он с ранних времен существует в маздаизском искусстве в

Рис. 32.
Мотив виноградной лозы, медресе Бююк Каратай, Конья, 1251 г.

а

б

Рис. 33. Варианты цветочного мотива с тюльпанами или лотосами:
а — резьба на деревянной двери XIII в. из кешка Чинлы, Стамбул;
б — в отделке Султан-хана на дороге Конья—Аксарай, 1229 г.

Рис. 34. Растительный мотив — лист из двух долей

a

б

в

г

Рис. 35. Варианты растительных мотивов с двудольным листом и тюльпаном: *a* и *б* — из медресе Сырчалы, Конья, 1242 г.; *в* и *г* — из мечети Ала ад-дина, Конья, 1219/20 г.

качестве символа Хварены¹ (рис. 32). В большей степени характерным для сельджуков является мотив тюльпана или лотоса (рис. 33, *a*, *б*). Среди всех этих постоянно повторяющихся образов, каких-то более свойственных Востоку, каких-то Западу, а каких-то общих для всех цивилизаций Древнего Востока, один преобладаю-

¹ То есть символа Божьей благодати, в Древнем и Сасанидском Иране.

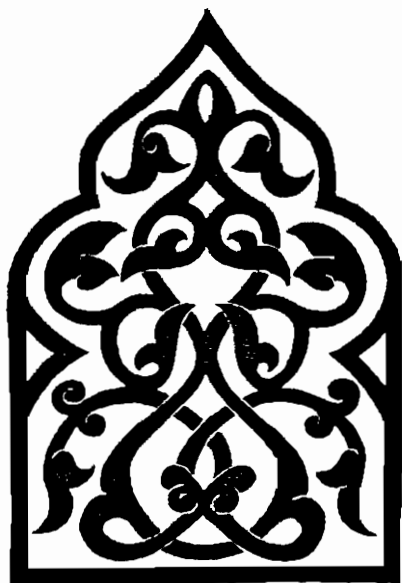

Рис. 36. Глазурованный изразец с изображением двудольного листа из мавзолея Сахиб Аты, Конья, 1282 г., размер изразца — 18 × 12 см

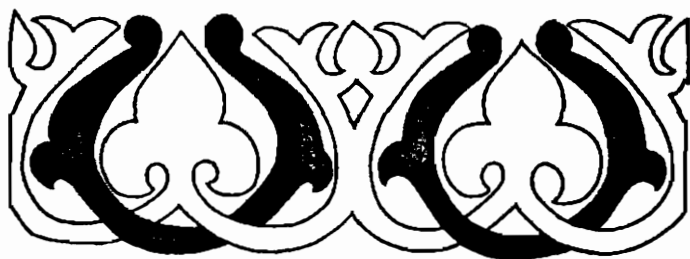

Рис. 37. Мозаичная плитка с рисунком из двух оттенков синего цвета, медресе Сырчалы, Конья, 1242 г., ширина около 10 см

ший мотив можно считать чисто сельджукским. Вероятно, он был изобретен ими самими и потом использовался их художниками настолько часто и широко, что он воспринимается как личное клеймо сельджуков. Это рисунок плоского листа, как правило состоящего из

Рис. 38. Изразец с узором из двудольных листьев, размер 20 × 30 см

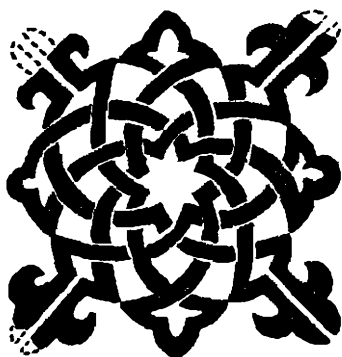
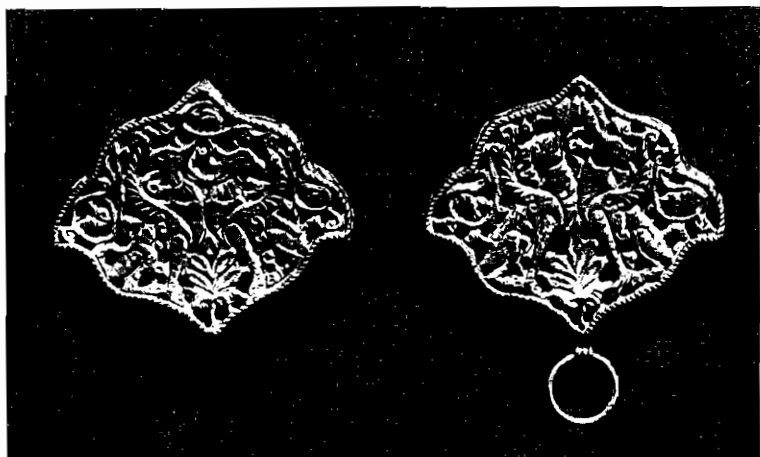

Рис. 39. Глазурованный изразец с характерными мотивами, размер 20 × 20 см

двух долей (рис. 34). Иногда между ними изображалась третья доля. В любом случае одна из боковых долей неизменно бывает вытянутой и слегка заостренной. К данному мотиву прибегали при создании виньеток, бордюров, окантовке сложных композиций и орнаментальных концевых украшений; так, он был использован даже в отделке рукоятей двух мечей из собрания Коюноглу (рис. 35, а—г, 36—38). Подобно кельтским и англосаксонским художникам-декораторам, сельджуки могли вычерчивать самые сложные рисунки от руки, вплетая каждый находившийся в их арсенале элемент в замысловатые повторяющиеся орнаменты; они создавали их без помощи каких-либо математических инструментов, в итоге часто получая асимметричные узоры (рис. 3, а, б, 39).

64

65

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИМВОЛИКИ

Во времена Сельджукидов многие древние образы продолжали сохранять свое символическое значение в значительной степени благодаря тому, что они по-прежнему использовались в астрологии; вероятно, этим объясняется та частота, с которой они встречаются в искусстве этого периода (рис. 41). Звезды с 5—12 лучами повторяются постоянно, в том числе и на монетах, где они, возможно, символизируют Венеру (рис. 40, 42). В астрологии Венера является воплощением добродетели и символом возобновления жизни (фото 79, 80). В сочетании с полумеся-

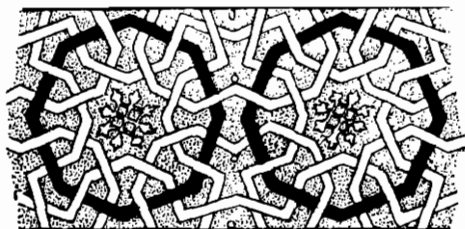

Рис. 40. Глазурованный изразец с изображением звезды в восьмиугольнике, который пересекают переплетающиеся полосы, размер 72 × 20 см

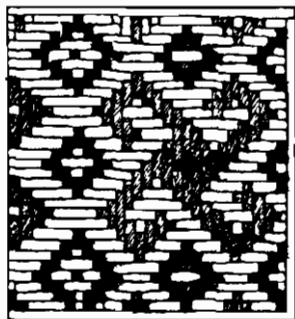

Рис. 41. Свастика и мотив бриллианта, отделка фасада медресе Сырчалы, Конья, 1242 г.

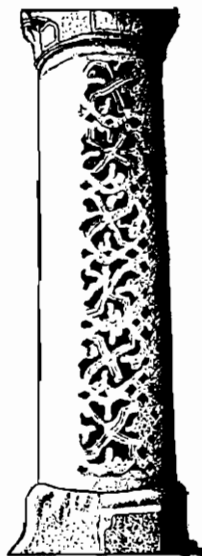

Рис. 42. Колонна, частично декорированная узором со звездами, медресе Чифте, 1253 г.

цем звезды могут означать встречу Венеры с Луной. С другой стороны, определенные отрывки из «Шахнаме» указывают на то, что символы солнца и луны имели политическое, а не магическое значение. Так, Кейхусров, на чьем лиловом знамени были изображены оба небесных тела, упоминал о том, что он слышал, «как мобеды говорили, что, когда луна туранов [тюрок] достигнет своего зенита, она будет побеждена солнцем Ирана». Следовательно, наверное, не случайно в скульптуре образы солнца и луны, как правило, находятся на одной и той же высоте — как, например, в больнице Дарушифа в Сивасе или в хане Ак (фото 45).

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ

Настойчивость, с которой образы животных повторяются у Сельджукидов, вполне может быть последним отзвуком жанра анималистики, с незапамятных времен находившегося в большом почете у народов Средней Азии и Древнего Востока. Образ оленя явно связан с искусством скифских и алтайских кочевников, особенно когда олень изображен лежащим, например на диске над дверным проемом Гёреги Бююк Теккеси (XIII век) в Никсаре (фото 42—44, 49—59, рис. 43). Некоторые завитки и спирали, которые с первого взгляда кажутся пришедшими из цветочных композиций, вполне могут быть навеяны сценами схваток, типичных для анималистики тех же регионов (рис. 44, а, б). С другой стороны, орлы, львы и, возможно, также соколы, скорее всего, обязаны своим существованием в декоративном

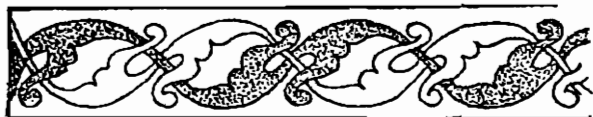

Рис. 43. Скульптурный рельеф лежащего оленя над дверью Гёреги Бююк Теккеси, Никсар

a

Рис. 44. a — фрагмент мозаики, выполненный в двух оттенках синего из медресе Сырчалы, Конья, 1242 г., ширина около 9,5 см; *б* — близкий по композиции узор из мавзолея визиря Сахиб Аты в Конье, 1282 г. Оба рисунка могли иметь общий прототип — сцену схватки животных

б

искусстве Сельджукидов в первую очередь соображениям геральдики или символики. Образ льва означал власть, отвагу и благородное происхождение, и, перенося на себя эти качества, многие сельджуки присоединяли слово «лев» (арслан) к своему имени (фото 49, 50). Искусство Сельджукидов уделяло этому животному достаточно большое внимание. В скульптурных работах его образ встречается в нескольких вариантах: иногда он напоминает хеттские прототипы, в других случаях, как, например, в ранней скульптуре из крепости Дивриги, чувствуется близость к скифским традициям, в иных — к эллинистическим. При этом в изображениях животных сельджуки часто делали отметины в виде точки и запятой или только запятой, которые характерны для искусства алтайцев¹.

Сельджукские варианты отметин можно увидеть и в изображениях других животных, например слона в попоне, когда-то украшавшего крепость Конья (фото 59). Временами, в полном соответствии с традициями скифов, появляются сочетания образов различных животных; иногда рисунок начинается с очертаний листа, а заканчивается какой-нибудь частью тела животного, например хвостом рыбы, или же превращается в сель-

¹ Автор имеет в виду не алтайский народ, а находки V в. до н. э. в курганах урочища Пазырык на Алтае. Прямая связь сельджукских изображений с искусством столь отдаленной культуры надуманна.

Рис. 45. Каменный скульптурный рельеф: грифон, крылья которого заканчиваются хвостом рыбы. Общий размер 100 × 80 см

джукский двудольный лист или в голову другого животного (рис. 45). Чаще всего подобные сочетания используются при изображении драконов (фото 57).

Драконы, в том числе и с каменной плиты из музея Каратая, не столь уж редки как в исламском, так и в сельджукском искусстве. Возможно, их популярность в Руме отчасти объясняется влиянием христианской живописи, однако более правдоподобное объяснение можно найти в «Шахнаме» — в том месте, где Фирдоуси называет дракона символом воюющего тюрка, сравнивая последнего с «опасным драконом, чье дыхание подобно огню и чья ярость подобна буре, приносящей беды». Наверное, такими же соображениями руководствовался халиф Назир, когда в 1227 году повелел поместить над воротами Талисман в Багдаде такое скульптурное изображение: он душит двух драконов, каждый из которых символизировал врагов халифа: один — монголов, а второй — шаха Хорезма.

Образ орла встречается в искусстве Сельджукидов так же часто, как и льва, он тоже был символом высокого происхождения (фото 52—55). Орлы изображались одноголовыми или двухголовыми существами, причем это могла быть голова как орла, так и льва или грифона. Некоторые скульптурные образы сильно стилизованы и сохраняют пришедшие из глубины веков отметины в виде точки и запятой; другие более натуралистичны; третьи близки к византийским образцам.

СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Скульптурные изображения животных у сельджуков часто бывают подлинными произведениями искусства, однако о скульптурных изображениях людей то же самое можно сказать очень редко. При этом на лучших образцах керамики человеческие фигуры нарисованы вполне реалистично. Самый замечательный образец скульптурных изображений человеческих фигур — это более крупная из двух пара гениев над воротами крепости Коньи. Они могли быть созданы как под влиянием искусства Саманидов, так и под влиянием искусства Рима, но более вероятно, что эта идея была подсказана двумя крылатыми Викториейми, установленными над великолепными воротами Кунигион в Константинополе, где они производили неизгладимое впечатление на всех входивших и въезжавших в город, среди которых, вероятно, были и сельджуки. Фигуры гениев — это вполне законченное произведение, в отличие от них большинство других фигур, похоже, были созданы ремесленниками, а не художниками. Основная масса таких рельефных изображений — сюжетно-тематические, как, например, каменная плита из Стамбульского музея турецкого и исламского искусства, на которой вырезаны двое воинов в кольчугах и островерхих шлемах — именно такие, по словам Фирдоуси, носили сельджуки (фото 61).

Забавная сценка высечена на плите из музея Индже Минаре в Конье; там показан сидящий на складной скамеечке человек, в одной руке в перчатке он держит сокола, в другой трогает щеку стоящего рядом небольшого человечка (фото 58). Вероятно, это монарх, беседующий с любимым слугой; форма камня напоминает римскую стелу. На более восточной по характеру работе изображен сидящий скрестив ноги человек, в руке которого круглый предмет (фото 60). В исламском искусстве эта тема нередка, ее корни уходят в творчество Сасанидов. Э. Кюхнель продемонстрировал, что халиф Муктадим (907—923) почему-то связывал фигуру тако-

го типа с фигурой лютниста: оба образа он поместил соответственно на каждой из сторон одной из своих монет; ко времени Сельджукидов и происхождение фигуры, и характерные для Сасанидов детали картины, где сидящий человек держит в руке чашу, были забыты и вместо сасандской чаши появился круглый предмет, в котором некоторые узнают яблоко. Интересно, что на голове человека на этом камне из Анатолии и фигур других скульптурных изображений этого периода нет тюрбанов — и это несмотря на то, что для тюрбанов султанов и их министров-администраторов специально импортировали особую шерсть. Одежда, запечатленная художниками-сельджуками, больше похожа на одежду киргизов XIX века, чем на облачение средневековых персов; вполне возможно, что в те времена в Малой Азии персидского стиля в одежде придерживались только высшие сословия, а рядовые сельджуки по-прежнему носили платье, характерное для восточных тюрков (рис. 46, 47).

Недавно исламский отдел Берлинского музея приобрел рельефную скульптуру лютниста периода Сельджукидов; данная работа выглядит более завершенной, чем какое-либо другое известное нам произведение такого рода той эпохи (фото 63). Это резьба по мрамору;

Рис. 46. Фигура человека в одежде того времени с изразца в форме звезды. Найден на месте дворца в Конье, размер — 7 × 6 см

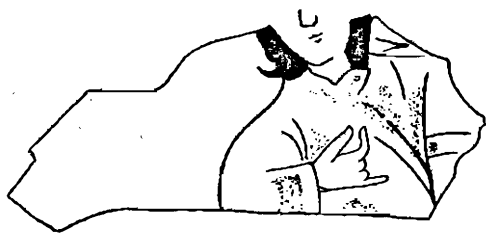

Рис. 47. Фрагмент глазурованного изразца из дворца в Конье. На человеке халат иного типа, чем изображенный на рис. 46. Длина изразца около 7 см

Рис. 48. Керамический сосуд с фигурами людей — судя по внешности, уйгуров

считается, что она привезена из Анатолии, хотя точное место ее происхождения не установлено. Э. Кюхнель показал, что лютнист был одним из наиболее популярных образов в исламском мире уже начиная со времен Сасанидов. В Средние века он появился в искусстве Фатимидов в Египте и в Туркестане; он стал любимым мотивом и у так называемых мосульских «художников по металлу» и присутствовал в росписях капеллы Палатино в Палермо. Фигуры музыкантов часто встречаются на керамике периода Сельджукидов в Персии и Анатолии. В том, что касается скульптурных изображений, это произведение из Анатолии не только уникально, но и весьма примечательно с точки зрения исполнения.

Столь же искусные изображения людей нередко падаются на фрагментах лепнины и керамики из Кубадабада и в Конье — на том месте, где раньше стоял дворец; многие из них в настоящее время экспонируются в музее Каратай в Конье (фото 75, рис. 51, 52). Более необычен сосуд с носиком из Этнографического музея Анкары, украшенный медальонами с фигурами людей; качество росписи ничуть не уступает аналогичным рисункам на персидской керамике того же периода (рис. 48). Состав материала сосуда отличает его от персидских, а стиль декоративного убранства, хотя и достаточно сильно напоминающий персидский, тем не менее вполне узнаваем и явно анатолийский. Качество предназначенной для повседневного использования ке-

рамики было более низким. Хранящаяся в музее в Кайсери чаша свидетельствует о том, что такая керамика имела мало сходства с производившейся в Персии; глазурь, цветовая гамма и в целом техника работы больше напоминает грубые виды изделий, изготавливавшихся в то время в византийском мире для удовлетворения потребностей бедных слоев населения (фото 74).

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ И ЛЕПНИНА

В декоративном убранстве внутренних помещений большая роль отводилась резьбе по дереву и лепнине. Вырезанные на деревянных ставнях и дверях узоры аналогичны тем, какими каменщики украшали свои здания. В мечетях деревянные минбары, или кафедры, тоже часто декорировали не менее затейливыми узорами (рис. 49). Самая ранняя и, наверное, самая красивая из них — это кафедра из слоновой кости, вырезанная в 1155 году уроженцем Ахлата Хаджи Менгуберти

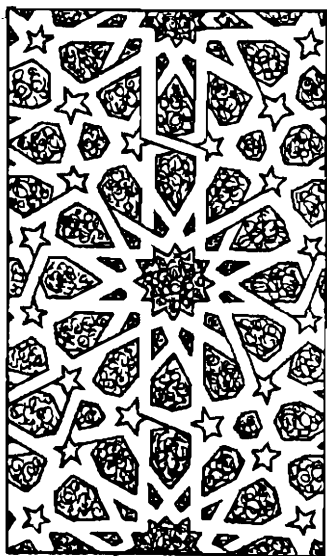

Рис. 49. Декоративный мотив резьбы на кафедре улу джами Дивриги

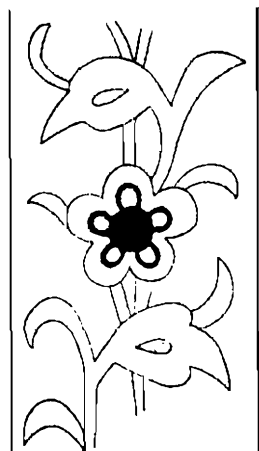

Рис. 50. Покрытый глазурью изразец со вставками лепнины из мавзолея Кылыч Арслана II, Конья, около 1192 г., ширина около 10 см

для мечети первой крепости Коньи (фото 66—68). Стиль его работ очень похож на стиль более ранней резьбы, образцы которой сохранились во многих районах Грузии и Армении, однако из этого совсем не обязательно следует вывод, что это ремесло появилось сначала на Кавказе и лишь потом в Малой Азии. Скорее всего, у них было общее происхождение — не исключено, что среднеазиатское, — а развивались они в своих регионах почти одновременно, с присущими каждому особенностями, но практически параллельно.

Еще одну возможность продемонстрировать свое мастерство предоставляли художникам михрабы. Самые красивые из них были отделаны лепниной, глазурованными керамическими изразцами или тем и другим вместе, причем лепнину выполняли в форме сталактитов, декорировавших ниши, или же в форме изящных арабесок и геометрических узоров, напоминающих по стилю персидские или арабские (рис. 50, фото 69). Среди различных декоративных элементов временами встречались великолепно выполненные цитаты из Корана. Стиль такой работы сильно отличается от той, к которой прибегали при создании фризов и деталей облицовки дворцов Кейкубада. Поскольку эти детали облицовки

цовки — диски и небольшие панели — предназначались для украшения светских зданий, на них изобиловали образы людей и животных. Несмотря на то что многие фигуры имеют небольшие размеры, по своему характеру они монументальные и невольно заставляют вспомнить большую лепную панель, где изображены атакующие друг друга и преследующие львов и драконов всадники; некоторое время назад она была выставлена в Стамбульском музее древностей.

Невероятно красивы многие отделанные глазурованными изразцами михрабы. Один из самых примечательных и, кстати, самый старый из алтарей этого типа по-прежнему стоит в мечети Ала ад-дина в Конье. Его передняя поверхность отделана мозаикой, выполненной в трех оттенках синего; на бирюзово-синем фоне выделяются письмена накши, а на темно-синем — куфический текст. Возможно, этот михраб, как и купол мечети, был создан Карим ад-дином Эрдим-шахом, чье имя упомянуто в одной из надписей на стенах мечети. Ничем ему не уступает михраб в джами Гюлюк в Кайсери (1210), да и более поздняя отделка глазурованной плиткой в мечети Сахиб Аты в Конье (1258/59) с течением времени не утратила былой красоты (фото 69).

ГЛАЗУРОВАННЫЕ ИЗРАЗЦЫ

Вершин мастерства сельджуки достигли в производстве глазурованных керамической плитки и кирпичей, которыми они с большим мастерством отделывали обширные участки поверхности снаружи и изнутри зданий (фото 5). Используя в культовых сооружениях изразцы были бирюзового цвета либо вообще без украшений, либо со звездами или цветочными мотивами (рис. 50); на изразцах для светских зданий часто изображали фигуры людей или животных (рис. 46, 47, 51, 52). Вероятно, сельджуки научились изготовлению плитки у персов, однако в Малой Азии они работа-

Рис. 51. Изразец из Коньи с изображением человека уйгурской внешности. Высота около 8 см

Рис. 52. Фрагмент изразца из дворца в Конье

ли независимо, материалом для них служила глина на основе кремния. Их цветовая гамма ограничивалась тремя основными оттенками синего: темно-синим — почти черным, индиго и бирюзовым, причем интенсивность каждого из оттенков сильно варьировалась. Кроме того, часто они использовали белый цвет, значительно реже темно-коричневый, изредка розовый и желтый; кстати, в монарших покоях желтый, как правило, заменяли золотом.

В Средние века во всем исламском мире эти цвета выполняли функции политических эмблем. Согласно «Шахнаме», в Персии оттенки синего от бирюзового до ультрамарина выполняли функции национального цвета, черный и темно-коричневый были национальными цветами огузов и Аббасидов, белый ассоциировался с Омейядами и Пророком, и только значительно позже его сменил зеленый, впоследствии ставший цветом тех, кто вел свое происхождение от Мухаммада, а также тех, кто совершил хадж в Мекку. Едва ли можно объяснить

небольшое разнообразие цветов в палитре сельджукских художников-керамистов недостатком технических навыков, поэтому велик соблазн отнести этот феномен на счет того, что тогда еще существовал код цветовой символики, и согласиться с тем, что сельджуки использовали три цвета, по-прежнему сохранявшие политическое значение в исламском мире — синий, белый и черный, — для того, чтобы подчеркнуть свою собственную значительность. Возможно, к розовому, как к одной из разновидностей царского пурпура, они стали прибегать под влиянием Византии, а присущая китайцам любовь в желтому цвету у сельджуков вылилась во включение желтого и золотого в их палитру.

Лучшие экземпляры изразцов сельджуков ничуть не уступают аналогичным изделиям других народов, а сложенные из них мозаики и надписи, напротив, превосходят их. Для того чтобы сложить мозаику, глазурованные плитки разрезали на куски разнообразной формы, после чего фрагменты подгоняли вплотную один к другому. Эта задача становилась значительно сложнее, когда требовалось сделать надпись: в таком случае буквы либо вырезали из глазурованной плитки и затем закрепляли их на цветном фоне, либо намечали их прямо на сыром изразце, а потом покрывали его глазурью и обжигали.

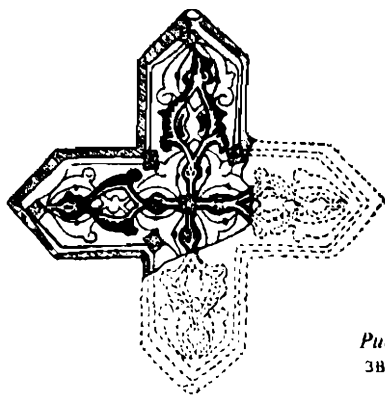

Рис. 53. Фрагмент изразца в форме звезды из дворца в Конье, размер 6 × 6 см

Уровень мастерства, необходимый для создания таких изделий из керамики, наиболее полно проявился при производстве изразцов, украшавших дворцы султанов (рис. 53). Многие изразцы имели форму звезды, поэтому для их более плотной подгонки они обязательно должны были быть изогнуты с одной стороны, а соответствующая ей сторона другого изразца немного срезана (фото 69). Цветовая гамма была богатой, важное место в ней отводилось золотому. Декоративные орнаменты наносились на изразец перед обжигом, в их числе были арабески или вариации на темы арабесок, в основе которых лежали треугольники или другие геометрические фигуры со сглаженными углами. Небольшое пространство в центре узора заполняли изображением человеческой фигуры или цветком. Рисунок всегда очень четкий и одновременно изящный.

ЖИВОПИСЬ

К сожалению, нам известно только одно живописное произведение периода Сельджукидов — на внутренней стороне подставки для Корана, подаренной в 1278 году Джалал ад-дину Руми Камал ад-дином Сахиби (фото 72, 73). Несмотря на то что в целом рисунок сохранился плохо, достаточно четко видны его основные мотивы — цветочные спирали, орлы и львы, и это позволяет сказать, что по стилю он похож на фрески капеллы Палатина в Палермо; кроме того, он дает нам представление о том, как выглядели росписи Кешка в Конье.

Если уж о живописи сельджуков нам мало что известно, то мы почти ничего не можем сказать о разнообразии и качестве тех многочисленных предметов, которыми богатые Сельджукиды любили себя окружать, — дело в том, что практически все сколько-нибудь ценные предметы были утрачены. Как известно, примерно в 1200 году правитель Артукид владел замечательными водяными часами, которые сделал по его заказу великий механик Джазири, однако, несмотря на то что есть

все основания полагать, что султаны-Сельджукиды владели не менее редкими и ценными вещами, чем часы, ни одна из них до наших дней не сохранилась.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА

С тех времен, когда были сделаны орхонские надписи, и по настоящий день тюрки отличались умением работать с металлом, и все же до нас дошли лишь отдельные созданные кузнецами-сельджуками изделия, да и то далеко не самого высокого качества (фото 42, 48). В целом в Малой Азии достойно внимания только одно бронзовое с эмалью блюдо, изготовленное для правителя Артукида Сукмана в первой половине XII века (фото 64). В настоящее время оно хранится в Инсбруке; и форма, и декоративная эмаль блюда указывают на сильное влияние одновременно Византии и Персии. Более характерное для Анатолии изделие — это весы; среди этих изделий следует отметить экземпляр из бронзы из Национальной библиотеки в Париже (фото 47). Сельджукские весы того же типа из собрания Коюноглу выглядят более неуклюжими (фото 48), а вот золотая пряжка, принадлежащая Берлинскому музею, приятно удивляет своим рисунком и мастерским исполнением (фото 65). По стилю она ближе к скульптуре Кавказа, чем к изделиям из бронзы периода Артукидов или к персидскому ювелирному искусству, и все же явное сходство с некоторыми анатолийскими образцами резьбы по камню позволяет с полной уверенностью отнести ее к Малой Азии.

ТКАНИ

Те немногие фрагменты шелковой парчи эпохи Сельджукидов, которые сохранились до наших дней, представляют собой прекрасные образцы текстильного искусства. В те времена такие ткани очень любили и они

пользовались огромным спросом. Хотя в весьма двусмысленном пассаже из «Путешествий» Марко Поло, похоже, речь идет о том, что и их, и сельджукские ковры делали ткачи-христиане, и хотя представляется очень вероятным, что в мастерских христиане работали бок о бок с мусульманами, тем не менее просто невозможно утверждать, что рисунки дошедших до нас фрагментов парчи были придуманы исламскими художниками. На бордюре великолепного куска парчи, хранящегося в Музее ткани в Лионе, выткано имя Ала ад-дина Кейкубада, а рисунок типичный для Сельджукидов (фото 77). Ничуть не хуже его по качеству и столь же характерен для сельджуков еще один отрез парчи, два фрагмента которого уцелели в Германии; на них центральный рисунок состоит из двуглавого орла, заключенного в наминающую сердце ромбовидную фигуру, похожую на изображенную на чаше из Кайсери (фото 74, 78). Несмотря на то что эту фигуру принято связывать со щитом из западной геральдики, но она также существует и в исламской геральдике, где она в свое время, вероятно, служила символическим обозначением особого знака, врученного человеку при вступлении в какую-то должность; позднее подлинный смысл этого символа был утрачен.

Хотя бордюры на этих лоскутах не сохранился и, соответственно, поэтому на них нет никаких надписей, едва ли можно усомниться в том, что эти ткани были сотканы в Анатолии для монаршей особы. Кроме того, напрашивается предположение, что они обе были сотканы в одной придворной ткацкой мастерской.

Травчатый шелк — такой, как эти образцы, — чрезвычайно редкая вещь, однако в списке подарков султанам Оттоманской (Османской) династии под одним из первых номеров числится халат, который Кейхусров III отправил Осман-бею; в описании сказано, что этот халат с коротким рукавом сшит из материала с вытканными на нем полумесяцами. Этот халат не сохранился, а вот одежда, принадлежавшая сыну Джалал ад-дина Руми Султану Валаду и выставленная сейчас в музее Мевла-

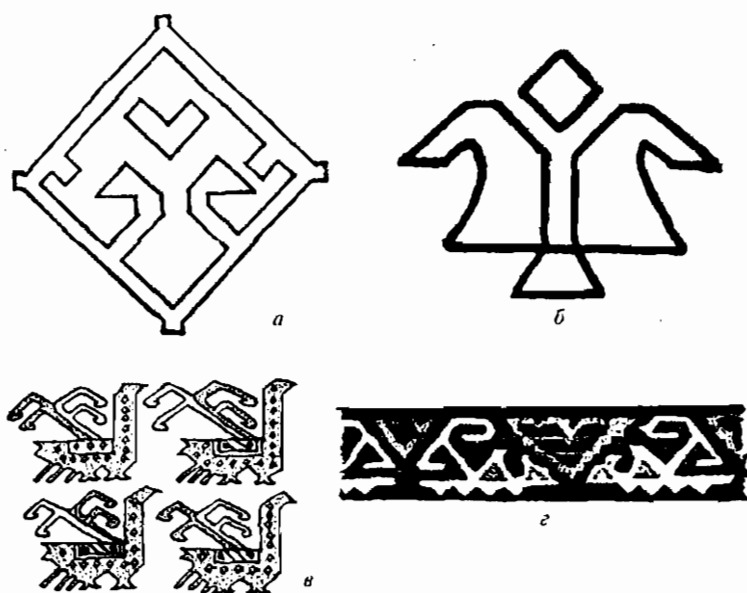

Рис. 54. Мотивы рисунков со стилизованными изображениями животных, возможно, лошадей, обращенных друг к другу спицами: а — с ковра из мечети Ала ад-дина в Конье (фото 76); б — с конийского ковра, найденного во время раскопок в Египте; в и г — с двух ковров из мечети Ала ад-дина в Конье

на в Конье, сшита главным образом из ткани в полоску или клетку.

Ковры Сельджукидов славились еще во времена существования их империи, и мнение о том, что их ткали христиане, явно ошибочное, ведь ковроткачество испокон веков было традиционным занятием кочевников; даже византийцы, достигшие вершин совершенства почти во всех ремеслах, как складывается впечатление, вообще никогда не ткали ковров. Сотканые сельджуками ковры составляют особую группу и известны под названием конийских. В данную группу, самостоятельное значение которой признали только в 1905 году, входит 8 ковров, прежде принадлежавших мечети Ала ад-

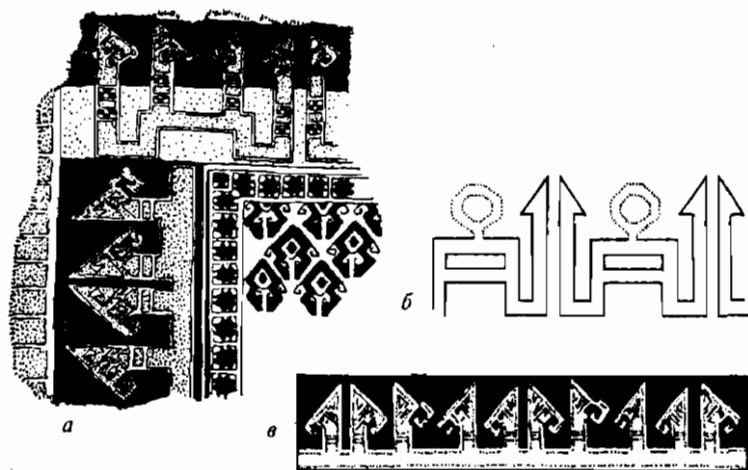

Рис. 55. а — фрагмент почти целого ковра из мечети Ала ад-дина в Конье. Ширина около 3 м (см. также фото 76); б — участок бордюра того же ковра со слишком сильно стилизованными куфическими буквами; в — бордюр со слишком сильно стилизованными куфическими буквами с конийского ковра XIII в., найденного в Фостаре

дина в Конье, и 3 ковра из мечети Ашрафоглу в Бейшехире (фото 70, 76). В настоящее время они находятся в музее Мевлана в Конье. Несколько экземпляров ковров этого же типа принадлежат Стамбульскому музею турецкого и исламского искусства, еще несколько штук, хотя и были куплены в Египте, несомненно, были созданы в Анатолии и сейчас хранятся в Швеции. Все они сотканы из шерсти в две нити, на квадратный сантиметр приходится по 40 узелков. В коврах сельджуков преобладают следующие цвета: светло- и темно-коричневый, охра, светло- и темно-красный, голубой и темно-синий, пурпурный и зеленый; основной узор имеет вид незаконченного переплетения. Два ковра из мечети Ала ад-дина настолько велики, что, по мнению К. Эрмана, для них были нужны специальные ткацкие станы, а из этого он делает вывод, что они были изготовлены в придворных мастерских.

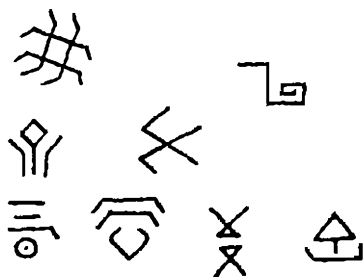

Рис. 56. Несколько образцов среднеазиатских клейм XX в., рисунки которых встречаются на коврах эпохи Сельджукидов, например изображенных на фото 54 и 55

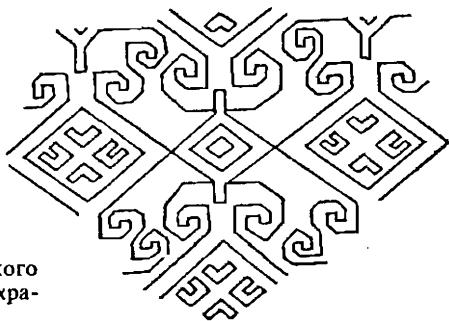

Рис. 57. Фрагмент конийского ковра, в настоящее время хранящегося в Швеции

Многие ковры украшены рисунками в форме звезды и розеток, что очень живо напоминает о пазырыкских войлоках с аппликацией (фото 70); в основе других узоров, вероятно, лежат образы птиц, животных и человека (фото 54); третьи состоят из образующих бордюры куфических букв — так сильно стилизованных, что они стали почти нечитаемыми (рис. 55, а—в); одновременно отдельные детали узора стали очень сильно напоминать элементы, широко использовавшиеся в искусстве алтайцев¹. Некоторые виды узоров, судя по всему, произошли от клейм, которыми ранние кочевники метили свой скот, а более поздние огузы — личные вещи, что, в свою очередь, напоминало гал — треугольную отмет-

¹ Вновь параллель с древними курганами Алтая, основанная лишь на романтических представлениях о месте происхождения тюркских народов.

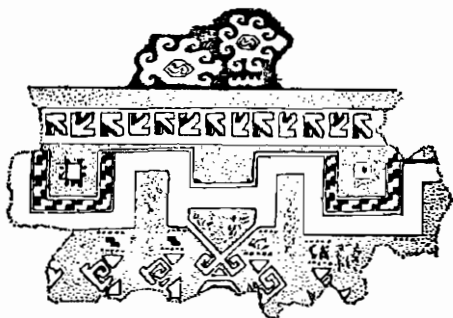

Рис. 58. Фрагмент большого ковра из мечети Ала ад-дина в Копье

ку, бывшую в ходу у более близких к нашим временам туркмен. Артын-паша отмечал, что в его время у женщин Средней Азии по-прежнему было принято ткать на коврах клеймо, которыми их мужья метили свой скот. Вполне возможно, что древние знаки этого типа попали в Малую Азию вместе с кочевниками, а уже от них — к ткачам, причем последние продолжали использовать в рисунках своих ковров знаки, смысл которых для них был утрачен (рис. 57, 58).

Время жестоко обошлось с художественным наследием Сельджукидов Малой Азии. И хотя достаточно много памятников зодчества все же уцелело, подавляющее большинство имеет значительные повреждения; из небольших произведений искусства утрачено практически все. Тем не менее все то немногое, что осталось, полностью опровергает утверждения тех ученых XIX века, которые считали сельджуков одним из примитивных народов, не умевшим строить и лишенным художественного таланта. Если задуматься о бурных событиях их короткой истории, попытаться оценить их достижения в сфере управления и познакомиться с их произведениями искусства и литературой, то нельзя не поразиться тому, что такая сравнительно небольшая группа кочевников сумела в течение примерно двух веков создать собственную империю, включив в нее территории первоначально более крупных государств, а в этой империи — самобытную культуру, и, кроме того,

объединить все проживавшие в ней народы чувством национального единства, которое в итоге позволило ему пережить монгольскую оккупацию, не утратив силы духа. Благодаря присущей им удивительной энергии за сравнительно короткий временной отрезок своего существования Сельджукиды смогли превратить Средние века исламского мира в интересный и действительно важный период в истории мусульманского искусства и культуры.

Приложение I

СУННИТЫ, ШИИТЫ, ИСМАИЛИТЫ И АССАСИНЫ

К середине VIII века нашей эры падение династии Омейядов и возвышение династии Аббасидов привели к возникновению больших волнений среди мусульман. Многие ударились в раскольничество, другие приветствовали рост различных религиозных сект, и довольно быстро все мусульмане поделились на две в равной степени преданные и почти равные по численности группы. Более крупная состояла из правоверных мусульман, поддерживавших багдадских халифов Аббасидов; они называли себя суннитами — от арабского слова «сунна» — «правоверная традиция» или «символ веры». Они были убеждены в том, что все полностью учение Пророка выражают только сунна (собрание текстов о деяниях Мухаммада, содержащая также его изречения и суждения) и аксиомы первых имамов. Поэтому они придавали сунне самостоятельное значение, хотя одновременно и признавали ее дополнением к Корану, который, по их мнению, Аллах слово в слово продиктовал Пророку.

Второй группой были шииты; они были меньшими догматиками, однако находились в оппозиции к Аббасидам и поддерживали притязания египетской династии Фатимидов. Эта династия принадлежала к шиитам, они называли себя Фатимидами в честь Фатимы — любимой дочери Пророка и жены его любимого ученика Али, о своей преданности которой они заявляли. Основная масса мусульман Персии тоже была шиитами, в X и XI ве-

ках шиитами были и Буиды из Хорасана — автократическая иранская династия, ведущая род от легендарного героя Бахрам-Гура.

В XI веке Фатимиды взяли под свою защиту одну из шиитских сект — исмаилитов. Среди их новообращенных был шиит из Персии, по его словам, уроженец Туса, хотя на самом деле он родился в Хорасане. Этому человеку по имени Хасан ас-Саббах было суждено остаться в истории, ведь, несмотря на все выдумки о том, что Низам ал-Мульк, Омар Хайям и Хасан ас-Саббах были современниками и однокашниками, он действительно стал Чемберленом Алп Арслана. Во второй половине жизни ему довелось сыграть значительно более важную роль, чем та, которую ас-Саббах играл в качестве придворного.

Став исмаилитом, Хасан покинул столицу и поселился в практически неприступной крепости Казир-Руд, больше известной на Западе под названием Аламут, или «Орлиное гнездо». Она находилась в Хорасане на самой вершине высокой горы немного к северу от Казвина и к югу относительно Каспийского моря. Там Хасан организовал братство фанатиков политической направленности, а сам стал его главой. Цель братства заключалась в том, чтобы свергнуть Аббасидов путем совершения политических убийств и сделать халифами Фатимидов. Членов секты называли хашишийун, или курильщиками гашиша, поскольку один из ее отцов-основателей, Абул Малик ибн-Тутач, был врачом и хорошо разбирался в вопросах употребления гашиша. Он давал наркотик братьям, занимавшим самое высокое место в иерархии, то есть входившим в окружение Хасана, и запрещал его употреблять рядовым членам братства, «ангелам-разрушителям», по той причине, что это влечет за собой появление вялости и апатичности. Именно «ангелам-разрушителям» вменялось в обязанность совершение политических убийств, которые им поручал глава братства; они выполняли его распоряжения с невероятным бесстрашием, часто заранее предупреждая будущую жертву о намеченном убийстве и даже

стремясь убить ее на глазах у народа — и это несмотря на то, что таким образом они сами рисковали почти наверняка быть растерзанными разъяренной толпой. Те, кому удавалось избежать гибели, возвращались в Аламут, где их ждало повышение и наслаждение курением гашиша. Вот таким образом в европейские языки вошло слово «ассасин» (наемный убийца) — искаженное «гашишийун», а в историю магометанства были добавлены многие мрачные и постыдные страницы.

Приложение II

САМАНИДЫ И ГАЗНЕВИДЫ

Саманиды, как и визири халифа Бармакиды, были выходцами из Балха и, вероятно, персами по национальности, хотя некоторые специалисты считают, что они могли быть таджиками. В X веке они правили Хорасаном, в который тогда входили северные районы Персии, Герат и значительная часть Средней Азии; столицей Хорасана была Бухара. Принадлежавшие к суннитам Саманиды были вассалами Аббасидов. В X веке под напором огузов, теснивших их и на границах Хорасана, и внутри страны, — дело в том, что Саманиды стали нанимать огузов в свою армию, — начался постепенный упадок династии.

Среди иностранцев, находившихся в услужении у Малик-шаха из династии Саманидов, был огуз по имени Сабук-тегин. В 961 году в награду за прекрасную службу Малик-шах назначил огуза управлять Хорасаном. Через три года, забыв о клятве верности, Сабук-тегин объявил себя правителем страны со столицей в Газне. Газна располагалась в Афганистане примерно в 160 километрах к юго-западу от Кабула на главном караванном пути из Персии к Гангу. Таким образом, эта дорога связала новое государство с Индией; поскольку правитель страны принадлежал к суннитам, то, заявив о поддержке халифов Аббасидов, он автоматически становился заинтересованным лицом в том, что касалось происходивших в Багдаде политических событий.

ХОРЕЗМСКОЕ ЦАРСТВО

У чиновника-огуза Бильге-тегина был слуга по имени Ануш-тегин, которого он взял с собой при переезде в Мерв на службу к правителю Саманиду Малик-шаху. Вскоре Ануш-тегин умудрился получить назначение на пост управляющего монаршей баней и прачечной. Это было очень выгодное место, поскольку данное учреждение существовало на доходы, поступающие из Хорезма; в результате его управляющий автоматически становился правителем Хорезма. В начале нашей эры Хорезм был процветающим независимым государством. Одним из первых он принял ислам, что повлекло за собой приход в страну ряда персидских обычаев, причем одновременно под давлением огузов хорезмцы постепенно поддавались тюркскому влиянию. В конце концов им пришлось признать Саманидов своими суверенами. В 1097 году восстание (окончившееся неудачей) вынудило правителя Саманида отправить сына Ануш-тегина в Хорезм восстанавливать порядок; тот служил верно и управлял умело, а на досуге покровительствовал искусствам. После его смерти в 1127 году этот пост унаследовал его сын Атзыс, которому удалось получить полный суверенитет, присоединить Дженд и богатые угодья в низовьях Сырдарьи. Разгоревшееся там восстание кочевников дало султану Санджару предлог для отправки в Хорезм карательной экспедиции. 15 ноября сельджуки одержали победу в решающей битве, и, хотя Атзыс смог в ней уцелеть, султан сельджуков назначил правителем Хорезма своего племянника Сулеймана. Через несколько месяцев Атзысу удалось свергнуть Сулеймана, и тот бежал ко двору Санджара; вскоре из-за нового восстания кочевников сельджукам пришлось вновь прийти в междуречье Сырдарьи и Амударьи, однако на этот раз Атзыс сумел разбить их войско и изгнать сельджуков из своего царства.

В 1152 году Атзыс отправился повторно покорять Дженд. К 1156 году он практически восстановил территорию своего бывшего царства, однако внезапно в воз-

расте 59 лет его разбил паралич. Очень быстро после этого он умер, однако к тому моменту он уже смог восстановить независимость Хорезма и стать основателем достаточно сильной династии. На посту правителя Хорезма Атзыса сменил его сын Арслан; поскольку он уделял очень много внимания укреплению армии и привлечению в нее свежего пополнения, через короткое время он стал самым могущественным правителем на восточной окраине мусульманского мира. Его сын и преемник Такаш вновь завоевал Герат; Хорезм был мощным независимым государством вплоть до 1232 года, когда он пал под ударами сельджуков Румского султаната. А вскоре после этого монгольское нашествие положило конец обеим династиям.

Приложение III

ЗДАНИЯ С ГЛАЗУРОВАННЫМИ ИЗРАЗЦАМИ

Акшехир. Кюмбет Сеита Махмута Хайрани, 1237 г.

Амасья. Тюрбе в джами Бурмалы, 1237—1247 гг.

Анкара. Алтарь в мечети Арслан-хана, лепнина и изразцы — прекрасный пример стиля барокко, 1289 г.

Бейшехир. Джамии Ашрафоглу, 1296 год. Хранившиеся здесь найденные на развалинах дворца султана фрагменты изразцовой облицовки в настоящее время экспонируются в музее Каратай в Конье.

Бирге. Улу джами, 1312 г.

Кайсери. Алтарь джами Гюлюк, 1210 г.

Конья. Мавзолей Кылыч Арслана II. Алтарь мечети Ала ад-дина. Медресе Сырчалы, 1242/43 г. Медресе Бююк Каратай, 1251. Мечеть Сахиб Аты (или Ларенде), 1258/59 г. Портал медресе Индже Минаре, 1271 г. Изразцы из кешка в Конье выставлены в музее Каратай, Конья.

Малатья. Улу джами, 1237 г.

Сивас. Мавзолей султанов в больнице Дарушшифа, 1217 г. Медресе Гёк, 1271 г.

Соке. Мечеть Ментешоглу Сулейман-бей, 1299 г.

Токаг. Медресе Гёк, 1270 г.

Чай. Медресе, 1258 г.

Эрзурум. Медресе Чифте Минаре, 1253 г.

ПРИМЕРНАЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА СЕЛЬДЖУКСКИХ ПОСТРОЕК В МАЛОЙ АЗИИ

Год нашей эры	Год хиджры	Местонахождение	Сооружение
1030	426	<i>Майфарыкын</i>	Улу джами, восстановлена в 1152—1157 гг.
1063	458	<i>Диярбакыр</i>	Базальтовый мост. Первая улу джами, заложена якобы султаном Малик-шахом Илалди и его сыном Махмутом.

ТАМАРА ТЭЛБОТ РАЙС. СЕЛЬДЖУКИ

Год нашей эры	Год хиджры	Местонахождение	Сооружение
1122	516	<i>Мардин</i>	Медресе Ничм ад-дина Гази.
1135—1140	530—535	<i>Кайсери</i>	Улу джами, построена Данишмендидами.
1145	540	<i>Никсар</i>	Амасья Диярбакыр Пазарёрен Улу джами, построена Данишмендидами. Мост Кус. Мост Ильтакин. Мост Майдан (Султан), построен на средства Хунди-хатун, дочери султана Масуда I. Ворота Майдан. Тюрбе Малика Гази, возведен Данишмендидами.
1145/46	541	<i>Амасья</i>	Тюрбе Халифета Гази.
1147	542	<i>Майяфарыкын</i>	Улу джами, основана Хаджим ад-дином Алпи ибн Тимурташем. Мост над рекой Батман между Майяфарыкыном и Ахлатом.
1154	549	<i>Эрдебиль</i>	Медресе, восстановлено в 1232 г.
1156	551	<i>Аксарай</i>	Мечеть Ала ад-дина, заложена Кылыч Арсланом I.
		<i>Конья</i>	Окончание строительства первой мечети Ала ад-дина. Тюрбе Кылыч Арслана, возведен Юсуфом из Хокана до 1192 г.
1157	552	<i>Никсар</i>	Медресе Ягыбасан, основано Данишмендидами.
1162	557	<i>Конья</i>	Мечеть Иплыкчи, заложил визирь Абу Саид Алтынапа; достроена в 1182-м или в 1202 г.
1165/66	561	<i>Харпут</i>	Улу джами, построена Артукидами.
1167	563	<i>Диярбакыр</i>	Башня Бадан, построена Мухаммадом из династии Артукидов; восстановлена в 1184 г.
1176	572	<i>Мардин</i>	Улу джами Минаре.
1179	575	<i>Эрзурум</i>	Улу джами, возведена Салтукидами.
1180/81	576	<i>Дивриги</i>	Крепость и мечеть в крепости, построены на средства эмира из династии Менгучеков Сулеймана Шахан-шаха; мечеть построена Хасаном ибн Пирузом из Марагхи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Год нашей эры	Год хиджры	Местонахождение	Сооружение
		<i>Никсар</i>	Улу джами.
1183	579	<i>Диярбакыр</i>	Урфские ворота.
1192	588	<i>Теркан</i>	Кюмбет Мама-хатун, построен Муффадулом из Ахлата.
1193	589	<i>Диярбакыр</i>	Медресе, построено архитектором Масудом и каменщиком Кафаром ибн Мухарой из Алеппо.
1194	590	<i>Зиндкиние</i>	Медресе, возведено Исой абу Дирханом.
1195/96	592	<i>Дивриги</i>	Тюрбе эмиров Шахан-шаха и Камар ад-дина, тюрбе Ситте Малика, последнее построено Бахрамом из...
?	?	<i>Вин</i>	Улу джами.
1196	593	<i>Сивас</i>	Улу джами.
1197	594	<i>Анкара</i>	Мечеть Ала ад-дина.
1199	596	<i>Майяфарыкын</i>	Минарет.

Недатированные сооружения XII века

		<i>Теркан</i>	Хан.
		<i>Меркан</i>	Мост Мама-хатун.
		<i>Эрзурум</i>	Кюмбет Мехди Аббаса, тюрбе Гюмюшлэ (или Гази Гияс аддина), тюрбе Каранлык (или эмира Садр ад-дина) и 5 других тюрбе, а также мекит и минарет в крепости.
1200—1204	597—601	<i>Дунуяшир</i>	Улу джами, возведена братьями Артуком и Юлуком Арсланами.
1201	598		Хан Алтын-апа на дороге Конья — Бейшехир; построен на средства визиря Шамс ад-дина Алтын-апы. Хан Онё на дороге Конья — Бейшехир.
1202	599	<i>Кайсери</i>	Медресе Хоча Хасана и тюрбе, построены на средства визиря Алтын-апы. Мост через Кызыл-Ырмак на дороге Кайсери — Кыршехир.
1203	600	<i>Майяфарыкын</i>	Медресе Кейкавуса и оборонительные сооружения, возводившиеся под руководством Абу Бакра ибн Эйюба — возможно, отца Малика Адилье из Кайсери.

Год нашей эры	Год хиджры	Местонахождение	Сооружение
1204	601		Хан Кызыл-Орен на дороге Конья—Бейшехир.
1205	604	<i>Кайсери</i>	Перестроенная улу джами. Султан Хамам, основанный дочерью Кылыч Арслана II Гевхер Несибихатун, и ее тюрге. Медресе Шифайе (или Гиясийе), медицинская школа и больница — первое учреждение, где наука совмещена с практикой. Основано Кейхусровом I, возможно, в 1192 г., но скорее всего, в 1205 г. в честь его сестры Гевхер Несибихатун, также известной как Сельджука-хатун. Мечеть Сары.
1209	606	<i>Афьон</i>	Мост Алтыгёз, построен Хаджи Мехметом ибн Ильясом.
1210	607	<i>Боялык-Кой Конья</i>	Медресе Куреис Баба и тюрге.
1212	610	<i>Кайсери</i>	Медресе Низамийя. Хан Докусун (Дербент) на дороге Конья—Афьон. Хан Эвдир на дороге Анталья—Афьон, построен на личные средства султана в 1219 году. Башня Йогун Бурч, строительство завершено в 1219 г., и некоторые оборонительные сооружения.
1213	611	<i>Конья</i>	Оборонительные сооружения.
1215/16	613	<i>Эшаб-и-Кейф (Афсин)</i>	Рабат эмира Наср ад-дина ал-Дин Хасана ибн Ибрахима.
1216	614	<i>Акшехир</i>	Медресе Таш, главные ворота выполнены Али ибн Хусейном Эмирдадом; строительство завершено в 1260 г., его финансировал Али ибн Хусейн.
		<i>Синоп</i>	Оборонительные сооружения, возведенные Абу Али ал-Каттани из Алеппо.
1217	615	<i>Сивас</i>	Медресе Дарушифа (или Шифайе) и тюрге Кейкавуса I; больница использовалась по назначению до 1916 г. Построено Ахметом абу Бакром и Ахметом ибн Бизлом из Маранды.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Год нашей эры	Год хиджры	Местонахождение	Сооружение
1218	616	<i>Нигдэ</i>	Мечеть Му ад-дина.
1219	617	<i>Конья</i>	Мечеть Ала ад-дина, перестроенная Мухаммадом Кауланом из Дамаска и каменщиком атабеком Аязом; строительство завершено в 1220/21 г. Мечеть Фергунийе (с куполом).
1220/21	618	<i>Анталья</i> <i>Конья</i> <i>Никсар</i> <i>Дворец в Кубадийе</i> <i>Сивас</i>	Меджид Бешаре-бек. Центр города и крепостные стены. Кюмбет Кырк Кызлар. Завершен в 1236 г. Оборонительные сооружения. Хан Алай на дороге Ак сарай—Кайсери; построен в 1225 г. на личные средства султана.
1223	620	<i>Диярбакыр</i> <i>Нигдэ</i>	Медресе Масуд, основано султанами-Артукидами Сукманом I и Масудом. Мечеть Ала ад-дина, строили Сыддык и Гази Махмут на средства Бешаре ибн Абдуллы. Хан Кадын на дороге Конья—Афьон. Хан Гелендост на дороге Анталья—Афьон.
1224	622	<i>Кайсери</i> <i>Амасья</i> <i>Агрос (Атабей)</i> <i>Алайе</i>	Уч кале, несколько участков стены и Ок Депосу. Тюрбе эмира Мухариз алдына Халифа, построено ал-Каттани из Алеппо. Медресе Эртокус. Кызыл Куле и оборонительные сооружения; построены ал-Каттани из Алеппо. Строительство завершено в 1228 г.
1228	626		Хан Чардак на дороге Бурдур—Денизли.
1228/29	626	<i>Дивриги</i>	Улу джами и больница для душевнобольных.
1229	627		Султан-хан на дороге Конья—Аксарай; возведен на средства султана.
1230	628	<i>Конья</i>	Султан-хан на дороге Кайсери—Сивас, заложен в 1230 г. Хан Алара на дороге Алайе—Конья; возведен на средства султана.

Год нашей эры	Год хиджры	Местонахождение	Сооружение
			Мечеть Хатунийе. Хан Шерафес на дороге Алайе—Конья, строительство завершено в 1246 г. Хан Кыргёз и мост на дороге Анталья—Конья, строительство завершено в 1245 г. Хан Сюсю: на дороге Анталья—Конья. Хан Обрук на дороге Конья—Афьон Хан Инчир на дороге Анталья—Афьон.
1232	630	<i>Эшаб-и-Кейф</i>	Мечеть.
		<i>Кастамону</i>	Медресе.
1233	631	<i>Токат</i>	Тюрбе Абул Касима, сына визиря Али ал-Туси.
1234	632	<i>Эшаб-и-Кейф</i>	Хан.
		<i>Мирдин</i>	Медресе Шахидийе, строилось на личные средства султана.
1234/35	633		Хан Зазадин (или Садеттин) на дороге Конья—Аксарай, построен на средства Садеттина Кёпека
1235		<i>Чанкыры</i>	Медресе атабека Джамал ад-дин Феррука и его тюрбе.
		<i>Дворец в Кубадабаде</i>	Построен Бедр ад-дином Сугашем.
1236	634	<i>Кайсери</i>	Медресе Сарач ад-дина (или Кючук Хуанд), основатель — эмир Кайсери Сарач ад-дин Бада.
		<i>Ильгын</i>	Термальные бани, возможно построены Калояном из Коньи.
1237/38	635	<i>Кайсери</i>	Комплекс Хуанд (или Мафери)-хатун, состоящий из мечети, больницы, тюрбе основательницы и бань. Построен по инициативе Хуанд-хатун, дочери султана.
		<i>Акшехир</i>	Кюмбет Сайита Хайрани, построен Ахметом ибн Абдуллою из Мосула.
		<i>Амасыя</i>	Минарет Бурмалы (или Спираль), возведен на средства Феррука, охотничьего султана, и его брата, казначея Юсуфа; возможно, построен Мухаммедом ибн Махмутом ал-Эррани.
		<i>Малатья</i>	Улу джами.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Год нашей эры	Год хиджры	Местонахождение	Сооружение
1238	636	<i>Кайсери</i>	Медресе Афгунийе. Хан Сары недалеко от Аваноса, на дороге Аксарай—Кайсери. Хан Эгридир на дороге Анталья—Афьон. Хан Хатун на дороге Токат—Пазар, построен на средства дочери султана Мафери-хатун. Хан Джимджимли на дороге Боябад—Езикапю.
1239	637	<i>Анталья</i> <i>Эльбистан</i>	Медресе Ала ад-дин Эмир Мубариз ад-дин Армаган-шах. Улу джами. Хан Чакаллы на дороге Амасья—Хавза—Кавак. Хан Агзы Кара на дороге Аксарай—Кайсери; построен на средства султана; заложен в 1231 г.
1240	638	<i>Кайсери</i> <i>Амасья</i> <i>Дивриги</i>	Медресе Сираш ад-дин, построено на средства визирия Лалели Сираш ад-дина. Медресе Гёк, его мечеть и тюрбе; сооружение закончено в 1245 г. Тюрбе Кеманкеша. Хан Каратай около Буньяна на дороге Кайсери—Малатья; заложен визирем Джалал ад-дином Каратаем.
1241	639	<i>Эркилет</i> <i>Кайсери</i>	Кешк Кейхусрова. Кюмбет Кешк.
1242/43	640	<i>Конья</i> <i>Эгридир</i>	Медресе Сырчалы, возведено на личные средства султана; строил Мухаммад из Туса и Бедр ад-дин Муслип. Медресе. Хан Каргы на дороге Анталья—Адана.
1244	642	<i>Малатья</i>	Алтарь мечети Мусалла.
1246	644	<i>Кыршехир</i>	Мечеть Ала ад-дина. Медресе Музафар ад-дина Мухаммада.
1247/48	645	<i>Кайсери</i> <i>Малатья</i>	Кюмбет Сырчалы. Кюмбет Али Кафара. Тюрбе Малик Адилье-хатун, дочери Малика ал-Адила Абу Бакра Эйюба, возможно, из Майяфарыкына. Улу джами, построена на средства султана. Купол возведен Абу Бакром из Малатйи, а каллигра-

Год нашей эры	Год хиджры	Местонахождение	Сооружение
1248	646		фические надписи выполнены его сыном Якубом и Хусровом. Хан Хорозлу на дороге Конья—Аксарай.
1249	647	<i>Кайсери</i>	Мечеть и медресе Абул Касима ал-Туси (Хаджи Кылыч).
		<i>Анкара</i>	Восстановленные оборонительные сооружения. Хан Ишаклы. Построен Али ибн Хусейном, чей тюрбе находится в Токате.
1250	648	<i>Токат</i>	Мост, сооруженный для перване Хамида ибн Абул Касима, сына визиря ал-Туси, и для эмира Сейфеддаула.
		<i>Анталья</i>	Медресе Каратай, построено визирем Джалал ад-дином Каратаем.
		<i>Кыршехир</i>	Тюрбе Малика Гази из династии Менгучеков. Хан Ак недалеко от Аксарая; основан эмиром Ладика Сейф ад-дином Карасунгуром; строительство завершено в 1260 г.
Между 1246 и 1264, то есть при Кылыч Арслане IV			
		<i>Конья</i>	Кешк.
1251	649	<i>Конья</i>	Кайсери Медресе Бююк Каратай, построено визирем Джалал ад-дином Каратаем.
		<i>Токат</i>	Тюрбе Сафер-паши. Кешк Хайдар-бея.
1253	651	<i>Эрзурум</i>	Медресе Хуанд-хатун (или Хатунпийе или Чифте), основано Хуанд-хатун.
1254	652	<i>Конья</i>	Медресе Кючук Каратай; построено визирем Джалал ад-дином Каратаем.
1257	656	<i>Мардин</i>	Медресе Хатунпийе.
1258	657	<i>Конья</i>	Медресе Индже Минаре; основано визирем Фахр ад-дином Сахиб Атой, возведено Абдуллою ибн Келюком. Медресе Малыччи Баба, построено Абдуллою ибн Келюком. Мечеть Ларенде (или Энерге, или Сахиб Ата); основа-

ПРИЛОЖЕНИЯ

Год нашей эры	Год хиджры	Местонахождение	Сооружение
			на визирем Сахиб Атой, построена Абдуллой ибн Келюком. Мечеть Бей Хаким.
		<i>Чай</i>	Медресе, основано Эмульбеком ибн Мухаммадом, возведено Галбеком ибн Мухаммадом.
1259	658	<i>Бурса</i>	Хамам Эски Каплича.
1262	661	<i>Синоп</i>	Медресе перване Муин ад-дина.
1264	663	<i>Мерзифон</i>	Мечеть перване Сулеймана Муин ад-дина.
1265	664	<i>Дураган</i>	Мечеть и бани перване Муин ад-дина Сулеймана.
		<i>Девели</i>	Улу джами, построена на средства султана.
		<i>Конья</i>	Мавзолей жены Кылыч Арслана IV.
1267/68	667	<i>Кайсери</i>	Медресе Сахибийе и фонтан, построены на средства визиря Сахиб Аты.
		<i>Синоп</i>	Мечеть, построена на средства перване Муин ад-дина Сулеймана.
1268	668		Хан Кесик Кёпрю на дороге Кыршехир—Кайсери.
1269/70	670	<i>Токат</i>	Медресе Гёк, строительство закончено в 1271., использовалось до 1811 г. Хан Оресун на дороге Аксарай—Кайсери.
1271	671	<i>Сивас</i>	Медресе Гёк, основано визирем Сахиб Атой; изразцы делал Калоян из Коньи. Медресе Бюрюкийе, основано Музаффаром ибн Хибуталлой из Барукирда; возможно, возведено его личным архитектором. Медресе Чифте, основано Шамс ад-дином Джувейни, великим визирем монгольского ильхана в Персии.
1273	673	<i>Кастамону</i>	Медресе Али ибн Первана, построено Садам из Кайсери.
		<i>Афьон</i>	Улу джами, закончена в 1277 г.
		<i>Кыршехир</i>	Медресе и тюрге эмира Нур ад-дина Киврила Какабея.
		<i>Ахлат</i>	Тюрге улу.

ТАМАРА ТЭЛБОТ РАЙС. СЕЛЬДЖУКИ

Год пашей эры	Год хиджры	Местонахождение	Сооружение
1274/75	674	<i>Малатья</i>	Восстановленная улу джами.
		<i>Конья</i>	Мечеть и тюрбе Садр ад-дина Коневи.
		<i>Ахлат</i>	Тюрбе Хасана Падишаха или Хусейна Ага ибн Махмуда.
1276	676	<i>Кайсери</i>	Кюмбет Шах Кихан-хатун или Дёнер.
		<i>Амасья</i>	Медресс Гёк.
1277	677	<i>Конья</i>	Мавзолей Джалал ад-дина и его жены.
1278	678	<i>Амасья</i>	Хан Эгрет на дороге Конья—Афьон. Тюрбе султана Масуда. Хан Чай на дороге Афьон—Кютахья.
1279	679	<i>Амасья</i>	Тюрбе эмира Амасьи Сейф ад-дина Турумтая.
		<i>Ками</i>	Ханика Ларенде, основана визирем Сахиб Атой.
		<i>Конья</i>	Тюрбе Ики — Хасан Тимур Бугатай Ага и Ширин-хатун.
1282	682	<i>Конья</i>	Мавзолей визиря Сахиб Аты.
1287	687	<i>Токат</i>	Джами Ахмет-паша, построена на средства Идахунд-хатун, дочери перване Сулеймана Муин ад-дина, и ее тюрбе.
1289	689	<i>Анкара</i>	Джами Али Шарсф ад-дин Арсланхан.
1291	691	<i>Термен</i>	Мечеть Халеф Гази, возведена на средства Халеба ибн Сулеймана.
		<i>Битлис</i>	Улу джами.
		<i>Токат</i>	Текке Сюнбюл Баба Зазиези или Халефа Гази, основано Сулейманом ибн Абдуллой, вольноотпущенником княжны Сафвелтадин, дочери перване Муин ад-дина. Хан Бабшин на дороге Боябад—Езикёпю.
1296—1298	696—698	<i>Бейшехир</i>	Мечеть Ашрафоглу.
1299	699	<i>Соке</i>	Мечеть Ментешоглу Сулейманбей.
1301	701	<i>Бейшехир</i>	Тюрбе Сулеймана Ашрафоглу.
1302	702	<i>Нигдэ</i>	Тюрбе Хаванда-хатун.
1308	708	<i>Амасья</i>	Медресе Тимур-хана, основано Обеном ибн Абдуллаком, рабом Илдуз-хатун.

Год нашей эры	Год хиджры	Местонахождение	Сооружение
1309	709	<i>Амасыя</i>	Бимархане Малики-хатун.
1312	712	<i>Нигдэ</i>	Тюрбе Худавенд-хатун.
		<i>Бирдже</i>	Улу джами.
1313	713	<i>Токат</i>	Тюрбе Нур ад-дина ибн Сенти-мура.

Недатированные сооружения XIII века

Хан Артова	Хан Пазар
Хан Басара	Хан Тахтаба
Хан Гончалы	Хан Тол
Хан Дураган	Хан Чифлик
Хан Ибилса	Хан Эзине
Хан Кавак	Хан Эли Кесик

КАРАВАН-САРАИ, МОСТЫ, УСАДЬБЫ-КЕШКИ, ТЕРМАЛЬНЫЕ БАНИ И ИСТОЧНИКИ

Дорога Конья—Аксаaray Хан Зазадин или Садеттин, построен на средства Садеттина Кёпека, 1234/35. Хан Обрук, 1230. Султан-хан, построен на средства султана, 1229. Хан Ак, 1250—1260, построен эмиром Ладика Сейф ад-дином Карасунгуром*.	Дорога Конья—Доганхисар Хан Кавак. Дорога Кайсери—Сивас Султан-хан, часто его называют Палас султан-хан, 1230—1236, построен на средства султана. Дорога Аксаaray—Кайсери Хан Агзы Кара, строительство начато Кейкубадом I и закончено Кейхусровом II, 1231—1239. Хан Оресун, 1270. Хан Алай, 1220—1225, построен на средства султана. Хан Сари, недалеко от Аваносы, 1238.
Дорога Конья—Бейшехир Хан Алтын-апа, 1201. Хан Онё, 1201. Хан Кызыл-Орен, 1204.	Дорога Кайсери—Малатъя Хан Каратай, 1240/41, построен на средства визиря Джалал ад-дина Каратая.
Дорога Конья—Аксаaray Хан Хорозлу, 1248.	Дорога Кыршехир—Кайсери Хан Кесик Кёпрю, 1268.
Дорога Хан Алтын-апа-Дербент Хан Эли Кесик. Хан Бешара.	Дорога Афыон—Кютахъя Хан Эгрет, 1278*. Хан Чай, 1278*.
Дорога Хан Алтын-апа-Дербент Хан Эли Кесик. Хан Бешара.	Дорога Афыон—Кютахъя Хан Эгрет, 1278*. Хан Чай, 1278*.
Дорога Конья—Афыон Хан Докузун, 1210. Хан Кадын, 1223. Хан Ишаклы, 1249; построен Али ибн Хусейном*. Хан Чай, 1278*. Хан Эгрет, 1278*.	

- Дорога Афьон—Акшехир
Хан Ишаклы, 1249*.
- Дорога Алайе—Конья
Хан Шерафсе, 1230.
Хан Алара, 1230/31, построен на средства султана.
Хан Карджи, 1242*.
Хан Тол.
- Дорога Анталья—Афьон
Хан Эвдир, 1210—1219, построен на средства султана.
Хан Кыргёз, 1230—1245.
Хан Сёсюз, 1230.
Хан Инчир, 1230.
Хан Эгридир, 1238.
Хан Гелендост, 1223.
Хан Ак, 1252—1260*.
- Дорога Бурдур—Денизли
Хан Гонкалы.
Хан Чардак, 1228, построен на средства эмира Изз ад-дина Аяза.
- Дорога Сивас—Амасья
Хан Ени.
Хан Артова.
Хан Ибипса.
Хан-хатун, 1238, построен на средства Хуанд-хатун.
Хан Эрзине Пазар.
Хан Чифтлык.
- Дорога Анталья—Адана
Хан Карджи, 1241*.
Хан Алара, 1230/31.
- Дорога Йылдызель—Токат
Хан Тахтаба.
- Дорога Амасья—Хавза—Кавак
Хан Чакаллы, 1239.
- Дорога Боябат—Езикёпю
Хан Дураган.
Хан Теркан, около 1200.
Хан Эшаб-и-Кейф, 1234.
Хан Джимджимлы, 1238.
Хан Бабшин, к северу от Битлиса, 1291.

* Имена ханов, обслуживавших больше одного торгового пути.

Мосты

- г. Диярбакыр, базальтовый мост, 1063.
Мост на дороге Ахлат—Майяфарыкын, 1147/48.
Мост над р. Кызыл-Ырмак на дороге Кайсери—Кыршехир, около 1200.
Мост в г. Токате, 1250.

Кешки

- Кешк без названия на дороге Йозгат—Кайсери, 1241.
Кешк Хайдар-бея, г. Кайсери, 1251.

Термальные бани и источники

- Значительное количество упоминания о более чем 200 термальных банях, происхождение 130 из них удалось установить. Самыми популярными были:
1. Там функционировали два комплекса бань; больший был в Масудом I в 1116 г. и был известен под двумя названиями — «Бани султана Масуда» и «Бани Сазы-паши»; построенный примерно в это время меньший назывался «Бани Ёнчюк Заде Мустафы».

Кыршехир. В трех часах езды от города находились бани Каракунда; они были сооружены в 1135 г. Али Каракундом. Его мавзолеем стоял рядом с ними.

Ильгин. Вулканические источники, которым город обязан своим названием, расположены в двух часах езды от него. Первые бани были построены в том месте в 1236 г. султаном Ала ад-дином Кейкубадом I в благодарность за снятие у него острого приступа подагры; в 1267 г. визирь Сахиб Ата их перестроил и перепланировал. Сохранившаяся надпись гласит, что построил их Калоян, однако, вероятно, она относится к первому варианту сооружения.

Хамидийе. Бани находятся в трех с половиной часах езды от города в местечке, расположенном поблизости от дороги в Конью.

Йонджал. Бани находятся в 14,5 километра от Кютахья на дороге Кютахья—Турсалы. Согласно обнаруженной надписи, они были построены в 1233 г. Гюльсун или Гюсум, дочерью архитектора Рамазана.

АРХИТЕКТОРЫ И МАСТЕРА-КАМЕНЩИКИ

Абу Бакр из... и Ахмет Бизл — без сомнения, то же самое, что и Никсар, Кюмбет Кырк Кызлар, 1220.

Ахмет Бакр и Ахмет ибн Бизл из Маранды. Сивас, Медресе Шифайе, 1217.

Абу Бакр и его сын Якуб, оба из Малатья. Малатья, купол улу джами, 1247.

Абу Али ибн Али-Ракка ал Каттани из Алеппо. Синоп, оборонительные сооружения, 1216. Амасья, тюрге эмира Мухариз Алдына, 1224. Алайе, оборонительные сооружения и Кызыл Куле, 1224—1228.

Ахмет ибн Ибрахим из Тифлиса и Курам-шах из Ахлата, сын Мухида из Ахлата. Дивриги, улу джами и больница для душевнобольных, 1228.

Ахмет ибн Абдулла из Мосула. Акшехир, тюрге Сейита Махмута Хайрани, 1237.

Али ибн Хусейн Эмирдад, который, как считал К. Хуарт, умер в 1285. Восстановление и отделка хана Ишаклы, 1249. Акшехир, медресе Таш, 1260.

Бахрам из... Диврик, тюрге Ситте Малик, 1195/96.

Бедр ад-дин Суташ, вали... Конья, джами Хатунийе, 1230. Дворец в Кубабаде, 1235.

Галбек ибн Мухаммад. Чай, медресе, 1258.

Хасан ибн Пируз из Марагхи, мастер-каменщик. Диврик, мечеть, 1180/81.

Иса абу Дирхан. Медресе Зиндкинийе, 1194.

Хосров. Малатья, улу джами, 1247.

Калоян (некоторые считают, что правильно — Кало Яни, но, возможно, это Келюк ибн Абдулла(?)), не исключено, что с помощником Фахр ад-дином Али. Ильгын, термальные бани, 1267.

Келюк или Мамлык ибн Абдулла, иногда также называемый Калусом — возможно, тот же мастер, что Калоян. Конья, ками Сахиб Ата, 1258. Конья, медресе Малычлы Баба, 1258. Конья, медресе Индже Минаре, 1258. Сивас, медресе Чифте, 1271.

Масуд, архитектор и Кафар ибн Мухара из Алеппо, мастер-каменщик. Диярбакыр, медресе, 1193.

Мухаммад Каулан из Дамаска, архитектор и атабек Аяз, мастер-каменщик. Конья, последняя перестройка мечети Ала ад-дина, 1219/20.

Мухаммад или Осман Мехмет из Туса и Бедр ад-дин Муслип. Конья, медресе Сырчалы, 1242/43.

Мухаммад ибн Махмут ал-Эррани (правда, не исключено, что он был гончаром). Амасья, минарет Бурмалы, 1237.

Музаффар ибн Хабитулла аль-Барукирд. Сивас, медресе Бюрюкис, 1271.

Сад из Кайсери. Кастамону, медресе, 1273.

Салы Махмут, архитектор, и Яхия, мастер-каменщик. Диярбакыр, башня Йеди Кардаш, XII в.

Сеси Муфаддул (т. е. Муфаддул Косой). Теркан, кюмбет Мама-хатун, 1192—1201.

Братья Сыддык и Гази ибн Махмут. Нигдэ, мечеть Ала ад-дина, 1223.

Юсуф Абдул Гаффар из Хокана. Конья, тюрге Кылыч Арслана, в 1180-х.

Братья Юлук и Артук Арслан. Дунуяшир, улу джами, 1200—1204.

Перване Хамид Абул Касим, сын визиря ал-Туси, с сыном Баха ад-дина ал-Фарака, известным как Ибн ал-Хаким. Токат, мост, 1250.

РЕЗЧИКИ ПО ДЕРЕВУ, КЕРАМИСТЫ, КАЛЛИГРАФЫ

Резчики по дереву

Хаджи Менгуберти из Ахлата. Кафедра из слоновой кости в мечети Ала ад-дина. Конья, 1155.

Ибрахим или Мухаммед ибн Абу Бакр. Кафедра из мечети Кызылбей. Анкара, 1197.

Ахмет из Тифлиса. Кафедра из улу джами Дивриги.

Омер ибн Ильяс из Карамана. Двери мечети Имарет. Караман.

Керамисты

Ахмет ибн Бакр из Маранда. Сивас, больница Шифайе, 1217. Никсар, тюрге Кырк Кызлар, 1220.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ахмет ибн Абдулла из Мосула. Акшехир, тюрбе Сеита Махмута Хайрани, 1237.

Керим ад-дин Эрдын-шах. Конья, купол мечети Ала ад-дина. 1219—1220.

Калоян из Коньи. Сивас, медресе Гёк, 1271.

Каллиграфы

Якуб ибн Якуб ибн Абу Бакр, архитектор, построил улу джами в Малатья. Надпись в улу джами. Малатья, 1247.

ПОДПИСИ К ФОТОГРАФИЯМ

1. Мечеть Хатунийе в Конье — от нее до наших дней дошел только минарет — была построена в 1230 г. Бадр ад-дином Суташем. Вероятно, именно благодаря этой работе пять лет спустя ему было поручено возведение дворца султана в Кубадабаде. На здании мечети Хатунийе он написал свое имя, добавив после него «вали», а название города, мэром которого он был, в надписи не сохранилось.

2. Кешк Ала ад-дина в Конье в том состоянии, в каком он находился на начало XX в. Он располагался внутри крепостных стен недалеко от мечети Ала ад-дина; когда Тексье видел его в начале XIX века, здание имело значительно больше архитектурных элементов. Ф. Сарре представил убедительные доказательства того, что его следует датировать правлением Кылыч Арслана IV (1246—1264). Кешк был богато декорирован, части здания были покрыты росписями (как складывается впечатление, по стилю напоминающими фрески палаццо Реал в Палермо), а стены облицованы глазурованными изразцами необычных форм, цветов и узоров. Охраняли киоск скульптуры львов, к тому моменту, как была сделана фотография, одна из них все еще находилась на своем месте.

3. Тюрбе, или мавзолеей султанов, построенный на территории мечети Ала ад-дина в Конье Юсуфом ибн Абдул Гаффаром из Хокана для Кылыч Арслана II (1156—1192); в нем по-прежнему находятся саркофаги

8 султанов-Сельджукидов. Строгие линии здания и отсутствие замысловатых украшений полностью соответствуют архитектуре раннего периода.

4. Мечеть Ала ад-дина в Конье; располагавшиеся в окружении крепостных стен мавзолеей султанов и дворец образовывали комплекс, который с полным правом можно назвать сердцем султаната. Мечеть заложил султан Масуд (1116—1156), ее строительство закончил Кейкубад I в 1220/21 г. Поскольку последний привлек к работе архитектора Мухаммада ибн Каулана из Дамаска, в декоративной отделке здания ощущается сирийское влияние — она выполнена с использованием мрамора двух цветов. До 1905 г. в мечети еще оставались 8 ковров из числа принадлежавших ей с момента открытия. Резная кафедра, или минбар, из слоновой кости выполнена для мечети в 1145/46 г. Хаджи Менгуберти из Ахлата; ею по-прежнему пользуются. Михраб, или алтарь, — один из красивейших алтарей своего времени.

5. Потолок в куполе медресе Бююк Каратай в Конье опирается на треугольные паруса свода, каждый из них, в свою очередь, состоит из 5 треугольников меньшего размера. Паруса, треугольники и сам купол облицованы глазурованными изразцами превосходного качества: там изображены звезды и небесный свод во всем своем великолепии. Вдоль основания купола идет выполненная глазурованными плитками кувфическая надпись, в которой повторяются имена четырех первых халифов; треугольные паруса купола украшены геометрическими узорами. Преобладающий цвет — темно-синий — оживляется мазками золота, в результате создается впечатлительное одновременно легкости и величественности.

6. Медресе Бююк Каратай в Конье основано визирем Джалал ад-дином Каратаем в 1251 г.; в настоящее время в нем выставлена коллекция керамики и изделий прикладного искусства периода Сельджукидов из собрания музея Мевлана. Верхняя часть портала декорирована согласно сирийской традиции, в соответствии с которой были отделаны внешние стены мечети Ала ад-

дина, построенной тридцатью годами ранее; тем не менее украшающие нишу соты, сосредоточение большинства орнаментов в панелях и использование характерных для Запада пилястров является отражением художественного стиля того времени.

7. Медресе Индже Минаре (или Тонкий Минарет) в Конье, получившее такое название из-за своего необычайно высокого и тонкого минарета, было основано визирем Фахр ад-дином Сахиб Атой и построено Келюком ибн Абдуллою в 1254 г. специально для теологического училища. В настоящее время там находится коллекция скульптуры и декоративной лепнины периода Сельджукидов из собрания музея Мевлана. Сложенный из кирпича минарет был украшен глазурованными кирпичами и изразцами; в начале XX в. минарет разрушила попавшая в него молния. Здание медресе в основном кирпичное, что довольно необычно для того времени, а его украшенный скульптурной работой портал — из камня.

8. Деталь портала медресе Индже Минаре в Конье. Его декоративное убранство в основном сводится к надписям, часть которых оформлена в виде двух полос, расположенных таким образом, чтобы создать впечатление перевитых лент. Закругленные углы ниши украшены цветочными орнаментами в стиле барокко. Действительно, как и во всех других работах Келюка, в декоративной отделке преобладает стиль барокко, хотя и настолько упрощенный, что сохраняет отпечаток классицизма.

9. Рисунок, сделанный в 1843 г. преподобным Робертом Курсоном: стены, минареты и башенки Эрзурума, вид из окна английского посланника.

10. Стены крепости Коньи в том виде, в каком они находились в 1825 г. Литография Л. де Лаборде.

11. Медресе Чифте Минаре (т. е. Два Минарета) в Сивасе. Основано в 1271 г. визирем монгольского ильхана в Персии Шамс ад-дином Джувеини, образец стиля барокко. Сравните декоративную отделку верхней части левой башенки с отделкой ее основания; послед-

нее детальнее показано на фото 13. Художественное оформление основания правой башенки представлено на фото 14.

12. Медресе Гёк (т. е. Синее) в Сивасе получило свое название по цвету синих изразцов, которыми оно отделано. Основанное визирем Сахиб Атой и построенное Келюком ибн Абдуллой в 1271/72 г., медресе входит в число красивейших в Турции. Многие украшающие его фасад скульптурные рельефы напоминают декоративное оформление сооруженного тем же мастером немного ранее джами Ларанда в Конье. За входом открывается состоящий из четырех частей зал со сводчатыми потолками; из правой части можно попасть в небольшую мечеть под куполом, декорированную великолепными изразцами; в центре внутреннего дворика находится бассейн. В боковых портиках имеются центральные залы-айваны, в которые выходит по 6 комнат, расположенных на двух этажах.

13. Характерные для стиля декоративного оформления второй половины XIII в. барочные тенденции прекрасно демонстрирует эта деталь капители из медресе Чифте в Сивасе. В отдельных местах глубина резьбы составляет 16 см.

14. Еще одна деталь оформления фасада медресе Чифте в Сивасе. Основу декоративного убранства составляют переплетающиеся полосы, похожие по стилю на сделанные на фасаде медресе Индже Минаре (фото 8), возведенного тем же архитектором.

15. Портал Султан-хана на дороге Конья—Аксарай; на заднем плане видна мечеть. Этот караван-сарай был построен на личные средства султана; строительство началось в 1229 г. и было закончено в 1236 г. Перемычка портала — из мрамора двух оттенков — свидетельствует о сирийском влиянии, однако отделанная сталактитами ниша, расположенная в проеме в форме конской подковы, и пилястры по бокам — это характерные для архитектуры Анатолии детали, то же самое относится и к украшенным геометрическим узором из звезд боковым панелям. И план здания, и многие его декора-

тивные элементы имеют близкое сходство с планом и художественным оформлением Султан-хана на дороге Сивас—Кайсери.

16. Мечеть Султан-хана на дороге Сивас—Кайсери тоже возведена на личные средства султана. Строительство начато в 1230 г. и закончено десять лет спустя. Мечеть находится в центре внутреннего дворика, она грациозно возвышается на 4 арках, имеющих форму конской подковы. Попасть в мечеть можно по состоящей из двух маршей лестнице, огибающей арку, обращенную ко входу в хан.

17. Деталь скульптурного украшения на внешней поверхности одной из арок мечети Султан-хана на дороге Сивас—Кайсери. По краю арки идет сильно стилизованный в азиатском вкусе узор в форме пик или сердечек; его линии повторяет кельтский по стилю узор из переплетений, более привычный для резьбы по металлу, чем по камню, он повторяется и в других местах. Характерный узор из розеток на фоне геометрического орнамента заставляет поднять взгляд к мечети, то же самое можно сказать и о сильно стилизованных в среднеазиатском духе треугольниках.

18. Деталь декоративного украшения в форме змеи на другой арке в основании той же мечети. Сельджуки считали змею символом врачевания и поэтому часто ее изображали. Образ змеи, запечатленный в скульптурной работе для больницы, основанной в Канкиры в 1235 г. атабеком Камал ад-дином Ферруком, в чьем ведении в 1220 г. находились все больницы Сиваса, был взят Стамбульским университетом в качестве герба. Изображение змеи из этого султан-хана — одно из лучших для того времени.

19. Барабан купола (нет сомнения, что когда-то это был конический купол) над центром большого зала Султан-хана на дороге Сивас—Кайсери; видны детали окна хана и внутренняя отделка.

20. Караван-сарай в Теркане. Он, как и находящийся рядом с ним мавзолей, относится к началу XII в. Этот большой, прямоугольный в плане хан первоначально не

имел окон, выходящих на внешнюю сторону, где цельность сплошной линии его стен нарушалась высокими островерхими башнями, расположенными через равные расстояния. По форме они напоминают отдельно стоящие башни несколько более раннего периода, возводившиеся на севере Персии в качестве погребальных памятников.

21. Сводчатая галерея в хане Теркана. Необычно большая высота давала возможность размещать в ней караван верблюдов, а для лошадей и мулов существовали специальные стойла. Как и в улу джами Эрзурума, здесь полностью отсутствуют скульптурные декоративные элементы — эта характерная черта позволяет отличать сооружения Салтукидов от построек Сельджукидов. Несмотря на отсутствие декоративного убранства, оригинальность плана хана, гармоничность его пропорций и великолепное качество каменной кладки позволяют ему соперничать с лучшими караван-сараями того времени.

22. Галерея в Султан-хане на дороге Сивас—Кайсери: благодаря прекрасным пропорциям и отличной каменной кладке создается впечатление, что за ней откроется великолепный центральный зал.

23. Мост в Токате, построенный в 1250 г. на личные средства перване Хамида ибн Абу-л-Касима, сына визири ал-Туси и эмира Сайф ад-дина, — об этом свидетельствует надпись, выбитая на каменном цоколе, отмечающем середину моста. По мосту по-прежнему регулярно ходят все виды транспорта.

24. Кюмбет Мама-хатун в Теркане. Возведен в 1192 г. Муффадалем Косым из Ахлата для княжны из рода Салтукидов, пришедшей на помощь Саладину, когда тот в районе Теркана попал в трудное положение. Этот кюмбет — необычно сложное сооружение. Он состоит из внешней стены округлой формы и находящегося в центре мавзолея. Стена украшена богато декорированным порталом, обращенным к хану; высокие, узкие и заостренные сверху боковые ниши в некоторой степени напоминают башни вдоль стен хана.

25. Медресе Чифте (двойное) или Хатунийе в Эрзуруме. Построено в 1253 г. Хуанд-хатун, дочерью Алад-дина Кейкубада II. В настоящее время в нем находится музей. Вход увенчан двумя искусно отделанными изразцом минаретами, которым медресе обязано своим именем; в определенной степени они напоминают минареты несколько более позднего медресе Чифте в Сивасе (фото 11). Внутри, в боковых портиках, ограничивающих внутренний дворик, находятся центральные залы — айваны, в каждый из которых выходит по 6 комнат, расположенных на двух этажах. Мавзолей основательницы медресе стоит в дальнем конце. Слепая аркада на его конической крыше повторяет линии более широких аркад на боковых стенах. Многие части здания украшены скульптурной работой.

26. Изнутри круглая внешняя стена кюмбета Мама-хатун в Теркане разделена на 12 неглубоких ниш-альковов. В 10 из них находятся саркофаги, в крайней правой рядом с дверью — алтарь, а в левой — лестница, по которой можно подняться на открытую дорожку, проходящую вдоль всей верхней части стены; идея этой дорожки, возможно, была подсказана планировкой двухэтажного кирпичного мавзолея султана Санджара в Персии. В Теркане в центре кюмбета расположен тоже двухэтажный, но каменный мавзолей Мама-хатун, он состоит из восьми частей-секторов, отделенных один от другого нервюрами; линии нижней части мавзолея продолжены на конической крыше с помощью образованной двойной нервюрой декоративной аркады. Саркофаг княжны по-прежнему находится в нижнем помещении, а в верхнем, с алтарем, — часовня.

27. Мечеть Ашрафоглу в Бейшехире была построена в 1296—1298 гг. представителями рода, фамилия которого дала название мечети и которому вскоре после заката династии Сельджукидов было суждено стать правителями одноименного бейлика, или княжества. Несмотря на то что мечеть была построена в конце XI в., она выглядит архаичной для того времени, по-

скольку наряду с традиционными очертаниями стен, минарета и тюрбе у нее имеется плоская крыша, характерная для первого этапа архитектуры Сельджукидов Малой Азии.

28. В крепости Дивриги, построенной в 1180/81 г. Менгучеком, вассалом Сельджукидов, находилась мечеть, возведенная Хасаном ибн Пирузом из Марагхи в Персии. Мощные бастионы и стены крепости отпугивали чужеземных завоевателей.

29. Кызыл Куле, то есть Красная башня, в Алайе служила центром системы обороны города. Построенная из блоков известняка в 1226 г. сирийским архитектором Абу Али ибн Али ар-Ракка ал-Каттани из Алеппо башня представляет собой восьмиугольное сооружение диаметром примерно 2 м 80 см и высотой около 3 м 35 см в наивысшей точке. План внутреннего устройства башни очень сложен и на каждом из 5 этажей свой (рис. 20). Каменные лестницы соединяют этажи и ведут на террасу на крыше.

30. Фасад военно-морского дока, или терсана, в Алайе, построенного в 1228 г., через два года после Кызыл Куле. Со стороны моря видна только внешняя стена с 5 арками в форме конской подковы и остатки его зубчатой стены. Длина выходящего в море фасада терсана составляет 78 метров. Арки ведут в 5 сводчатых галерей, уходящих под скалу на глубину более 40 м (рис. 9). Галереи сложены из обожженного кирпича, они освещаются через сделанные через равномерные промежутки отверстия в крыше. В стенах между галереями имеются 4 арки; каждая галерея настолько велика, что в ней могли укрывать или тайно строить большие корабли. В наши дни местные рыбаки по-прежнему используют это сооружение.

31. Кюмбет сейита Махмута Хайрани в Акшехире, датирован 1224 г. Переход от прямоугольной нижней части к конической крыше осуществлен с помощью восьмиугольного основания барабана круглого купола, плавность перехода нарушают полукруглые стволы колонн.

32. Тюрбе Нур ад-дина ибн Сентимура в Токате, датирован 1313 г. В этом образце позднего периода крыша конической башенки разделена на треугольные в сечении сектора.

33. Рисунок Рубрука: увиденные им в 1253 г. при монгольском дворе юрты. Данный рисунок был опубликован в изданном Бержероном отчете о его путешествии. Эти юрты вполне могли стать прототипами для мавзолеев Сельджукидов.

34. Кюмбет Дёнер в Кайсери, датирован 1276 г. Несмотря на вполне традиционный внешний облик, он отличается исключительно тонкими и выразительными декоративными скульптурными элементами. Построенный для княжны Шах Кихан-хатун, кюмбет относится к числу наиболее богато украшенных сооружений этого типа: там есть и арабески, и геометрические орнаменты, и изображения животных — львов, орлов, а также стилизованные образы птиц и пальмовые листья, символизирующие древо жизни.

35. Мавзолей, построенный в 1322 г. на берегу озера Ван, на полпути между Ваном и Ахтаваном по приказу Изз ад-дина для его жены княжны Халимы. Только форма слепых аркад и ниш выдают его позднее происхождение.

36. Тюрбе Худавенд-хатун, дочери Кылыч Арслана IV, построившего Кешк Ала ад-дина в Конье (фото 2), был возведен в Нигдэ в 1312 г. Двухэтажный тюрбе имеет форму семиугольника, его дверной проем богато украшен скульптурными рельефами; стены из желтого известняка надстроены более прочным камнем, полоса которого сверху и снизу ограничена полосами мрамора, тоже покрытого затейливой резьбой. Среди мотивов резьбы арабески и образы животных, причем чаще всего встречаются львы, олени и птицы с человеческой головой.

37. Колонна и капитель с портика медресе Чифте в Эрзуруме, 1253 г. Ствол колонны удачно декорирован геометрическим узором, а капитель — цветочным орнаментом.

38. Разрушенная мечеть в Дунуяшире, современном Кошхисаре, когда-то служившая для караванов важным остановочным пунктом. Остатки здания прекрасно демонстрируют разнообразные строительные методы, использовавшиеся сельджуками.

39. Фрагмент декоративного убранства северного портала улу джами Дивриги, построенной в 1228 г. Ахметом, сыном Ибрахима из Тифлиса, и Курам-шахом, сыном Мухида из Ахлата. Многие из этих мотивов скорее напоминают индийские, а не кавказские прототипы. Круглый медальон с геометрическим узором и его обрамление вполне могут быть ранним стилизованным изображением щита. Обратите внимание на изящную резную надпись вдоль верхней части капители в форме сталактита.

40. Еще одна деталь того же портала; в данном случае полумесяц и цветочные орнаменты выполнены в стиле индийской золотой филиграни.

41. Третья деталь того же портала. Здесь преобладает влияние Средней Азии и Северной Персии; стиль работы довольно сильно напоминает лепнину Хамадана, а точнее — лепные украшения Гумбат-и-Алавийяна.

42. Бронзовая ручка в форме головы быка из собрания Коюноглу в Конье, размер 6 × 6 см.

43. Деталь фасада хана Каратай, построенного в 1240/41 г. для визиря Джалал ад-дина Каратая. Звезды и геометрические узоры сочетаются с арабесками и фигуркой птицы тонкой, похожей на персидскую работы.

44. Деталь фасада хана Ак, Аксарай, построенного между 1250 и 1260 гг. Здесь стиль изображения птицы совершенно иной, чем в хане Каратай; фигурка имеет более резкие очертания, она больше похожа на используемые в геральдике. В данном случае вместо геометрического узора присутствует переплетение окружностей и изогнутых полос. Обрамляющий орнамент с использованием треугольников характерен для Средней Азии и имеет очень большое сходство с орнаментом на мечети Султан-хана на дороге Сивас—Кайсери (фото 17), а также на других деталях хана Ак (фото 13).

45. Скульптурное изображение солнца с фасада хана Ак в Аксараяе. Оно напоминает довольно плохо сохранившуюся резьбу с фасада больницы Дарушифа в Сивасе (1217), где солнце соседствует с луной.

46. Деталь фасада мавзолея Турумтая в Амасье (1278/79). В этом двухэтажном погребальном сооружении хранятся забальзамированные останки эмира Амасьи Сайф ад-дина Турумтая. Верхняя часть его стен декорирована полосами или лентами разных размеров с повторяющимися орнаментами.

47. Бронзовый грузик, изготовленный при Артукидах; хранится в Национальной библиотеке в Париже. Очень похожий грузик имеется также в Королевском Шотландском музее в Эдинбурге. В обоих случаях преобладает персидское влияние, однако отметины на телах грифонов с человеческими лицами встречаются во многих случаях при изображении реально существующих или фантастических животных именно в изделиях эпохи Сельджукидов, произведенных в Анатолии.

48. Бронзовый грузик из собрания Коюноглу в Конье, диаметр 12 см. Украшающий его простой орнамент — звезды и цветочные мотивы — является типично сельджукским.

49. Лев из крепости Дивриги. Хотя сама крепость датируется примерно 1180/81 г., на одних воротах крепости имеется дата — 1236 г., а на других — 1242-й. Скульптура льва была создана, скорее всего, в период с 1236-го по 1242 г.; то, что она могла появиться с 1180-го по 1236 г., представляется сомнительным. По стилю данная работа очень напоминает один из видов резьбы по кости у скифов, например датируемую VII—VI вв. до н. э. голову из Келермеса — ее фотография помещена в книге Тамары Т. Райс «Скифы» (Москва: Центрполиграф, 2003) под № 35.

50. Вырезанная из камня скульптура льва, находившаяся в Кешке Ала ад-дина в Конье и поэтому датируемая периодом с 1246-го по 1264 г. В настоящее время она хранится в Музее турецкого и исламского искусства в Стамбуле. Высота льва — 1 м 56 см;

его прототипов можно найти скорее у хеттов, чем у скифов.

51. Вырезанная из камня скульптура сфинкса; высота — 58 см, длина — 78 см. Созданный в XIII в. сфинкс сейчас находится в Музее турецкого и исламского искусства в Стамбуле. В эпоху Сельджукидов круглые скульптуры были сравнительно редки, и обычно это были изображения львов. Несмотря на повреждения, лицо сфинкса по-прежнему очень выразительно.

52. Панель с рельефной скульптурой (справа и слева от древа жизни стоят два льва, над деревом изображен орел) с фасада медресе Чифте в Эрзуруме, 1253 г. Композиция помещена в арку в форме конской подковы, завершают картину круглые резные бобышки.

53. Орел с двумя головами с фасада больницы для душевнобольных в Дивриги, 1228 г. По замыслу скульптура геральдическая, ее техника исполнения ближе к пластике по металлу, чем к скульптуре: дело в том, что такие приемы, как удлинение у птицы ног, стилизованное изображение хвоста и элемент в виде полумесяца между телом и хвостом, существуют у ювелиров.

54. Каменная плита с изображением орла из крепости в Конье. Судя по месту обнаружения, она должна датироваться примерно 1221 г. Размеры плиты — 90 × 94 см; хранится она в музее Индже Минаре в Конье. Первоначально она находилась над двумя крылатыми гениями, охранявшими главный вход в крепость; по стилю этот орел похож на современное ему изображение с фрагмента парчи, представленное на фото 78.

55. Орел с двумя головами с фасада медресе Чифте в Эрзуруме, 1253 г., вариант изображенного на фото 52.

56. Наличник окна, находящийся в настоящее время в Музее турецкого и исламского искусства в Стамбуле. Ван Берчем и Й. Стржиговски считают, что он из Дярбакыра. Основу рисунка составляют куфические надписи, завитки и треугольники; эти орнаменты оживляет изображение геральдических животных. Упомянутые выше ученые в работе «Amida» (Гейдельберг, 1910, с. 357) высказывают мнение, что для историков данный

артефакт не представляет какого бы то ни было интереса. Хотя они считают, что наличник относится к XII в., однако на самом деле благодаря сходству в изображении крыльев похожих на львов существ и крыльев грифона из крепости в Конье (рис. 45), более точной датировкой представляется начало XIII в. Если сравнить соколов с этого наличника с соколами с фасада хана Ак в Аксараяе (фото 44), мы получим еще одно подтверждение датировки началом XIII в.

57. Рельефная скульптура дракона с телом змеи и хвостом, перерастающим в голову другого дракона, когда-то украшала стену крепости Коньи, поэтому его следует датировать примерно 1221 г. Размеры скульптуры — 33 × 96 см. Она похожа на относящееся к тому же периоду изображение таких же существ, которое прежде украшало ворота Талисман в Багдаде — там их душил халиф Насир, поскольку в их образе были представлены его враги: хорезмшах и монгольские завоеватели. Обращение в искусстве к образу дракона могло быть навеяно как Китаем, так и христианским миром, равно как такая идея могла появиться и на месте, ведь Фирдоуси использовал этот образ в качестве символа среднеазиатского кочевника тюркского происхождения.

58. Каменная плита из Коньи размером 50 × 55 см, датированная 1221 г., экспонируется в музее Индже Минаре в Конье. Перед нами — сидящий на стуле мужчина, который в правой руке держит сокола, а левой рукой под подбородком маленького человечка, стоящего перед ним. Борода и усы большей по размерам фигуры аккуратно подстрижены, а одежда намного изящней, чем на других скульптурах этого типа. Внешний вид этого человека и его превосходство в росте позволяет предположить, что это изображение султана.

Каменная плита со скульптурным рельефом слона, изображаемого диким зверем. Плита была встроена в стену крепости Коньи и поэтому датируется, как минимум, 1221 г. Ее размер — 150 × 55 см; она хранится в музее Индже Минаре в Конье. Ф. Сарре сравнивает изображение этой плиты со слоним, а не с попонами для этого жи-

вотного, найденной в захоронении Карла Великого, и выдвигает предположение, что создававшие этих слонов художники находились под влиянием сасанидских тканей. Тем не менее в равной степени такая похожесть вполне может объясняться и наличием прямых связей с Индией через Газну или Хорезм, особенно учитывая то, что отметины в форме точек и запятых на теле преследующего слона чудовища в данном случае видоизменились и напоминают часто используемые индийскими ювелирами формы.

60. Камень размером 50 × 57 см с рельефной скульптурой из стены крепости Коньи, поэтому датируемый минимум 1221 г., в настоящее время представлен в музее Индже Минаре в Конье. На нем изображен сидящий скрестив ноги человек, который в одной руке держит круглый предмет. Некоторые считают, что это яблоко, однако, если сравнить его с изображением той же сцены у Сасанидов, станет ясно, что на самом деле это должна быть чаша для питья; к XIII в. первоначальный смысл данной сцены был забыт, и сельджукские скульпторы продолжали изображать ее, не понимая истинного смысла.

61. Камень размером 90 × 90 см с изображением двух воинов в кольчугах и островерхих шлемах, XIII в. Экипировка воинов совпадает с оставленным Фирдоуси описанием одежды воина-тюрка, которая, по его словам, была черного цвета. Эта скульптура, довольно примитивная по технике исполнения, имеет много общего с более уйгурской по стилю рельефной скульптурой двух человек, якобы сделанной сельджуками; в настоящее время последняя принадлежит частному коллекционеру. Описываемый камень можно увидеть в Музее турецкого и исламского искусства в Стамбуле.

62. Одна из двух вырезанных на камне рельефных скульптур размером 153 × 94 см; первоначально они находились над главным входом в крепость Коньи, и поэтому их следует датировать примерно 1221 г. Сейчас они выставлены в музее Индже Минаре в Конье. По мнению Ч. Тексье, фигуры представляют собой Ормуз-

да и Аримана — Зло и Добро, однако при взгляде на них очень живо вспоминаются как греческие и византийские крылатые виктории и ангелы, так и джинны и духи эпохи Сасанидов, которые благодаря Хосрову I появились в 620 г. н. э. в Такибустане. Короны на голове фигур из Коньи очень похожи на корону халифа Назира, чье скульптурное изображение в 1222 г. было помещено над входом в багдадские ворота Талисман и, к сожалению, было снесено ветром в 1917 г., когда военные устроили в башне склад. В левой руке каждая из фигур держала полотенец и какой-то круглый предмет, возможно, символическое изображение солнца и луны, то есть всего мира.

63. Скульптура сидящего лютниста, XIII в., в настоящее время принадлежит Государственному музею в Берлине. Несмотря на внешнюю простоту композиции, она выполнена с высочайшим мастерством: она изящная, нежная и красивая. Сельджуки любили музыку, и их художники, точнее, их гончары с удовольствием изображали лютнистов. На керамическом изразце из дворца в Кубадабаде (сейчас изразец находится в музее Каратай в Конье) фигура лютниста трактуется по-другому, в стиле ее изображения больше чувствуется персидское влияние.

64. Блюдо (бронза с эмалью) с именем князя — Артукида Сукмана ибн Дауда из Хисн-Кайфы, правившего с 1114-го по 1144 г. В форме блюда и некоторых из его великолепных эмалей, особенно крупной фигуры в центре, чувствуется сильное византийское влияние и рука мастера-грека, а отдельные небольшие орнаменты с животными имеют явное родство с вышитыми медальонами на хранящемся в Фермо парчовом облачении Томаса Беккета. Но даже если это блюдо было сделано каким-нибудь греком, что представляется вполне вероятным, то тем не менее совершенно точно, что оно было изготовлено в мастерской мусульманина и не могло быть изделием, уникальным в своем роде.

65. Золотая пряжка для пояса размером 7,5 × 6 см в настоящее время принадлежит исламскому отделу Бер-

линского музея. Изображенные на ней животные представлены настолько реалистично, что пряжку, поначалу кажущуюся персидской работой, безошибочно относишь к сделанным в Анатолии. Крылья в форме листьев у зверей и голова орлов напоминают разнообразные рисунки и орнаменты XIII в., однако их большое сходство с парой грифонов в коронах (эта лепнина сейчас хранится в Эчмиадзине) говорит о связи со временем правления Кейхусрова II, когда по причине его большой любви к жене-грузинке влияние Кавказа было особенно сильным. Таким образом, данную пряжку можно датировать периодом с 1236-го по 1246 г.

66. Двери резной деревянной кафедры из мечети Ашрафоглу в Бейшехире датируются, вероятно, XIII в. Боковые стенки кафедры покрыты резьбой с не менее сложным геометрическим орнаментом.

67. Декоративное оформление деревянной двери XIII в.: геометрические узоры, цветочный орнамент и арабески прекрасно сочетаются с надписями.

68. Деревянные ставни из мечети Хаким Бей в Конье, 1258 г. Великолепная тонкая резьба, сложный орнамент и элегантность замысла — это характерные черты шедевра.

69. Отделанный изразцами михраб из медресе Сахип Аты в Конье, основанного этим визирем в 1258 г. и построенного по его заказу Келюком ибн Абдуллой, — это отличный образец таких алтарей. Техника мозаики из глазурованных изразцов предполагала предварительное разрезание керамических плиток на фрагменты определенной формы, причем с тем, чтобы обеспечить наилучшее прилегание, с внутренней стороны они должны были быть изогнутыми.

70. Один из 8 датированных XIII в. ковров Сельджукидов, которые в начале XX в. по-прежнему использовались по назначению в мечети Ала ад-дина в Конье. Сейчас они хранятся в музее Мевлана в Конье. Несмотря на частичные повреждения, размеры этого ковра почти не изменились и составляют около 3 м в ширину. Существуют убедительные доказательства того, что ковры

были изготовлены в Конье и подарены мечети если не самим султаном, то одним из его главных министров или наиболее приближенных к нему придворных.

71. Эта украшенная резьбой и росписью подставка для Корана из дерева ореха была подарена Джалал ад-дину Руми в 1278/79 г. Джемал ад-дином ас-Сахиби. В настоящее время она хранится в музее Мевлана в Конье. Размеры изделия — 94,5 × 42,5 см. Внешняя сторона подставки покрыта сложной резьбой из затейливых арабесок в квадратном бордюре, по верху нижней части подставки вырезана надпись.

72. Деталь росписи красками на внутренней части подставки для Корана. На сегодняшний день эта подставка — единственный образец художественной росписи периода Сельджукидов. Роспись выполнена золотой и черной красками на красном фоне. Основной узор заключен в круг, помещенный в квадрат, свободные места в углах последнего заполнены искусным орнаментом пальметта. Центральный мотив медальона — сильно стилизованное изображение орла с двумя головами (его длина — 35 см) на фоне переплетающихся, подобно паутине, цветочных арабесок, из которых, как из джунглей, выглядывают 14 львов. Судя по дошедшим до нас описаниям, покрытые росписью балки кешка Ала ад-дина в Конье, появившиеся лет за десять—двадцать до подставки, вероятно, были оформлены в том же стиле; поскольку данная живописная работа имеет безусловное сходство с фресками палатцо Реале в Палермо, для того чтобы получить представление о том, какой могла быть живопись периода Сельджукидов в Конье, нам, судя по всему, стоит внимательнее приглядеться к росписям сарацинов на Сицилии.

73. Подставка для Корана в открытом виде; покрытые красочной росписью створки готовы предоставить для Корана опору, украшенная резьбой обратная сторона створок на фотографии не видна.

74. Чаша довольно грубой работы для повседневного использования из музея Кайсери. Диаметр изделия — 16,5 см, оно датируется серединой XIII в. Снаружи чаша

зеленая с коричневыми полосами; внутри на желтом фоне коричневой краской сделан рисунок, затем вся внутренняя поверхность была покрыта глазурью. В центре чаши изображено стилизованное сердце с цветочной виньеткой внутри.

75. Изразец со сценой охоты Бахрам-Гура и Лейлы, площадь 20 см². Вероятно, это изразец из дворца Ала ад-дина в Конье, в настоящее время он находится там в коллекции Коюноглу. Несмотря на то что на первый план выступают уйгурские и персидские мотивы, стиль и композиция явно анатолийские, глина и цветовая гамма — тоже. Преобладающий цвет — синий, на заднем плане — с оттенком зеленого, в фигуре лошади — белый, а зайца — с краснотой. Синяя попона контрастирует с одеждой Бахрам-Гура, в которой присутствуют пурпурный и его оттенки, синий и золото. Те же цвета имеются и в одежде Лейлы, однако там основной тон бледно-зеленый. Кроме этих цветов, в картине есть небольшое количество черного.

76. Большой фрагмент небольшого по размеру ковра Сельджукидов середины XIII в. из мечети Ала ад-дина в Конье, ныне хранящийся в музее Мевлана в Конье. В косоугольниках в форме бриллиантов заключен более древний мотив — одно животное спиной к другому (рис. 54, а, б). Через равные промежутки основной мотив нарушается сердечками.

77. Фрагмент золотой с красным парчи, найденный в аббатстве в Оверни и в настоящее время хранящийся в Музее истории тканей в Лионе. В образующей бордюра надписи указан 616 г. хиджры, что соответствует 1218/19 г. н. э., и упоминается Кейкубад I, сын султана Кейхусрова, построивший большую часть Коньи. Хотя образ леопарда пользовался меньшей популярностью, чем образ льва, он тоже был символом власти султана; тела изображенных на парче леопардов повернуты в стороны, морды обращены к зрителю, а лапы сжимают что-то похожее на змею, свивающуюся в когтях орла на скульптурном рельефе из крепости Коньи. В каталоге Лионского музея за 1929 г. выдвигается предположение,

то парча была соткана в Египте, однако сколько-нибудь убедительные причины такого предположения отсутствуют, ведь стиль рисунка и все его элементы типично анатолийские. Параллели большинству из них можно найти в рисунках изразцов, изготовленных для ворца в Конье, а также в скульптуре.

78. Фрагмент золотой с красным парчи из храма поллинария в Зигбурге, принадлежащий исламскому отделу музея Западного Берлина. Хотя, по мнению одних, эта парча была соткана в Палермо, а по мнению других, в Багдаде, это типичное изделие сельджуков Малой Азии и, без сомнения, было изготовлено в Конье для султана или какого-то из первых сановников его двора. Основной мотив рисунка образуют орлы — символ принадлежности к семье султана; по стилю эти птицы напоминают скульптурное изображение орла, сжимающего в когтях змею, которое, согласно зарисовке де Лабурде от 1825 г. (фото 10), находилось над входом в крепость. Эта ткань принадлежала, вероятно, Алаудину Кейкубаду I (1219—1235) или его преемнику, и очень жаль, что совершенно не сохранился ее край, на котором вполне могла быть надпись с именем. Форма медальона в виде сердца на первый взгляд кажется привычной с Запада, однако такая форма довольно часто встречается в исламском искусстве. Л. Майер в книге, посвященной геральдике сарацинов, высказывает мнение, что сердце было символическим обозначением замкнутого поста, хотя сейчас это невозможно проверить. Этот же образ изображен и на чаше из музея Сери, представленной на фото 74.

79. Монеты Сельджукидов — аверс, натуральная величина. Справа налево представлены:

Первый ряд: серебряная монета Кылыч Арслана II, 582 г. хиджры, 1186 г. н. э.; серебряная монета Масуда II, Мардин—Байбурт, 687—689 г. хиджры, 1289 г. н. э.; серебряная монета Кейхусрова III, 674 г. хиджры, 1275 г. н. э.

Второй ряд: серебряная монета Кылыч Арслана IV, 646 г. хиджры, 1248 г. н. э.; серебряная монета

Кейхусрова II, Сивас, 638 г. хиджры, 1240 г. н. э.; серебряная монета Кейкавуса I, Конья, 610 г. хиджры, 1212 г. н. э.; серебряная монета Кейхусрова I, Конья, 604 г. хиджры, 1205 г. н. э.

нижний ряд: серебряная монета Сулеймана II, Кайсери, 597 г. хиджры, 1201 г. н. э.; медная монета Сулеймана II, дата и знак монетного двора отсутствуют; медная монета Мёгис ад-дина Тогрул-шаха, 613 г. хиджры, 1215 г. н. э.; серебряная монета Кейкавуса I, Конья, 610 г. хиджры, 1212 г. н. э.

80. Реверс монет Сельджукидов в перечисленном выше порядке (см. пояснение к фото 79).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
От автора	10
Список важных дат	11
Династии Сельджукидов	12
<i>Глава 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН</i>	17
<i>Глава 2. ИСТОРИЯ СЕЛЬДЖУКОВ РУМА</i>	36
<i>Глава 3. ОБРАЗ ЖИЗНИ СЕЛЬДЖУКИДОВ</i>	81
<i>Глава 4. РЕЛИГИОЗНАЯ И СВЕТСКАЯ МЫСЛЬ И ЛИТЕРАТУРА</i>	119
<i>Глава 5. ПОВСЕДНЕВНОЕ ИСКУССТВО</i>	136
<i>Глава 6. ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО</i>	165
<i>Приложение I</i> Сунниты, шииты, исмаилиты и ассасины	197
<i>Приложение II</i> Саманиды и Газневиды	200
Хорезмское царство	201
<i>Приложение III</i> Здания с глазурованными изразцами	203
Примерная хронологическая таблица сельджукских построек в Малой Азии	203
Караван-сарай, мосты, усадьбы-кешки, термальные бани и источники	213
Архитекторы и мастера-каменщики	215
Резчики по дереву, керамисты, каллиграфы	216
Подписи к фотографиям	218

Райс Тамара Т.

СЕЛЬДЖУКИ

Кочевники — завоеватели Малой Азии

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *Т.В. Вышегородцева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.03.2004.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.

Уч.-изд. л. 11,56 + 3 альбома = 13,75.

Тираж 7000 экз. Заказ № 1004.

ЗАО «Центрополиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTROPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ФГУИПП «Курск».
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.